

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (52)

2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

- Хабибуллина Г. Р.* Влияние правовых позиций конституционных и уставных судов на концепцию регионального законопроекта 5
- Романовская О. В.* Акт о свободе и права человека: американская модель противодействия терроризму 12
- Митина А. О.* Цифровизация общества и развитие конституционных прав граждан 23
- Володина К. С.* О некоторых проблемах определения места конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в системе основных прав и свобод человека и гражданина 33
- Тимошкина О. А.* Современное состояние и проблемы реформирования института адвокатуры в Российской Федерации как органа, осуществляющего оказание квалифицированной юридической помощи гражданам 42
- Мкртчян А. Д., Валуйсков Н. В., Бондаренко Л. В., Хлгтян А. А.* Совершенствование системы уголовной политики как основа справедливого социального устройства и укрепления государственности ... 52
- Емелин М. Ю., Николаев Б. В.* Отказ от военной службы на основании религиозных убеждений в практике Верховного Суда США 63
- Капитонова Е. А.* Правовой статус неродившегося ребенка: новый подход к определению 70

СОЦИОЛОГИЯ

- Рассадина Т. А., Репина Е. И.* Особенности рационализации деловых и межличностных отношений современной молодежи 80
- Розенберг Н. В., Карпова М. К.* Интернет-пространство в формировании социального капитала молодежи: социологический анализ 95
- Лузгина О. А., Кузьмина М. Г.* Социально-экономические последствия внедрения гигномики в промышленном бизнесе 107

Найденова Л. И., Барсукова С. А., Сеидов Ш. Г. Методология исследования депривации малообеспеченных слоев регионального социума 118

Бондаренко В. В., Полутин С. В., Кузнецова Е. В., Юдина В. А. Основные направления формирования профессиональных компетенций госслужащих 127

ЭКОНОМИКА

Бурланков С. П., Кузьмин С. А., Володин В. М., Скворцова В. А. Факторы, влияющие на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия 138

Володин В. М., Дубина Г. И., Князькина А. А. Современное состояние системы государственного регулирования села в Пензенской области 147

Кириллов А. А., Радченко Т. Е. Рынок индустрии гостеприимства г. Екатеринбурга: маркетинговый подход 159

Рожкова Л. В., Тузускина Г. Н., Сальникова О. В. Управление персоналом в международных организациях 167

Сергеева И. А., Чунаев С. Ю. Методика диагностики технико-технологической, интеллектуально-кадровой и правовой составляющих экономической безопасности промышленного предприятия 181

Чернецова Н. С., Новосельцева Г. Б. Государственные механизмы согласования системы экономических интересов 191

Гамидуллаева Л. А., Шкарупета Е. В., Тарасов А. В., Лузгина О. А. Разработка и реализация сценариев цифровой трансформации промышленных экосистем 202

Романенко М. А. Особенности профессиональных компетенций гибкой команды инновационных проектов предприятия 211

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION**

SOCIAL SCIENCES

№ 4 (52)

2019

CONTENTS

LAW

<i>Khabibullina G. R.</i> Influence of legal positions of constitutional and statutory courts on the concept of the regional draft law	5
<i>Romanovskaya O. V.</i> Freedom act and human rights: american counter-terrorism model	12
<i>Mitina A. O.</i> Digitalization of society and development of constitutional rights of citizens	23
<i>Volodina K. S.</i> On certain issues of determining the place of the citizens' constitutional right to entrepreneurship and other not prohibited by law economic activities in the system of basic rights and freedoms of human and citizen	33
<i>Timoshkina O. A.</i> The current state and problems of reforming the institute of the bar in the russian federation as an authority, that provides qualified legal assistance to citizens.....	42
<i>Mkrtychyan A. D., Valuyskov N. V., Bondarenko L. V., Khlgatyan A. A.</i> Improving the system of criminal policy as a basis for just social structure and strengthening the state system	52
<i>Emelin M. Yu., Nikolaev B. V.</i> A refusal to serve in the military based on religious beliefs in practice of the Supreme Court of the United States.....	63
<i>Kapitonova E. A.</i> Legal status of the unborn child: a new approach to definition	70

SOCIOLOGY

<i>Rassadina T. A., Repina E. I.</i> Features of rationalization of business and interpersonal relations of modern youth	80
<i>Rozenberg N. V., Karpova M. K.</i> Internet space in the formation of social youth's capital: sociological analysis.....	95
<i>Luzgina O. A., Kuz'mina M. G.</i> Social and economic consequences of introducing gignomics in the industrial business	107
<i>Naydenova L. I., Barsukova S. A., Seidov Sh. G.</i> Methodology of the deprivation research of low-bracket category of the regional socium.....	118

<i>Bondarenko V. V., Polutin S. V., Kuznetsova E. V., Yudina V. A.</i> The main directions of professional competencies' formation of state employee	127
--	-----

ECONOMICS

<i>Burlankov S. P., Kuz'min S. A., Volodin V. M., Skvortsova V. A.</i> Factors influencing the management system of innovative potential of industrial enterprises	138
<i>Volodin V. M., Dubina G. I., Knyaz'kina A. A.</i> Current condition of the village regulation state system in Penza region	147
<i>Kirillov A. A., Radchenko T. E.</i> Market of hospitality industry in Ekaterinburg: a marketing approach	159
<i>Rozhkova L. V., Tuguskina G. N., Sal'nikova O. V.</i> Human resources management in international organizations	167
<i>Sergeeva I. A., Chunaev S. Yu.</i> Diagnostics' methods of technical-technological, intellectual-personnel and legal components of the economic safety of the industrial enterprise	181
<i>Chernetsova N. S., Novosel'tseva G. B.</i> State mechanisms of accommodation of the economic interests system.....	191
<i>Gamidullaeva L. A., Shkarupeta E. V., Tarasov A. V., Luzgina O. A.</i> Development and implementation of digital transformation scenarios of industrial ecosystems	202
<i>Romanenko M. A.</i> Features of professional competencies of the flexible team of innovative enterprise projects	211

УДК 342.5
DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-1

Г. Р. Хабибуллина

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ НА КОНЦЕПЦИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОПРОЕКТА

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность темы обусловлена тем, что в юридической литературе недостаточно работ, посвященных способам и формам влияния конституционных и уставных судов на законопроектную деятельность в субъектах Российской Федерации. Цель исследования – выявить эти способы и формы, установить их особенности.

Материалы и методы. Реализация поставленной цели и задач была достигнута на основе изучения судебной практики конституционных и уставных судов, выработанных ими правовых позиций, в том числе с учетом общих принципов права, теоретических представлений отечественных правоведов, посвященных проблемам правотворчества и законотворчества. Методологическую основу исследования составили приемы и методы сравнительно-правового и системно-функционального анализа, а также формально-юридический подход к объекту исследования.

Результаты. Результатом проведенной работы стало выявление основных способов влияния конституционных и уставных судов на законопроектную деятельность в субъектах Российской Федерации, а также на его итоги в виде разработанной концепции регионального законопроекта (закона).

Выводы. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что конституционные и уставные суды выступают императивными субъектами права законодательной инициативы, а выработанные ими правовые позиции необходимо рассматривать в качестве неотъемлемого компонента концепции регионального законопроекта (закона).

Ключевые слова: конституционные и уставные суды, принципы права, региональный законопроект, региональный закон, концепция регионального законопроекта, концепция регионального закона.

G. R. Khabibullina

INFLUENCE OF LEGAL POSITIONS OF CONSTITUTIONAL AND STATUTORY COURTS ON THE CONCEPT OF THE REGIONAL DRAFT LAW

© Хабибуллина Г. Р., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. The relevance of this topic is due to the fact that in the legal literature there are not enough works on the methods and forms of influence of constitutional and statutory courts on legislative activity in the subjects of the Russian Federation. The purpose of the work is to identify these methods and forms, to establish their features.

Materials and methods. The realization of the goal and objectives of the study was achieved on the basis of the study of judicial practice of constitutional and statutory courts, their legal positions, including taking into account the General principles of law, theoretical ideas of domestic lawyers on the problems of lawmaking and lawmaking. The methodological basis of the study was the methods and techniques of comparative legal and system-functional analysis, as well as formal legal approach to the object of study.

Results. The result of the study was the identification of the main ways of influence of constitutional and statutory courts on the legislative activity in the subjects of the Russian Federation, as well as its results in the form of the developed concept of the regional bill (law).

Conclusions. Based on the analysis, it is concluded that the constitutional and statutory courts are mandatory subjects of the law of legislative initiative, and the legal positions developed by them should be considered as an integral component of the concept of the regional bill (law).

Keywords: constitutional and statutory courts, principles of law, regional draft law, regional law, concept of regional draft law, concept of regional law.

В правотворческой практике концепция законопроекта выступает неотъемлемым компонентом законодательного процесса (федерального, регионального), о чем, в частности, свидетельствуют регламенты парламентов субъектов Российской Федерации, где повсеместно закрепляется, что при рассмотрении регионального законопроекта в первом чтении обсуждается его концепция [1]. На этой стадии особое значение приобретает экспертиза законопроекта, которая осуществляется по разным направлениям (включая антикоррупционное) [2].

Структура и содержание названных регламентов также позволяют заключить, что концептуальные аспекты присутствуют во всех формах реализации законодательной инициативы в парламентах субъектов Российской Федерации, начиная с законопроекта, законопроекта о внесении изменений в действующий региональный закон либо о признании такого закона или его отдельных положений утратившими силу, и заканчивая поправками к законопроекту. Неслучайно в отечественной доктрине правотворчества предлагается различать концепцию первичного законопроекта, концепцию внесения изменений в закон, концепцию дополнений к закону и концепцию утраты силы (отмены) закона [3, с. 25].

В предельно общем значении концепция законопроекта, раскрываемая как замысел законодателя в отношении имеющейся общественно значимой проблемы, которая, по мнению различных исследователей, может вбирать в себя идею, представленную в развернутой системе конкретных тезисов и суждений [4, с. 28–29], либо цели законодателя вместе с обоснованными способами их достижения, включая установление прав, обязанностей и запретов, бюджетных расходов и государственных институтов [5, с. 9–10], отражает этимологическое значение данного понятия (от лат. *conceptio* – понимание,

система), означающего определенный способ понимания, трактовки какого-либо явления, основные точки зрения, руководящую идею для их освещения и, кроме того, конструктивный принцип различных видов деятельности [6, с. 633], в том числе правотворческой.

В формировании концепции регионального законопроекта (закона) участвуют не только законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, но и органы конституционной юстиции, которые, как известно, наделяются в конституционном или уставном порядке правом законодательной инициативы в ограниченном режиме (по предметам собственного ведения, например в Республиках Татарстан, Марий Эл и Северная Осетия – Алания) либо неограниченным (в Республиках Коми и Башкортостан).

Вместе с тем, как показывает правотворческая практика, наличие компетенционных рамок, ограничивающих право законодательной инициативы, не препятствует конституционным и уставным судам участвовать в правовой экспертизе проектов региональных законов. Так, Конституционный суд Республики Северная Осетия – Алания непосредственно реализовал в 2018 г. право законодательной инициативы, инициировав рассмотрение в Парламенте Республики Северная Осетия – Алания проектов Конституционного закона «О внесении изменений в Конституцию Республики Северная Осетия – Алания», Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Северная Осетия – Алания», проекта Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Северная Осетия – Алания "Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания и мировых судей в Республике Северная Осетия – Алания"», но при этом предоставил заключения по 116 законопроектам и 100 законам Республики Северная Осетия – Алания [7].

Выступая инициатором разработки и внесения регионального законопроекта, конституционные и уставные суды формируют их концептуальные основы с учетом общих принципов гуманизма, справедливости, равенства, законности и федерализма, определяющих ориентиры для любой юридической деятельности, включая законопроектную, разрабатывают на их основе правовые позиции относительно той проблемы, на решение которой направлено предлагаемое ими законодательное регулирование. Причем, как и все субъекты права законодательной инициативы, органы конституционной юстиции обязаны исходить из определенных условий, к числу которых относятся требования о научно обоснованных представлениях относительно сферы правового регулирования, данные о заинтересованных категориях физических и юридических лиц, предполагаемых новеллах в содержании их правового статуса или объема прав, обязанностей и ответственности, вводимых ограничениях, запретах и гарантиях, влиянии нового законодательного регулирования на доходы и расходы бюджета субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Вместе с тем специфика судебного конституционного контроля выражается в том, что оценка конституционности правовых норм одновременно затрагивает и концептуальные основы рассматриваемого закона, который включает в себя информацию о предмете, целях, субъектах и механизме законодательного регулирования общественных отношений. Весьма показат-

тельным в этом плане является Постановление Конституционного суда Республики Марий Эл от 25 апреля 2017 г. [8], где предметом рассмотрения выступают нормативные положения, устанавливающие новый механизм правового регулирования вопросов предоставления мер социальной поддержки ветеранам труда, труженикам тыла, реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий.

При этом проверка их конституционности осуществляется в контексте принципа социального государства, который, с одной стороны, является частью основ конституционного строя, одним из главных устоев, основных принципов, обеспечивающих государству конституционный характер [9, с. 125], а с другой – правовым принципом государственной социальной политики, в том числе правовой (законодательной), направленной на создание условий достойной жизни и свободного развития человека.

Аргументируя свои выводы, Конституционный суд Республики Марий Эл указал на то, что правовое регулирование вопросов социальной защиты граждан изначально должно отвечать целям и задачам социального государства, основываться на положениях федерального законодательства при соблюдении принципов разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Далее, подчеркнув, что применение способа определения критериев нуждаемости при оказании мер социальной поддержки либо изменении их размера и объема входит в полномочия законодателя, который должен обеспечить соблюдение принципов правового регулирования, включая равенство при реализации прав на обязательные меры социальной поддержки, Конституционный суд Республики Марий Эл сформулировал правовую позицию, значимую для концепции любого законодательного акта (его проекта) в обозначенной сфере правового регулирования, а именно: конституционный принцип равенства не препятствует в установлении различий в правовом статусе лиц, имеющих различный уровень доходов и, следовательно, обладающих различной степенью нуждаемости в оказании мер социальной поддержки.

Кроме того, в названном постановлении Конституционный суд Республики Марий Эл изложил в соответствии с судебной практикой Конституционного Суда Российской Федерации правовую позицию, раскрывающую внутреннее содержание концепции регионального закона (законопроекта) в указанной предметной области правового регулирования, согласно которой при оказании мер социальной поддержки отдельным категориям граждан государство вправе выбрать способы и порядок, в том числе размер, условия и иные критерии, определяющие возникновение права на получение мер социальной поддержки, причем такой выбор является прерогативой законодателя, который при установлении правового регулирования должен учитывать социально-экономическое положение республики и предложить такой механизм социальной поддержки, который учитывал бы реальную нуждаемость в ее оказании.

К числу иных судебных технико-юридических приемов, влияющих на совершенствование концептуальных основ рассматриваемых региональных законов на предмет их конституционности, можно отнести рекомендации конституционных и уставных судов по обновлению самой модели законодательного регулирования общественных отношений.

Так, в Постановлении Конституционного суда Республики Татарстан от 23 апреля 2015 г. № 62-П [10], несмотря на признание рассматриваемого законоположения соответствующим Конституции Республики Татарстан, содержится предложение о совершенствовании правового регулирования обеспечительного механизма реализации права граждан на проведение собраний, митингов, демонстраций и шествий в Республике Татарстан. В частности, Конституционный суд Республики Татарстан посчитал возможным рекомендовать республиканскому законодателю ввести дифференцированный подход к регулированию порядка проведения отдельных форм публичных мероприятий, включая определение мест, в которых проведение таких мероприятий запрещается.

Другой распространенный технико-юридический прием, к которому обращаются конституционные и уставные суды для сохранения первичной концепции действующего закона, выражается в том, что конституционный (уставной) суд признает его соответствующим конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, но на основе выявленного конституционно-правового смысла.

К примеру, в Постановлении Конституционного суда Республики Коми от 30 января 2019 г. [11] оспариваемое законоположение объявлялось соответствующим Конституции Республики Коми, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не предполагало по своему конституционно-правовому смыслу лишения педагогических работников, имеющих право выхода на пенсию, но по тем или иным причинам прекратившим трудовые отношения с сельским или поселковым образовательным учреждением по другим основаниям, мер социальной поддержки при условии, что после увольнения эти лица в установленном порядке и в необходимые для оформления своего волеизъявления сроки перешли на пенсию.

Учитывая влияние конституционных и уставных судов на законопроектную деятельность, а также юридическую силу итоговых решений, органы конституционной юстиции необходимо рассматривать в качестве императивных субъектов права законодательной инициативы в субъектах Российской Федерации [12, 13]. Особое значение в правотворческой деятельности занимают правовые позиции конституционных и уставных судов, которые впоследствии могут быть реализованы в виде законотворческой инициативы. Кроме того, правовые позиции, выработанные на основе принципов права, могут стать базой будущей структуры законопроекта (закона). Данный вывод актуален не только для федерального уровня власти, но и для уровня субъекта Российской Федерации.

Осуществляя юридическую оценку конституционности региональных законов, конституционные и уставные суды выполняют корректирующую функцию в том смысле, что способствуют сохранению либо совершенствованию их концепции.

Библиографический список

1. **Арнаутова, А. А.** Генезис экспертизы законопроектов в России / А. А. Арнаутова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 20–24.
2. **Баранов, В. И.** Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования / В. И. Баранов // Юридическая наука и практика. – 2012. – № 17. – С. 15–29.

3. **Баранов, В. И.** Идея законопроекта / В. И. Баранов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 28–39.
4. **Евлоев, И. М.** Концепция законопроекта: константа или благие намерения? / И. М. Евлоев // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 56–60.
5. **Царев, А. Ю.** Концепция закона в законотворчестве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Царев А. Ю. – Москва, 2006. – 24 с.
6. Большая советская энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1980.
7. Информация о деятельности Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания за 2018 год. – URL: http://www.deyatel_nost_ks_rso_g_2x
8. По делу о проверке соответствия Конституции Республики Марий Эл пунктов 1–5 статьи 1 Закона Республики Марий Эл от 20 декабря 2016 г. № 55-З «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Марий Эл в части предоставления мер по принципу адресности с применением критериев нуждаемости» в связи с запросом Уполномоченного по правам человека в Республике Марий Эл : Постановление Конституционного суда Республики Марий Эл от 25 апреля 2017 г. – URL: http://www.docviewer.yandex.ru.170614_B5.docx
9. **Козлова, Е. И.** Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 3-е изд., перераб. и изм. – Москва : Юрист, 2004. – 587 с.
10. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 12 Закона Республики Татарстан от 25 декабря 2012 г. № 91-ЗРТ «Об обеспечении условий реализации прав граждан на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Республике Татарстан» в связи с жалобой А. В. Прокофьева и Х. Г. Миргалимова : Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 23 апреля 2015 г. № 62-П // Республика Татарстан. – 2015. – 15 мая. – № 66.
11. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 18 Закона от 12 ноября 2004 № 55-РЗ «О социальной поддержке населения в Республике Коми» по запросу Усть-Куломского районного суда Республики Коми : Постановление Конституционного суда Республики Коми от 30 января 2019 г. // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. – 2019. – № 2. – Ст. 36.
12. **Романовская, О. В.** Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации в решениях Верховного Суда Российской Федерации / О. В. Романовская // Реформы и право. – 2009. – № 2. – С. 35–53.
13. **Романовская, О. В.** Принцип деконцентрации государственной власти в конституционном праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 85–93.

References

1. Arnautova A. A. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of russian law]. 2018, no. 6, pp. 20–24. [In Russian]
2. Baranov V. I. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Juridical science and practice]. 2012, no. 17, pp. 15–29. [In Russian]
3. Baranov V. I. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical technique]. 2007, no. 1, pp. 28–39. [In Russian]
4. Evloev I. M. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge]. 2018, no. 4, pp. 56–60. [In Russian]
5. Tsarev A. Yu. *Kontseptsiya zakona v zakonotvorchestve Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Law concept in the lawmaking in the Russian Federation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2006, 24 p. [In Russian]
6. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. [In Russian]

7. *Informatsiya o deyatelnosti Konstitutsionnogo suda Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya za 2018 god.* [Information on the activities of the Constitutional Court of the Republic of North Ossetia-Alania in 2018] Available at: http://www.deyatelnost_ks_rso_g_2kh [In Russian]
8. *Po delu o proverke sootvetsviya Konstitutsii Respubliki Mariy El punktov 1–5 stat'i 1 Zakona Respubliki Mariy El ot 20 dekabrya 2016 g. № 55-Z «O vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Mariy El v chasti predostavleniya mer po printsipu adresnosti s primeneniem kriteriev nuzhdaemosti» v svyazi s zaprosom Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Respublike Mariy El: Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Respubliki Mariy El ot 25 aprelya 2017 g. x* [On the case of inspection compliance with the Constitution of the Republic of Mari El, paragraphs 1-5 of article 1 of the Law of the Republic of Mari El of December 20, 2016 No.55-Z “On amendments to some legislative acts of the Republic of Mari El regarding the provision of measures on the principle of targeting using criteria of need” because of the request of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Mari El: Determination of the Constitutional Court of the Republic of Mari El of April 25, 2017] Available at: http://www.docviewer.yandex.ru.170614_B5.docx [In Russian]
9. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [Constitutional law of Russia: textbook]. 3d ed., rev. and amended. Moscow: Yurist, 2004, 587 p. [In Russian]
10. *Respublika Tatarstan* [Republic of Tatarstan]. 2015, 15 May, no. 66. [In Russian]
11. *Vedomosti normativnykh aktov organov gosudarstvennoy vlasti Respubliki Komi* [Bulletin of normative acts of state authorities of the Komi Republic]. 2019, no. 2, art. 36. [In Russian]
12. Romanovskaya O. V. *Reformy i pravo* [Reforms and law]. 2009, no. 2, pp. 35–53. [In Russian]
13. Romanovskaya O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 2 (38), pp. 85–93. [In Russian]

Хабибуллина Гульнара Рушановна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного
и административного права,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Россия, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18)

E-mail: liliana018@mail.ru

Khabibullina Gul'nara Rushanovna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of constitutional
and administrative law, Kazan University
(18, Kremlyovskaya street, Kazan, Russia)

Образец цитирования:

Хабибуллина, Г. Р. Влияние правовых позиций конституционных и уставных судов на концепцию регионального законопроекта / Г. Р. Хабибуллина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 5–11. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-1.

АКТ О СВОБОДЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Американская модель противодействия терроризму отличается своей эффективностью. На территории США, начиная с 11 сентября 2001 г., практически не было масштабных терактов, унесших большое количество жизней. Кроме того, именно на территории США зачастую происходит апробация новых форм и средств борьбы с террористическими угрозами. Американский опыт может быть учтен при совершенствовании российского законодательства в сфере противодействия терроризму. Цель работы – провести сравнительно-правовое исследование Акта о свободе, принятого в 2015 г., выявить его содержание, а также отличительные черты от Патриотического акта, принятого в 2001 г. в ответ на атаку на здания Всемирного торгового центра; обозначить параметры допустимых ограничений прав человека в сфере борьбы с террористическими угрозами.

Материалы и методы. Научные задачи были разрешены благодаря анализу широкого спектра источников, освещающих политическую ситуацию во время рассмотрения Акта о свободе в 2015 г. в США. Были исследованы различные документы, отражающие политическую дискуссию того времени. В качестве основного метода исследования был использован компаративистский, позволивший провести изучение зарубежных нормативных и доктринальных источников.

Результаты. Представлен общий вывод об уточнении полномочий американских спецслужб в сфере противодействия терроризму. Особое значение уделено приданию открытости действий правоохранительных органов при проведении мероприятий, затрагивающих права и свободы американских граждан.

Выводы. В статье указывается, что в США происходит постоянный процесс совершенствования законодательства в сфере противодействия терроризму. Акт о свободе был направлен на придание большей открытости в деятельности правоохранительных органов, что должно укрепить доверие к деятельности спецслужб. Акт о свободе произвел перезагрузку внутри самих США – критика ранее используемых практик существенно снизилась, хотя основные полномочия по ведению скрытого наблюдения за общением граждан с помощью телекоммуникационных технологий не подверглись сомнению.

Ключевые слова: права человека, терроризм, противодействия, ограничения, Соединенные Штаты Америки, Акт о свободе.

О. В. Romanovskaya

FREEDOM ACT AND HUMAN RIGHTS: AMERICAN COUNTER-TERRORISM MODEL

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00071-ОГН.

© Романовская О. В., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. The American model of countering terrorism is notable for its effectiveness. In the United States, since September 11, 2001, there have been virtually no large-scale terrorist attacks that claimed a large number of lives. In addition, it is in the United States that the testing of new forms and means of combating terrorist threats often takes place. The American experience can be taken into account when improving Russian legislation in the field of countering terrorism.

The object of article is to conduct a comparative legal study of the Freedom Act, adopted in 2015, to identify its contents, as well as distinguishing features from the Patriotic Act, adopted in 2001 in response to the attack on the World Trade Center buildings. Identify the parameters of permissible restrictions on human rights in the fight against terrorist threats.

Materials and methods. Scientific tasks were solved by analyzing a wide range of sources covering the political situation during the consideration of the Freedom Act in 2015 in the United States. Various documents were examined reflecting the political debate of the time. The comparative method was used as the main research method, which allowed the study of foreign regulatory and doctrinal sources.

Results. A general conclusion is presented on clarifying the powers of the American special services in the field of countering terrorism. Particular importance is given to giving openness to the actions of law enforcement agencies during events affecting the rights and freedoms of American citizens.

Conclusions. The article indicates that the United States is undergoing a continuous process of improving legislation in the field of counter-terrorism. The Freedom Act was aimed at giving greater openness to the activities of law enforcement agencies, which should strengthen confidence in the activities of special services. The Freedom Act rebooted within the United States itself - criticism of previously used practices has significantly decreased, although the basic powers to conduct covert surveillance of citizens' communications using telecommunication technologies have not been questioned.

Keywords: human rights, terrorism, countermeasures, restrictions, United States of America, Freedom Act.

11 сентября 2001 г. оказало серьезное воздействие на всю психологию борьбы с терроризмом в Соединенных Штатах Америки. И этому есть веские причины. Во-первых, атака на Всемирный торговый центр унесла значительное число жизней мирных граждан. Количество жертв превысило потери, понесенные США во время налета японской авиации на военно-морскую базу Перл-Харбор. Только надо учитывать, что в декабре 1941 г. в операции участвовало около 300 боевых самолетов. Во-вторых, в теракте участвовали не нищие и необразованные мигранты, а весьма продвинутые в пользовании достижениями современных электронных технологий, хорошо образованные граждане и со сложившейся жизненной позицией. В то же время они были столь грамотно психологически обработаны, что находились в состоянии, «свободного от страха, критического мышления и моральных сомнений» [1]. В-третьих, были выявлены существенные проблемы в организации безопасности. Правоохранительные органы отслеживали контакты некоторых непосредственных участников терактов, но не могли получить достоверную информацию о готовящихся преступлениях в силу инертности правовых актов, посвященных ограничению прав человека в целях противодействия терроризму.

Реакция не замедлила себя ждать. Дж. Буш объявил войну терроризму, что имело далеко идущие последствия. В настоящее время концепция «войны против террора» имеет свое распространение. Ее особенность заключается в том, что ни национальные, ни международные правовые акты не имеют прямых норм действия, позволяя государству манипулировать ими при оправдании собственных действий в пограничных ситуациях. Так, террористы перестают быть преступниками в обычном понимании, а значит не требуется доказательств их вины и официального решения суда. Они могут быть уничтожены как представители воюющей стороны. С другой стороны, они не обладают статусом комбатантов, а значит на них не распространяются привилегии военнопленных, законы и обычаи войны.

Для самого американского общества следствием атаки 11 сентября стало принятие Патриотического акта – специального закона, внесшего масштабные изменения в нормативные акты, регулирующие деятельность американских спецслужб. Инициатором данного документа выступил Генеральный прокурор США Джон Эшкрофт. Его основная цель – усиление возможностей спецслужб в части установления контроля за населением страны. Были внесены в основополагающие нормативные акты в данной сфере:

– Закон 1978 г. о наблюдении за деятельностью иностранных разведывательных служб в США (Foreign Intelligence Surveillance Act; используется также сокращенное название – FISA [2]);

– Закон 1994 г. о помощи провайдеров коммуникационных услуг правоохранительным органам (The Communications Assistance for Law Enforcement Act; сокращенное название – CALEA [3]).

Изменилось уголовное законодательство в части уточнения различных понятий в сфере противодействия терроризму, а также установления связи с организованной преступностью. Допускались превентивные задержания иностранных граждан, а также немотивированные выдворения их из страны.

Введенные ограничения подверглись жесткой критике со стороны американских правозащитников. Напомним, что избирательная кампания Барака Обамы строилась на лозунге возвращения демократических свобод в американское общество. Патриотический акт обозначался как временный документ, срок действия которого истек в 2015 г. Именно поэтому при приближении даты окончания срока действия Патриотического акта дискуссии о его пролонгации получили особую остроту (хотя ряд конгрессменов предлагали его просто продлить до 2019 г.) [4]. В конечном итоге было принято решение о принятии нового закона, получившего столь громкое название – Акт о свободе. Это было связано с необходимостью провести «ребрендинг» полномочий спецслужб, хотя полное наименование акта ничего общего с кратким не имеет: «To reform the authorities of the Federal Government to require the production of certain business records, conduct electronic surveillance, use pen registers and trap and trace devices, and use other forms of information gathering for foreign intelligence, counterterrorism, and criminal purposes, and for other purposes» [5] («О реформе полномочий федерального правительства и требований к осуществлению определенного учета операций, проведению электронного наблюдения, использованию письменных регистров и прерывающих и отслеживающих устройств и использованию других форм сбора информации в целях внешней разведки, борьбы с терроризмом и преступностью и иных целях).

В мире скептически отнеслись к принятию документа. Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К. Долгов отметил: «Новый закон в США лишь косметически корректирует кампанию АНБ по электронной слежке за американскими гражданами. Большой Брат продолжает зорко наблюдать!» [6].

Акт о свободе определил новую концепцию противодействия терроризму в США, на что указывает его длительное существование (уже четыре года) и отсутствие потребности в пересмотре у команды Д. Трампа (противопоставившего себя всему, чтобы было сделано в период правления Б. Обамы). Основные изменения Акта о свободе можно выразить в следующем.

1. Патриотический акт, допуская запросы о слежении без связки с конкретным лицом и номером телефона, разрешал органам национальной безопасности выносить массовые запросы о всех контактах, которые фиксировались в определенном месте и в определенное время. Уже АНБ, обрабатывая полученную информацию, выделяла нужные контакты. В представленных сведениях фиксировались номера телефонов, имя владельца и продолжительность разговора. Основная критика строилась на том, что любой гражданин США мог подозревать, что благодаря таким запросам правоохранительные органы могли получить доступ к конфиденциальной информации. Кроме того, политика подозрений снижала возможность критики правительственных действий, которая могла носить непубличный характер.

Акт о свободе ввел запрет на сбор информационных массивов вне указания на конкретные подозрения в осуществлении террористической деятельности. Кстати, АНБ признало, что подобный сбор метаданных не имел значимого эффекта в антитеррористических целях. Американские аналитики, исследовав полученную практику АНБ, указали: «Наблюдение за метаданными американских телефонов не оказало заметного влияния на предотвращение актов терроризма и оказало лишь самое незначительное влияние на предотвращение террористической деятельности, такой, как сбор средств для террористической группы» [7]. По-видимому, такая позиция выглядит несколько лукавой, потому что спецслужбы стран мира не отказываются от подобных методов сбора информации. В частности, подобные права были предоставлены спецслужбам Австралии [8]. Еще при принятии Патриотического акта в 2001 г. сторонники сбора метаданных указывали, что именно отсутствие таких полномочий не позволило выследить Халида Михдара, одного из угонщиков самолетов 11 сентября. Накануне он позвонил из Сандиего в известную базу Аль-Каиды в Йемене. Звонок был зафиксирован, но АНБ не смогло отследить, что он производился с территории США.

В ходе парламентских обсуждений Акта о свободе в июле 2015 г. ряд конгрессменов подчеркивали, что такие метаданные и так собираются, только не спецслужбами, а организациями, оказывающими телекоммуникационные услуги. Это связано с возможными спорами с клиентами о правильности начисления платежей. И относительно этих реалий у граждан США не возникают сомнения в возможности ограничений их права на неприкосновенность частной жизни [9]. К тому же эти сведения отражаются в квитанциях об оплате телефонных счетов.

Сенаторы Майкл Ли и Джефф Сешнс, поддерживая общую идею принятия Акта о свободе, указывали, что частные компании собирают огромный

объем персональной информации, особенно при предоставлении дисконтных карт (позволяющий отследить все покупки и сделать выводы об их причинах, например при приобретении в аптеке теста на беременность). Джефф Сешнс специально выделял, что к конфиденциальной информации о гражданах имеют доступ всего около 30 сотрудников спецслужб («И это вряд ли влияет на целостность конституционных прав») [10].

Относительно сбора метаданных необходимо напомнить о череде судебных исков, связанных с обжалованием данного права АНБ. В 2013 г., как только средства массовой информации распространили информацию Э. Сноудена о глобальной слежке за гражданами США, адвокат Ларри Клейман (основатель правозащитной организации Freedom Watch) обратился в суд с иском против целого ряда высших должностных лиц государства. В качестве ответчиков фигурировали лично Президент США Б. Х. Обама, Директор АНБ, Э. Х. Холдер-младший (Генеральный прокурор США), а также компании, оказывающие интернет-услуги (такие как Facebook, Yahoo!, Google, Microsoft, YouTube и др.).

Сам Ларри Клейман – специфическая фигура правозащитной деятельности. В настоящее время на сайте его организации Freedom Watch размещена петиция против Роберта Мюллера, где содержится призыв к Президенту США Д. Трампу назначить Л. Клеймана спецпредставителем по расследованию преступлений семейства Клинтон и о привлечении к ответственности Р. Мюллера. На сайте размещена и петиция против Н. Пелоси (спикера Палаты представителей), в которой она именуется «злой ведьмой Запада» (Wicked Witch of the West), объединившейся со «злой ведьмой Востока» (Wicked Witch of the East) Х. Клинтон [11].

Дело было рассмотрено судьей Окружного суда по округу Колумбия Р. Дж. Леоном. Его решение от 16 декабря 2013 г. [12] цитируется многими правозащитниками. Э. Сноуден прокомментировал как первую победу в борьбе за права человека. Действительно в многостраничном документе обосновывается, что массовый сбор метаданных нарушает Конституцию США. Тем более, что в ходе процесса АНБ так и не доказало, насколько такая тактика ускорила процесс поиска террористов (в отличие от иных способов сбора информации). Судья тем самым усомнился в эффективности столь широких полномочий спецслужб, сравнив их с «оруэлловскими технологиями» (имелся в виду роман Дж. Оруэлла «1984», в котором описывается тотальная слежка государства за собственными гражданами). Р. Леон подчеркнул: «Из-за полного отсутствия доказательств того, что террористический акт когда-либо предотвращался, только из-за того, что подобный поиск в базе данных АНБ ускорял процесс, чем другие методы расследования, – у меня есть серьезные сомнения в эффективности программы сбора метаданных... У меня нет сомнений в том, что автор нашей Конституции Джеймс Мэдисон был бы в ужасе, узнав о подобном».

Однако следует уточнить, что при наличии столь громких слов судья не постановил полный запрет на действия спецслужб, поясняя, что решение вступит в силу только после апелляционного разбирательства. Апелляционный суд округа Колумбия в августе 2015 г. отменил решение, направив на новое рассмотрение опять же судье Р. Леону, уточнив, что заявители не представили доказательств нарушения своих прав. Р. Леон при рассмотрении

предложил дополнить состав истцов лицом, кто непосредственно являлся клиентом фирмы Verizon Business Services (крупнейшего поставщика услуг беспроводной телекоммуникационной связи). Таким истцом стал калифорнийский адвокат Дж. Дж. Литтл. 9 ноября 2015 г. суд постановил немедленно прекратить сбор данных в отношении нового истца. Но и на это решение была подана апелляционная жалоба в связи с тем, что Патриотический акт, на основании которого действовала АНБ, прекратил свое действие. Апелляционный суд отменил решение и направил на новое рассмотрение тому же судье Р. Леону. 21 ноября 2017 г. Р. Леон отклонил все иски к правительственным органам США [13]. Указанные перипетии подчеркивают, что надо аккуратно относиться к фактологии судебных решений и не останавливаться на анализе единичного документа, воспринимая его как окончательное решение, проливающее свет на всю масштабную проблему.

Следует подчеркнуть, что американские суды не подвергали сомнению легитимность использования специальных программ сбора информации в телекоммуникационных системах, которые используются американскими спецслужбами (к таковым относятся, например, Tempora, PRISM и X-Keyscore).

В заявленном аспекте нельзя не упомянуть еще одно судебное дело – *Mayfield v. United States* («Мэйфилд против Соединенных Штатов» [14]), которое касалось проверки конституционности Патриотического акта. После теракта в Мадриде (Испания) 11 марта 2004 г. выявленные отпечатки пальцев были направлены в ФБР для их идентификации. Один из отпечатков показал схожесть с отпечатком пальца Брендона Мэйфилда, бывшего военнослужащего, оказавшегося мусульманином, имеющего тесные связи с религиозной общиной в Портленде. После официального заключения о совпадении образца с отпечатком пальца Б. Мэйфилда была удовлетворена заявка о наблюдении (подписана лично Генеральным прокурором США Джоном Эшкрофтом) в соответствии с правилами, утвержденными Патриотическим актом. Все семейство Б. Мэйфилда было поставлено под скрытое наблюдение. В его доме и офисе были произведены обыски, а сам 6 мая 2004 г. был арестован, о чем стало известно практически всем средствам массовой информации. 20 мая 2004 г. в Испании было официально объявлено, что образец отпечатка совпал с данными Ухане Дауда, гражданина Алжира, и Б. Мэйфилд был отпущен, а с него сняты все обвинения. После этого последовал иск к государству, который был прекращен на основании мирового соглашения, согласно которому все полученные данные в отношении Б. Мэйфилда и его семьи были уничтожены, ему выплачивалась компенсация в размере 2 млн долл. По условиям мирового соглашения Б. Мэйфилд мог только оспорить конституционность Патриотического акта, чем он и воспользовался. Однако судебная система США и в этом случае сработала в пользу государства, отклонив исковые требования пострадавшего, отказавшись рассматривать дело по существу, сославшись на невозможность предъявления подобных требований (указав на отсутствие «достаточных оснований»).

2. Акт о свободе уточнил порядок предоставления информации интернет-компаний американским спецслужбам. FISA, уточненный Патриотическим актом (а потом и специальным законом 2008 г.), позволял запрашивать практически любую информацию на основании специальных писем о потен-

циальной террористической угрозе. Кстати, подобные письма периодически оспаривались в различных судебных инстанциях, но в большинстве случаев (даже если была отмена их действия в отношении запроса на конкретных лиц) полномочия АНБ не подвергались сомнению. Специальный суд, учрежденный FISA, рассматривает дополнительные материалы, представленные Генеральным прокурором США, для подтверждения потенциальной угрозы. В предмет проверки также входит защита конфиденциальности граждан США. А компании, в адрес которых направлялись запросы, как и сами граждане США получили право оспаривать их в судебном порядке, уточнять требование, а также направлять запрос на продление срока сбора данных.

Патриотический акт позволял спецслужбам вводить режим секретности на подобные запросы, обязывая юридические и физические лица давать подписку о неразглашении. В американской юридической практике данный документ именуется «письмом национальной безопасности» (national security letter – сокращенно NSL). Для направления NSL не требовалось судебной санкции, но они направлялись только при разрешении директора ФБР (или уполномоченным им специальным лицом). Подобные письма благодаря Патриотическому акту могли также оформляться ЦРУ и Министерством обороны, но только в целях противодействия терроризму или деятельности иностранных разведок. Однако указанные предписания могли быть санкционированы только при наличии реальной угрозы национальной безопасности США. Патриотический акт запрещал любую форму разглашения как близким родственникам, так и адвокату лица, получившему NSL. Тем самым вводился запрет и на любые ответные действия в отношении правоохранительных органов, поскольку их практически невозможно было обжаловать в судебном порядке.

Подобные предписания подвергались жесткой критике. Здесь следует упомянуть судебную эпопею по делу *Doe v. Gonzales* [15] (хотя изначально иски подавались против Генерального прокурора Джона Эшкрофта, потом преемником как раз стал Альберто Р. Гонсалес, но итоговое решение звучит «Доу против Мукаси», где Майкл Бернард Мукаси – 81-й Генеральный прокурор США). Иск как раз касался выдачи запрета на разглашение сведений, полученных при обработке запроса в одну из библиотек Коннектикута. Джон Доу был непосредственным получателем письма. Как и с иском Ларри Клеймана, упомянутым выше, необходимо представить некоторые ремарки. В либеральных средствах печати именно дело «Доу против Гонсалеса» активно цитируется как победа против этатистской модели ограничения прав человека. Дело в том, что суды, рассматривавшие иск по первой инстанции, признали полномочия ФБР неконституционными. Джон Доу был награжден в 2005 г. Американской библиотечной ассоциацией премией имени Роберта Б. Даунса за интеллектуальную свободу. Последующие инстанции отменяли решение, а итоговое решение апелляционной инстанции от 15 декабря 2008 г. (которое как раз и обозначено как «Доу против Мукаси») практически лишь представило комментарий практики ФБР, определив, каким критериям она должна отвечать, чтобы считаться соответствующей конституционным требованиям. Судья Виктор Марреро (выносивший первичное решение в 2004 г.) в конечном итоге согласился с выводами вышестоящей инстанции, что и было подтверждено Апелляционным судом в декабре 2008 г. Таким образом одним из значимых достижений судебного спора выступает то, что сам за-

прос появился в открытом доступе [16]. В период рассмотрения судебного иска в Патриотический акт были внесены соответствующие изменения, обязывающие ФБР проводить максимальную проверку перед оформлением NSL. Кроме того, ФБР каждые полгода должно было отчитываться о NSL и их эффективности перед Конгрессом США. Отчеты носят секретный характер.

3. Для придания большей открытости рассмотрению дел в суде FISA была введена коллегия *amicus curiae* (дословно переводится «друг суда»). Особенность экспертов, входящих в данную коллегия, заключается в том, что они могут давать правовые заключения (оказывать содействие, представляя юридические доводы, обоснование той или иной позиции, поднимающейся в ходе судебного разбирательства) по судебным делам, в которых не являются стороной процесса. В эту коллегия могут быть назначены эксперты в области коммуникационных технологий, юристы по конституционному праву и юристы по вопросам национальной безопасности. При рассмотрении новых методов сбора информации такие эксперты могут представлять свою оценку их конституционности. Акт о свободе предусмотрел обязательность опубликования решений суда FISA, а также заключений, подготовленных *amicus curiae*. Кстати, в период обсуждения закона в Конгрессе США некоторыми конгрессменами предлагалось ввести должность государственного адвоката, который мог бы выполнять функцию защиты при рассмотрении санкций на ограничения прав человека в целях противодействия терроризму. В ходе слушаний конгрессмен Бенни Сандерс выступил категорически против такого введения, указав: «Преступники не получают такого государственного защитника, когда правительство запрашивает санкцию на прослушивание телефонных переговоров... Нет необходимости предоставлять такого защитника и ИГИЛ (запрещена в России), когда правительство стремится следить за террористами, чтобы сохранить страну в безопасности» [17].

4. Акт о свободе ввел обязательный отчет о национальной безопасности, включив в него обязательный раздел о сборе информации в отношении граждан США, ее использовании и эффективности в борьбе с терроризмом. В ряде документов, объясняющих принятие таких меморандумов, подчеркивалось, что граждане должны чувствовать себя в полной безопасности и в то же время комфортно, зная, что они не являются объектом слежения, если не связаны с террористической деятельностью преступных организаций.

5. Патриотический акт допускал определенные способы отхода от стандартной модели сбора информации, требующей обязательного судебного санкционирования и представления доказательств, указывающих на подозрения в совершении (или его подготовке) преступного деяния. FISA не распространял ряд таких гарантий на иностранных граждан, действующих против США. Патриотический акт в большей мере рассматривал терроризм как внешнюю угрозу. Соответственно, исключения в отношении иностранцев распространялись и на граждан США, если они вступали в контакт с иностранными гражданами (даже если это происходила в пределах США). Акт о свободе установил барьер подобным мероприятиям, согласно которому АНБ могло осуществлять слежку за иностранным гражданином, прибывшим в США, только в течение 72 часов после прибытия.

6. Акт о свободе ужесточил наказание за поддержку террористам и террористическим организациям на территории США, подняв «нижнюю планку» с 15 до 20 лет лишения свободы.

Таким образом Акт о свободе (неся в себе столь поэтическое название) лишь отредактировал те полномочия, которые были предоставлены американским спецслужбам на основании ранее действовавшего Патриотического акта. Сама концепция приоритета безопасности по отношению к возможным ограничениям основных прав человека была сохранена. Основным аргумент сводился к эффективности введенных мер, их оправданности и соблюдению баланса свободы и безопасности в условиях развития нарастающих террористических угроз. Следует признать, что ряд законодательных новелл был направлен на придание некоторой степени открытости в деятельности правоохранительных органов. Это, по мнению американских конгрессменов, добавило бы доверия к деятельности Федерального бюро расследований. Кроме того, Акт о свободе произвел перезагрузку внутри самих США – критика используемых практик существенно снизилась, хотя основные полномочия по ведению скрытого наблюдения за общением граждан с помощью телекоммуникационных технологий не подверглись сомнению.

Эффективность такого метода использования «шпионских» программ подтверждается и тем, что именно с США контактируют спецслужбы стран Западной Европы при расследовании преступлений террористического характера. Подобный опыт необходимо учитывать и в нашей стране при разработке законодательных актов в сфере противодействия терроризму. Несмотря на существенные различия в принципах построения правовых систем, положительные моменты (а в этой части и у Российской Федерации, и у Соединенных Штатов Америки они, безусловно, присутствуют) необходимо исследовать, оценивать и внедрять в отечественную практику, но с учетом наших национальных особенностей.

Библиографический список

1. **Clayton, M.** Reading into the mind of a terrorist / M. Clayton // The Christian Science Monitor. – 2003. – Oct. 30. – URL: <https://www.csmonitor.com/2003/1030/p11s01-legn.html>
2. Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978. – URL: <http://legcounsel.house.gov/Comps/Foreign%20Intelligence%20Surveillance%20Act%20of%201978.pdf>
3. The Communications Assistance for Law Enforcement Act. – URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Communications%20Assistance%20for%20Law%20Enforcement%20Act.pdf>
4. **Романовская, О. В.** Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 2 (18). – С. 10–16.
5. Act on the «To reform the authorities of the Federal Government to require the production of certain business records, conduct electronic surveillance, use pen registers and trap and trace devices, and use other forms of information gathering for foreign intelligence, counterterrorism, and criminal purposes, and for other purposes». – URL: <https://www.congress.gov/114/bills/hr2048/BILLS-114hr2048enr.pdf>
6. Долгов: «Акт о свободе США» лишь косметически корректирует деятельность АНБ. – URL: <https://tass.ru/politika/2018016>
7. **Cahall, B.** Do NSA's bulk surveillance programs stop terrorists? / B. Cahall, P. Bergen, D. Serman, E. Schneider // New America. – 2014. – Jan. 13. – URL: <https://www.newamerica.org/international-security/policy-papers/do-nsas-bulk-surveillance-programs-stop-terrorists/>

8. Sarre, R. Metadata Retention as a Means of Combatting Terrorism and Organised Crime: A Perspective from Australia / R. Sarre // *Asian Journal of Criminology*. – 2017. – V. 12, № 3. – P. 167–179.
9. Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия : моногр. / О. В. Безрукова, Е. А. Капитонова, Г. П. Кулешова и др. – Москва : Проспект, 2018. – 176 с.
10. TRADE BILL AND BULK DATA PROGRAM // *Congressional Record*. – 2015. – V. 161, № 80. – P. S3253–S3255. – URL: https://fas.org/irp/congress/2015_cr/sen-usaf.html
11. Freedom Watch. – URL: <https://www.freedomwatchusa.org/>
12. Federal Judge’s Ruling on N. S. A. Lawsuit. – URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/901810/klaymanvobama215.pdf>
13. Memorandum Opinion. – URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/4267780/42df8218-70d7-4c17-9b6e-2704fdb37315.pdf>
14. Mayfield v. United States. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1499231.html>
15. Doe v. Mukasey, 2d Cir., Dec. 15, 2008. – URL: https://www.aclu.org/sites/default/files/pdfs/safefree/doevmukasey_decision.pdf
16. National Security Letter in Doe v. Ashcroft case. – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/4610_001_redactednsl.pdf
17. *Congressional Record*. Volume 161, Number 80. – URL: https://fas.org/irp/congress/2015_cr/sen-usaf.html

References

1. Clayton M. *The Christian Science Monitor*. 2003, Oct. 30. Available at: <https://www.csmonitor.com/2003/1030/p11s01-legn.html>
2. *Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978*. Available at: <http://legcounsel.house.gov/Comps/Foreign%20Intelligence%20Surveillance%20Act%20of%201978.pdf>
3. *The Communications Assistance for Law Enforcement Act*. Available at: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Communications%20Assistance%20For%20Law%20Enforcement%20Act.pdf>
4. Romanovskaya O. V. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2017, vol. 5, no. 2 (18), pp. 10–16. [In Russian]
5. *Act on the «To reform the authorities of the Federal Government to require the production of certain business records, conduct electronic surveillance, use pen registers and trap and trace devices, and use other forms of information gathering for foreign intelligence, counterterrorism, and criminal purposes»*. Available at: <https://www.congress.gov/114/bills/hr2048/BILLS-114hr2048enr.pdf>
6. Dolgov: «Akt o svobode SShA» lish' kosmeticheski korrektruet deyatel'nost' ANB. [“The United States freedom act” only cosmetically adjusts the activities of the NSA] Available at: <https://tass.ru/politika/2018016> [In Russian]
7. Cahall B., Bergen P., Sterman D., Schneider E. *New America*. 2014, Jan. 13. Available at: <https://www.newamerica.org/international-security/policy-papers/do-nsas-bulk-surveillance-programs-stop-terrorists/>
8. Sarre R. *Asian Journal of Criminology*. 2017, vol. 12, no. 3, pp. 167–179.
9. Bezrukova O. V., Kapitonova E. A., Kuleshova G. P. et al. *Terrorizm i sovremennoe pravo: aktual'nye voprosy protivodeystviya: monogr.* [Terrorism and modern law: current issues of counteraction: monograph]. Moscow: Prospekt, 2018, 176 p. [In Russian]
10. *Congressional Record*. 2015, vol. 161, no. 80. pp. S3253–S3255. Available at: https://fas.org/irp/congress/2015_cr/sen-usaf.html
11. *Freedom Watch*. Available at: <https://www.freedomwatchusa.org/>
12. *Federal Judge’s Ruling on N. S. A. Lawsuit*. Available at: <https://assets.documentcloud.org/documents/901810/klaymanvobama215.pdf>

13. *Memorandum Opinion*. Available at: <https://assets.documentcloud.org/documents/4267780/42df8218-70d7-4c17-9b6e-2704fdb37315.pdf>
14. *Mayfield v. United States*. Available at: <https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1499231.html>
15. *Doe v. Mukasey, 2d Cir., Dec. 15, 2008*. Available at: https://www.aclu.org/sites/default/files/pdfs/safefree/doevmukasey_decision.pdf
16. *National Security Letter in Doe v. Ashcroft case*. Available at: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/4610_001_redactednsl.pdf
17. *Congressional Record*. Volume 161, Number 80. Available at: https://fas.org/irp/congress/2015_cr/sen-usaf.html

Романовская Ольга Валентиновна
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Romanovskaya Ol'ga Valentinovna
Doctor of juridical sciences, professor,
head of the sub-department of state legal
disciplines, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Романовская, О. В. Акт о свободе и права человека: американская модель противодействия терроризму / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 12–22. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-2.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель работы – рассмотреть развитие информационных технологий с точки зрения их влияния на институт конституционных прав человека. Глобальность и актуальность исследуемой проблемы подтверждается перманентно растущими угрозами и вызовами, с которыми приходится сталкиваться при реализации прав человека и их защите. Все сложнее, а порой и невозможно, становится найти баланс между свободой отдельно взятого человека и безопасностью государства в целом.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения и анализа статистической информации, рассмотрения нормативно-правовых актов Российской Федерации и других стран, регулирующих права и свободы человека и гражданина. Методологическая основа исследования включает в себя методы сравнительно-правового и историко-правового анализа: рассмотрены и проанализированы международные законодательные акты и законодательные акты Российской Федерации.

Результаты. В статье проанализирован международный подход к вопросу реализации прав человека в условиях цифровизации общества, существующие коллизии. Отмечается, что наряду с существующими правами человека, закрепленными в Конституции, под влиянием развития информационных технологий формируются новые виды прав, которые в ближайшей перспективе непременно найдут закрепление в законодательных актах федерального уровня. При рассмотрении данного вопроса осознанно избегалась какая-либо политическая оценка вводимым ограничениям и санкциям, поскольку это является предметом отдельного исследования.

Выводы. Реализация демократических ценностей невозможна без предоставления широкого права на получение информации и обмен ею, без права на открытое выражение собственного мнения, но зачастую именно предоставленные широко круга прав без осуществления должного контроля со стороны государственных и международных институтов рискует обернуться глобальной угрозой мировой безопасности. Во многом это осложняется тем, что, несмотря на глобальную цифровизацию общества, уровень информационной грамотности населения продолжает оставаться крайне низким. В связи с этим особую значимость обретают мероприятия, направленные на просвещение населения, проведение профилактической работы с подрастающим поколением, находящимся в группе повышенного риска.

Ключевые слова: права человека, информационные технологии, Россия, Конституция, конституционные права, влияние.

DIGITALIZATION OF SOCIETY AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS

Abstract.

Background. The work purpose – to consider information technology development in terms of their influence on institute of constitutional rights of the person. The globality and relevance of the studied problem is confirmed by permanently growing threats and calls which it is necessary to face at realization of human rights and their protection. Harder and harder, and at times it is also impossible, becomes to find balance between freedom of an individual person and safety of the state in general.

Materials and methods. Realization of research tasks was reached on the basis of studying and the analysis of statistical information, consideration of normative legal acts of the Russian Federation and other countries regulating the rights and freedoms of the person and the citizen. The methodological basis of a research includes methods of the comparative and legal and historical and legal analysis: the international acts and acts of the Russian Federation are considered and analysed.

Results. In this article the international approach to a question of realization of human rights in the conditions of digitalization of society is analysed, the existing collisions are analysed. It is noted that along with the existing human rights affirmed in the Constitution under the influence of information technology development, new types of the rights which in the short term by all means will find fixing in acts of federal level are formed. By consideration of the matter it is realized any political assessment to the introduced restrictions and sanctions as it is a subject of a separate research was avoided.

Conclusions. Realization of democratic values is impossible without granting the broad right to information and exchange of it, without the right for open expression of own opinion, but often granting is broad a circle of the rights without implementation of due control from the state and international institutes risks to turn back global threat of world safety. In many respects it is complicated by the fact that despite global digitalization of society the level of information literacy of the population continues to remain extremely low. In this regard the special importance is found by the actions directed to education of the population, carrying out scheduled maintenance with the younger generation which is in group of the increased risk.

Keywords: human rights, information technologies, Russia, Constitution, constitutional rights, influence.

Информационные технологии, являющиеся неотъемлемой частью современного общества и его функционирования, оказывают колоссальное влияние на развитие института прав человека, на реализацию прав гражданами и их защиту со стороны государства.

Основополагающие права человека, такие как право на жизнь, свободу мнения, вероисповедания, право на защиту личной и семейной жизни, постоянно подвергаются значительным угрозам. И развитие информационных технологий здесь играет не последнюю роль: во-первых, создавая предпосылки данным угрозам, во-вторых, помогая с данными угрозами бороться и им противостоять.

Наибольший рост цифровизация демонстрирует в последнее десятилетие. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, число абонентов фиксированного широкополосного до-

ступа в Интернет на 100 человек населения в 2017 г. составило 21 человек (по итогам 2011 г. – 12,2), число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения в 2017 г. – 79,9 (при показателе в 2011 г. – 47,8). Цифровые технологии прочно входят в жизнь российских граждан, которые все больше осознают угрозы, которые возникают с ростом цифровизации. Так, растет доля организаций, использующих средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, в общем числе обследованных организаций: их число составляет 82,7 % при показателе 2011 г. – 70,7 % [1].

Однако нельзя сказать, что вопрос развития информационных технологий как фактора, влияющего на институт прав человека, возник только сегодня. Более 20 лет назад 12 декабря 1997 г. в Салониках состоялась Европейская конференция министров по политике в области средств массовой информации. Принимая резолюцию, государства-участники обязались развивать использование новых технологий и новых коммуникационных и информационных служб с целью обеспечения лучшей защиты прав человека. В тот момент далеко не все мировые сообщества осознавали предстоящую степень в том числе и негативного влияния информационных технологий, видя в них в большей мере возможности для реализации демократических прав и свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека. Серьезное беспокойство правозащитников начинают вызывать попытки властей ряда государств ограничить доступ общественности к общению в Интернете по политическим или другим мотивам, противоречащим демократическим принципам. В результате 28 мая 2003 г. Комитет министров государств – членов Совета Европы на 840-м заседании заместителей министров принимает Декларацию о свободе общения в Интернете. Указанный документ еще больше расширяет границы в цифровом пространстве, провозглашая абсолютную свободу и культ демократии. Декларация предписывает не накладывать ограничений на содержание информации в Интернете, поощрять саморегуляцию содержания информации в Интернете, воздержаться от использования блокировок и фильтров, которые препятствуют доступу к информации, кроме фильтров, не допускающих к информации уязвимые группы (например, детей к некоторым интернет-сайтам), гарантировать право на анонимность и многое другое.

Необходимо отметить, что сам факт рассмотрения вопросов влияния информационных технологий на права человека и демократические ценности на столь высоком уровне является знаковым подтверждением того, что проблема становится актуальной. Но мало кто в тот момент четко осознавал, что перед обществом и государством встает другая, еще более острая, проблема – поиск баланса между соблюдением конституционных прав человека и гражданина и обеспечением безопасности стран и человечества в целом. Как обеспечить стратегическую безопасность государства, при этом не ограничив права гражданина? Эта грань очень тонкая, и вот уже более 20 лет правозащитники, политики не находят единого пути решения данной проблемы, зачастую используя эту коллизию как инструмент спекуляции в политической игре на мировой арене, а также в оппозиционных противостояниях внутри государств.

Во многом противоречивый подход к определению границ прав человека в условиях развития цифрового пространства и роста угроз государственной безопасности связан с тем, что, как отмечает Е. В. Довгань, в настоящее время размывается понятие оружия. С точки зрения концепции эффективности применение информационных технологий может повлечь последствия такого уровня, когда само существование государства окажется под угрозой, что и требуется для квалификации факта нападения [2].

В последние годы подобные атаки с применением информационных технологий принимают различные формы: от незаконного вторжения в процесс обмена электронными данными до перехвата контроля за системами противовоздушной обороны. Так, при Министерстве государственной безопасности Грузии было создано специальное подразделение для борьбы с хакерскими атаками. В ежегодных докладах Национальной разведки США (начиная с 2011 г.) кибертерроризм обозначается как одна из глобальных угроз безопасности США, расходы на обеспечение которой растут в геометрической прогрессии [3]. Следует немного оговориться, что кибертерроризм, обозначаемый в США, рассматривается не как угроза со стороны террористических организаций (таких как Исламское государство, запрещенное в Российской Федерации), а как форма влияния иных государств на различные процессы в США. Иными словами, речь идет больше о кибертерроризме, финансируемом со стороны государств – потенциальных противников. Опять же в докладах Национальной разведки США перечень стран, замешанных в кибертерроризме, прямо не указывается, но отдельные разделы посвящены России, Китаю и КНДР [4].

Поскольку международные нормы права не дают исчерпывающий перечень средств и методов ведения войны, использование информационных технологий для получения выгоды может являться основанием для отнесения информационных технологий к одному из военных методов. Более того, темпы цифровой эволюции позволяют с уверенностью прогнозировать рост числа преступлений, в том числе против безопасности государства, с использованием цифровых технологий. Именно поэтому очень важно, чтобы общество оказалось готово к подобным вызовам. Сегодня подавляющее большинство граждан, как и ранее, не осознают, что цифровое пространство в равной степени является реальным «полем» общественных отношений, однако в настоящий момент развитие цифровизации провоцирует формирование отношения людей к цифровому пространству как к части единой системы, что позволяет применять те же традиционные меры воздействия и те же требования, что и вне цифровой действительности. Об этом свидетельствует и тот факт, что доля населения, не использующего сеть Интернет по соображениям безопасности, за последние четыре года выросла в три раза. Но эта доля продолжает оставаться крайне низкой и составляет менее 1 % от общего числа граждан страны, что, к сожалению, не свидетельствует о том, что интернет-пространство является безопасным.

Необходимо отметить, что подобное отношение общества в целом к происходящим изменениям, а именно медленным темпам изменения сознания, связано с несколькими факторами: географическими особенностями страны, ее площадью, относительно высоким процентом сельских жителей (сейчас сельскими жителями числятся 37,8 млн человек, что составляет 26 % от всего населения [5]), более поздним стартом развития цифровых техноло-

гий по сравнению с мировыми показателями и др. Почему так важно оценить настроение общества и его отношение к цифровизации? Это обусловлено тем, что население является пусковым механизмом реформирования института прав человека, его развития, именно общественное настроение провоцирует качественную «правовую эволюцию».

Если законодательные изменения назрели, общество к ним готово, то данные процессы происходят безболезненно и естественным путем. Искусственные правовые конструкции неприемлемы, когда речь идет о развитии института прав человека.

Конституционные права человека, закрепленные в Конституции 1993 г., безусловно, не могут сегодня в полной мере отражать современный строй общественных отношений и влияние на них развития цифровых технологий, поскольку цифровизация общества формирует новые виды прав, которые являются своего рода эволюцией, вызванной меняющимися условиями среды. Так, уже сегодня международные акты закрепляют право человека на использование потенциала информационных и коммуникационных технологий, видя в этом пути формирование информационного общества.

Развитие цифровых технологий приводит к тому, например, что право на защиту персональных данных порождает новые права. Поскольку Интернет существенно облегчает нарушение прав человека, законодательству необходимо адаптироваться к новым условиям. Если раньше одним из способов защиты персональных данных было опубликование опровержения информации в газетах, то теперь все чаще речь идет об удалении информации, распространенной посредством Интернета, что вряд ли достижимо с учетом молниеносного и практически бесконтрольного копирования информации в сети. Юридическим ответом на создающуюся ситуацию стало право на забвение, которое, как отмечает Э. В. Талапина, рассматривается как право на уважение в цифровом пространстве [6]. Р. Вебер именует право на забвение как «право быть оставленным в покое» [7, р. 123]. Европейский суд по правам человека, закрепляя в своих решениях право быть забытым, признает право человека требовать удаления информации, которая была ранее им размещена, если, согласно действующему законодательству, она не обязана оставаться (отражаться при запросе) в поисковой системе.

В России право на забвение закреплено законодательно [8]. Удалению подлежит информация персонального характера, которая распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации, является недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

По мере роста цифровизации наблюдается рост нарушений прав обладателей персональных данных. Именно гарантированное обеспечение абсолютной безопасности данной информации – неизбежное направление развития действующего законодательства. Некоторые исследователи полагают, что вскоре можно ожидать появления новой профессии и учреждения должности инспектора по защите персональных данных, что потребует адекватного пра-

вового регулирования [6].

Следует учитывать и новые тенденции в данной сфере, в том числе развитие коллективного контроля за обработкой данных, распределение ренты за пользование персональными данными [9, p. 49].

Колоссальное количество противоречий и трудностей при оценке тех или иных явлений в цифровом пространстве связано с тем, что само пространство, которое нельзя приравнивать к узкому понятию «Интернет», не имеет должного правового регулирования и обоснования. И это проблема мирового масштаба. Обязанность исполнять требования местного закона не решает проблем, поскольку подавляющее большинство стран не имеет узко специализированного законодательства, а ограничивается лишь общими нормами и требованиями к средствам массовой информации.

Неоднократные попытки урегулирования противоречий предпринимались в международном масштабе, но в целом сводились к признанию колоссальной значимости развития цифровизации для формирования демократических принципов, недопустимости ограничения прав и свобод. Лишь в последние годы, во многом вследствие роста числа преступлений в сфере информационных технологий, наблюдается тенденция введения и принятия ограничений. Допустимость данных ограничений, границы прав на свободный доступ к получению и обмена информацией являются темой отдельного исследования, поскольку контроль над регулированием цифровой сферы был и остается благодатной почвой для дискуссий и полемики.

Как отмечает К. Н. Евдокимов, число нарушений прав человека и количество преступлений, предусмотренных ст. 272 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), в ближайшей перспективе будут неуклонно расти, что с большой вероятностью не найдет отражения в официальной статистике в силу нескольких причин: несовершенства уголовного законодательства, отсутствия квалифицированных специалистов и достаточного опыта [10].

Как отмечалось выше, основная проблема при рассмотрении вопроса влияния цифровизации на развитие института прав человека есть поиск баланса между прозрачностью и безопасностью. После истории раскрытия информации Э. Сноуденом весь мир, ранее провозглашавший демократические принципы абсолютной открытости как единственно возможные в современном глобальном пространстве, меняет свои взгляды [11].

Так, в декабре 2017 г. Федеральная комиссия по связи США (FCC) поддержала инициативу, отменяющую «сетевой нейтралитет» Интернета, понятие которого было введено в 2010 г. администрацией президента Барака Обамы [12]. «Сетевой нейтралитет» означает принцип открытого Интернета, по которому провайдерам запрещено блокировать сайты или применять дискриминационные меры против любого интернет-трафика.

Крайне легкомысленно говорить о влиянии цифровизации на развитие института прав человека безотносительно реальных процессов, происходящих в обществе. Риски цифровизации – колоссальные: от элементарной зависимости процессов от бесперебойности работающего оборудования до возможности установления тотального контроля глобального масштаба и потери

контроля над роботами и искусственным интеллектом. Именно эта коллизия приводит к тому, что ряд государств тормозит развитие цифровых технологий, делая их подконтрольными существующему режиму, другая же часть допускает бесконтрольную цифровизацию. Задача мирового сообщества – обеспечить безопасное развитие цифровых технологий при одновременном соблюдении прав человека как в цифровом пространстве, так и вне его. Одно можно сказать с уверенностью, что нерешенные внутриполитические и внешнеполитические противоречия неизбежно кочуют в цифровое пространство, создавая еще более значимые угрозы с далеко идущими последствиями.

Однако, говоря об угрозах и вызовах, с которыми приходится сталкиваться обществу при защите прав человека в условиях развития информационных технологий, нельзя не отметить и позитивных изменений.

Развитие информационных технологий открывает новые перспективы правозащитной деятельности. Ярким примером использования технологий в правозащитной деятельности стала информационная система «Народный контроль» в Республике Татарстан [13].

Благодаря интенсивному информационному развитию в последнее десятилетие стала возможной реализация проекта «Поставка аппаратно-программных комплексов и специализированного коррекционного оборудования для детей с ограниченными возможностями» программы «Образование», целью которой является реализация права человека на образование и получение информации. В регионах активно работают программы, направленные на повышение цифровой грамотности, в том числе людей пенсионного и предпенсионного возраста. Увеличивается число образовательных программных продуктов, направленных на обучение подрастающего поколения в доступной и увлекательной форме. Благодаря развитию цифровых технологий становятся более доступными государственные услуги, а власть – более открытой и близкой к населению.

Цифровизация общества оказывает колоссальное влияние на развитие общественных отношений, прав человека, на пути их укрепления и защиты. Наиболее актуальным и сложным в современных условиях видится поиск способов разрешения коллизии между свободой и безопасностью в широком смысле этих понятий. Отсутствие единообразной оценки при разрешении данного конфликта, в том числе со стороны международных институтов, в очередной раз доказывает, что право как динамичное явление вынуждено своевременно реагировать на вызовы времени, одним из которых является развитие информационных технологий. Как справедливо отмечает Г. Б. Романовский, одно из предназначений права – его соответствие реально складывающимся общественным отношениям. Право нельзя рассматривать как средство революционного переустройства общества, нельзя с его помощью нарушать естественный ход событий [14].

Важно отметить, что, несмотря на глобальную цифровизацию общества, уровень информационной грамотности населения продолжает оставаться крайне низким. Так, по данным Росстата, из 100 % опрошенных 71,2 % населения не сталкивались с проблемами информационной безопасности, а 18,5 % (второй по величине показатель) сталкивались с несанкционированной рассылкой (спам) [15, с. 57], что наглядно демонстрирует абсолютное непонимание обществом содержания понятия «информационная безопас-

ность» и, как следствие, неспособность противостоять угрозам.

Проблемы, с которыми сталкивается общество в эпоху цифровизации, демонстрируют не новую коллизию: конфликт между открытостью и закрытостью информации, между частным правом и публичным интересом. Причина данных явлений – в нерешенности указанных проблем вне цифрового поля. Общество, оказавшись в безграничном интернет-пространстве, имея нерешенные проблемы в сфере прав человека вне цифрового поля, вынуждено противостоять еще большему количеству вызовов и угроз. В связи с этим особую значимость, наряду с необходимостью реформирования действующего законодательства, обретают мероприятия, направленные на просвещение населения, проведение профилактической работы с подрастающим поколением, находящимся в группе повышенного риска.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/ (дата обращения: 25.01.2019).
2. **Довгань, Е. Ф.** Права человека в эпоху информационных технологий / Е. Ф. Довгань // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5. – С. 109–125.
3. Unclassified Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence, 2012. – URL: [https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/hpscifinalunclasssfrfeb022012\).pdf](https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/hpscifinalunclasssfrfeb022012).pdf)
4. Statement for the Record Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community Senate Select Committee on Intelligence, 2017. – URL: <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/documents/os-coats-051117.pdf>
5. **Нефедова, Т. Г.** Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России / Т. Г. Нефедова, Н. В. Мкртчян // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. – 2017. – № 5. – С. 58–67.
6. **Талапина, Э. В.** Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – № 5. – С. 117–149.
7. **Weber, R. H.** The right to be forgotten: more than a Pandore's box / R. H. Weber // JURITEC. – 2011. – P. 120.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 20.07.2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4390.
9. **Tuot, T.** Informatique en nuage et donnees personnelles: regard critique sur l'Etat du droit en France / T. Tuot // Le cloud computing: l'informatique en nuage / Sous la dir. de V. Fauvarque-Cosson, C. Zolynski. – Paris, 2014.
10. **Евдокимов, К. Н.** Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации / К. Н. Евдокимов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 86–94.
11. **Талапина, Э. В.** Права человека в Интернете / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 41–54.
12. Власти США отменили «сетевой нейтралитет» интернета. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3496532> (дата обращения: 28.03.2019).

13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. от 17 мая 2017 г. // Российская газета. – 2017. – 17 мая. – № 104.
14. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2016. – № 4. – С. 15–27.
15. Информационное общество в Российской Федерации. 2018 : стат. сб. / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др. ; Росстат ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2018.

References

1. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistic service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/ (accessed Jan 25, 2019). [In Russian]
2. Dovgan' E. F. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University]. 2018, no. 5, pp. 109–125. [In Russian]
3. *Unclassified Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence, 2012*. Available at: [https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/hpscifinalunclasssfrfeb022012\).pdf](https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/hpscifinalunclasssfrfeb022012).pdf)
4. *Statement for the Record Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community Senate Select Committee on Intelligence, 2017*. Available at: <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/documents/os-coats-051117.pdf>
5. Nefedova T. G., Mkrtychyan N. V. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5, Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography]. 2017, no. 5, pp. 58–67. [In Russian]
6. Talapina E. V. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2018, no. 5, pp. 117–149. [In Russian]
7. Weber R. H. *JIPITEC*. 2011, p. 120.
8. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 20.07.2015, no. 29 (part. I), art. 4390. [In Russian]
9. Tuot T. *Le cloud computing: l'informarique en nuage* [Cloud computing]. Eds. de B. Fauvarque-Cosson, C. Zolynski. Paris, 2014.
10. Evdokimov K. N. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Jurisprudence and law-enforcement practice]. 2016, no. 1 (35), pp. 86–94. [In Russian]
11. Talapina E. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. 2019, no. 2, pp. 41–54. [In Russian]
12. *Vlasti SShA otmenili «setevoy neytralitet» internet* [USA authorities canceled the “network neutrality” of the Internet]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3496532> (accessed Mar. 28, 2019). [In Russian]
13. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2017, 17 May, no. 104. [In Russian]
14. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and law]. 2016, no. 4, pp. 15–27. [In Russian]
15. Sabel'nikova M. A., Abdrakhmanova G. I., Gokhberg L. M., Dudorova O. Yu. et al. *Informatsionnoe obshchestvo v Rossiyskoy Federatsii. 2018: stat. sb.* [Information society in the Russian Federation. 2018: collected articles]. Rosstat; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». Moscow: NIU VShE, 2018. [In Russian]

Митина Антонина Олеговна

аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: antonina_mitina@mail.ru

Mitina Antonina Olegovna

Postgraduate student, Penza State University (40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Митина, А. О. Цифровизация общества и развитие конституционных прав граждан / А. О. Митина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 23–32. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-3.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
МЕСТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
ГРАЖДАН НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ
И ИНУЮ НЕ ЗАПРЕЩЕННУЮ ЗАКОНОМ
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ
ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Аннотация.

Актуальность и цели. На современном этапе развития рыночных отношений предпринимательская деятельность составляет важную часть экономики страны, что обуславливает необходимость изучения конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность. При этом традиционной и в то же время не теряющей актуальность является проблема определения места исследуемого права в системе основных прав и свобод человека и гражданина. Цель работы – проанализировать основные проблемы определения места конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в системе основных прав и свобод человека и гражданина.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были реализованы путем анализа различных доктринальных представлений о месте конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в системе основных прав и свобод человека и гражданина. Методологическую основу работы составляют методы сравнительно-правового, а также историко-правового анализа.

Результаты. Исследованы и проанализированы различные доктринальные представления о месте конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в системе основных прав и свобод человека и гражданина, выявлены основные проблемы. Сформулирована позиция автора относительно исследуемой темы.

Выводы. Закрепленное на конституционном уровне право граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность органически входит в систему экономических прав и свобод человека и гражданина, несмотря на его регулирование нормами различных отраслей права. Оно охватывает самостоятельную сферу правоотношений, что обусловлено индивидуальным предметом, методом и целями правового регулирования.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, место в системе основных прав и свобод.

К. С. Володина

**ON CERTAIN ISSUES OF DETERMINING THE PLACE
OF THE CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHT
TO ENTREPRENEURSHIP AND OTHER NOT PROHIBITED**

© Володина К. С., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания автора, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

BY LAW ECONOMIC ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF BASIC RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN

Abstract.

Background. At the present stage of development of market relations entrepreneurial activity is an important part of the country's economy, which necessitates the study of the constitutional right of citizens to entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law. The problem of determining the place of the studied law in the system of fundamental rights and freedoms of a person and citizen traditional and at the same time not losing relevance. The purpose of the work is to analyze the main problems of determining the place of the constitutional right of citizens to business and other economic activities not prohibited by law in the system of fundamental rights and freedoms of a person and citizen.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of the analysis of various doctrinal ideas about the place of the constitutional right of citizens to business and other economic activities not prohibited by law in the system of fundamental rights and freedoms of person and citizen. The methodological basis of the work consists of methods of comparative-legal and historical-legal analysis.

Results. Various doctrinal ideas about the place of the constitutional right of citizens to business and other economic activities not prohibited by law in the system of fundamental rights and freedoms of man and citizen are investigated and analyzed, the main problems are identified. The author's position on the subject of study is formulated.

Conclusions. The constitutional right of citizens to entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law is organically included in the system of economic rights and freedoms of a person and citizen, despite its regulation by the norms of various branches of law. It covers an independent sphere of legal relations, which is determined by the individual subject, method and objectives of legal regulation.

Keywords: entrepreneurial activity, economic activity, place in the system of fundamental rights and freedoms.

Закрепленные на конституционном уровне права и свободы человека и гражданина образуют фундамент конституционных правоотношений, в которых участвуют государство и человек (гражданин). Для человека и гражданина смысл таких правоотношений состоит в его возможности получить защиту своих прав и законных интересов, а для государства – в обязанности предоставлять такую защиту.

Основные права и свободы человека и гражданина не только признаются государством, но и гарантированно защищаются им, так как именно возможность свободной реализации конституционно закрепленных прав и свобод человеком и гражданином позволяет говорить о демократическом и правовом государстве в общепризнанном смысле. Закрепление основных прав и свобод человека и гражданина на высшем юридическом уровне составляет основу правового статуса человека и гражданина, а также основу всех прав и свобод, закрепляемых иными отраслями права. Таким образом, на конституционном уровне устанавливаются основополагающие принципы, на которых строится действующее законодательство государства [1].

Фундаментальные права и свободы человека и гражданина, а также вытекающие из них иные права и свободы призваны обеспечивать все сферы

жизнедеятельности человека и гражданина: личную, политическую, социальную, экономическую, культурную и др. Такое многообразие вызывает необходимость их классификации.

В классических российских учебниках по конституционному праву традиционно права и свободы человека и гражданина классифицируются на следующие группы: «1) личные; 2) политические; 3) экономические, социальные и культурные» [2]. Однако такое разделение имеет чисто условный характер, поскольку все права и свободы человека и гражданина неотделимы друг от друга и имеют взаимосвязь.

Исходя из этапов провозглашения, права человека и гражданина на протяжении долгого времени подразделялись на три поколения. На сегодняшний день все чаще идет речь о так называемых «четырех поколениях» прав человека и гражданина. «Первое поколение» прав включает в себя личные и политические права, являющиеся неотъемлемыми атрибутами личности. «Второе поколение» прав связано с процессом социализации общества. По содержанию к этому поколению можно отнести экономические, социальные и культурные права и свободы. «Третье поколение» прав имеет надгосударственную и наднациональную природу и носит коллективный характер. Некоторыми учеными к третьему поколению относятся также права человека и гражданина в сфере получения и защиты информации. В конце XX в. некоторые российские ученые-правоведы стали указывать на необходимость выделения «четвертого поколения» прав. В это поколение ими включаются так называемые духовно-нравственные права человека и гражданина, провозглашающие духовно-нравственные ценности личности [3].

Право граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, провозглашенное Конституцией Российской Федерации, занимает самостоятельное место в системе прав и свобод человека и гражданина и как часть системы имеет присущие только ему характеристики, выполняет закрепленные за ним функции. Классическая юридическая наука относит данное право к группе экономических прав и свобод человека и гражданина, т.е. к группе прав «второго поколения» [4].

Однако в юридической литературе часто указывается на двойственную природу конституционного права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность. Двойственность заключается в наличии у него двух сторон – публично-правовой и частноправовой. При этом, несмотря на внешнюю схожесть, о двойственности рассматриваемого права сложились различные доктринальные представления. К примеру, в некоторых теоретических исследованиях распространен подход, согласно которому право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность относится к числу личных прав и свобод [5]. Сторонники названного подхода мотивируют свою позицию тем, что закрепление права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в Российской Федерации на конституционном уровне исходит из наделения каждого человека признаваемыми с рождения и неотчуждаемыми правами. Конституционный статус лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, является единым [6].

Однако при дальнейшем развитии данного подхода возникают определенные проблемы. Одной из них является определение субъектного состава

права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Исходя из содержания ст. 17, 18 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), право гражданина «заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью» [7] входит в содержание правоспособности граждан, которая «возникает в момент его рождения и прекращается смертью» [7]. Из анализа ст. 18, 23, 49 ГК РФ следует, что «правоспособность гражданина возникает в момент его рождения» [7]. Но право на законных основаниях осуществлять предпринимательскую деятельность может возникнуть только с момента внесения записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя или о государственной регистрации юридического лица в Единый государственный реестр, а лицензируемые виды деятельности возможно осуществлять только с момента получения соответствующей лицензии.

При этом следует иметь в виду, что право осуществлять предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность возникло у субъекта еще до государственной регистрации, в составе гражданской правоспособности – с момента рождения. Тем не менее в полном объеме оно может быть осуществлено только с момента государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. Юридические лица в свою очередь после государственной регистрации получают гражданскую и публичную правоспособность [8].

Кроме того, для отдельных категорий граждан законодатель допускает ограничение закрепленного на конституционном уровне права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность [9]. Так, в подп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлен запрет гражданскому служащему «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участвовать в управлении коммерческой организацией» [10].

Таким образом, сложность возникновения субъективного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, необходимость поддержки предпринимательства со стороны государства, регулирования государством производства отдельных видов продукции и оказания отдельных видов услуг (выполнения отдельных видов работ), ограничения незаконной предпринимательской деятельности и монополизации, поддержка конкуренции обуславливают, по нашему мнению, необходимость отнесения права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность к числу экономических прав и свобод человека и гражданина.

Рассматривая вопрос о месте права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в правовой системе Российской Федерации в целом, стоит отметить, что в научной юридической литературе неоднократно высказывались позиции о выделении предпринимательского права в отдельную отрасль права.

О. М. Олейник отмечает: «В широком смысле оно (предпринимательское право) понимается как регулятор поведения, существующий в сложном сочетании различных факторов... В узком смысле предпринимательское право рассматривается как отрасль права второго уровня, сочетающая в себе

признаки и методы базовых отраслей. Такое решение вопроса о признании или непризнании предпринимательского (хозяйственного) права самостоятельной отраслью является с точки зрения практического применения лишь предпосылкой исследования в целях усиления регулятивного потенциала этой отрасли» [11, с. 272]. В то же время при рассмотрении предпринимательского права в узком и широком смысле О. М. Олейник подчеркивает комплексный характер предпринимательского права.

Но выделение предпринимательского права в качестве самостоятельной отрасли права поддерживают не все российские ученые-конституционалисты. Так, Е. А. Суханов в своих трудах отрицает возможность выделения предпринимательского права в отдельную самостоятельную отрасль права, при этом отмечая такую возможность, как «обособление соответствующего законодательного массива либо также выделение учебной дисциплины, посвященной изучению правового регулирования предпринимательской деятельности» [12].

Н. Н. Надеждин в своих исследованиях выделяет четыре позиции, определяющие место предпринимательского права в системе права России.

«Во-первых, предпринимательское право преподается как учебная дисциплина в экономических и юридических вузах.

Во-вторых, предпринимательское право представляет собой одно из направлений общей теории права.

В-третьих, предпринимательское право регулируется отдельным блоком законодательства.

И, в-четвертых, предпринимательское право рассматривается как отрасль права» [13].

Представляется возможным разделить точку зрения О. М. Олейник, согласно которой предпринимательское право можно определить как отрасль права второго уровня, сочетающую в себе признаки и методы ряда базовых отраслей. Сформулированная точка зрения, по нашему мнению, актуальна на сегодняшний день, когда складываются качественно иные свободные рыночные отношения, создающие условия целесообразности выделения такой отрасли права, как предпринимательское право. При дальнейшем развитии сформулированной точки зрения закономерно встает вопрос о необходимости систематизации правовых норм, регулирующих предпринимательское право.

Попытки развития кодификации предпринимательского права в современной России неоднократно предпринимались учеными-правоведами. Так, К. К. Лебедев высказывает следующую позицию: «...кодификация предпринимательского и коммерческого законодательства, в принципе, возможна и необходима. Ее необходимость обуславливается целым рядом причин, главной среди которых является требование создания единой понятийной и методологической базы для всех нормативных правовых актов, которыми регулируются предпринимательская деятельность и предпринимательские отношения» [14].

К тому же еще в 1995 г. В. В. Лаптев в своей работе изложил возможную схему предпринимательского кодекса и объем общественных отношений, охватываемых таким кодексом. Разграничение сферы юридического действия между гражданским и предпринимательским кодексами В. В. Лаптев предложил осуществлять по такому критерию: «...если в гражданском

кодексе за основу берутся имущественные отношения, то в предпринимательском кодексе во главу угла ставится предпринимательская деятельность. Все положения и институты формируются здесь исходя из своеобразия предпринимательской деятельности, а не из необходимости их увязки с нормами гражданского законодательства» [15, с. 297].

Одним из главных доводов для создания предпринимательского кодекса в России является то, что предпринимательская деятельность – это в первую очередь деятельность экономическая, сочетающая в себе, как говорилось выше, частные и публичные начала. Это делает невозможным регулирование предпринимательских отношений исключительно в рамках гражданского законодательства [16].

На сегодняшний день гражданское законодательство регулирует большую часть отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В то же время значительная их часть корректируется публично-правовыми методами, содержащимися в специальных нормативных актах, регулирующих предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность [17].

По нашему мнению, идея кодификации отношений между государством и субъектами предпринимательских отношений видится вполне разумной в современных российских реалиях. При дальнейшем развитии и совершенствовании законодательной базы предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности закономерно встанет вопрос о консолидации законодательных актов, контролирующих предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, а в дальнейшем и о создании единого нормативного акта в виде кодекса. Представляется, что такой кодекс объединит в себе действующее законодательство, регулирующее предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и устранил существующие в настоящее время пробелы и коллизии в указанной области законодательства.

Определение круга взаимоотношений между субъектами предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и государством, установление четких границ вмешательства должностных лиц в сферу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предоставление преференций и дополнительных механизмов защиты может стать дополнительным гарантом прав предпринимателей и оказать благотворное влияние на экономику страны. При этом кодификация поспособствует систематизации норм и стабильности правового регулирования.

Подводя итоги, отметим, что конституционное право граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность органически входит в систему экономических прав и свобод человека и гражданина, несмотря на регулирование их нормами различных отраслей права. Оно охватывает самостоятельную сферу правоотношений, что обусловлено индивидуальным предметом, методом и целями правового регулирования. При этом исследуемое право обеспечивает свободное развитие личности в экономической сфере в соответствии с фундаментальными правами и свободами человека и гражданина, провозглашенными Всеобщей деклараци-

ей прав человека и закрепленными в Конституции Российской Федерации [18, 19].

Библиографический список

1. **Томилина, Е. Е.** Особенности конституционно-правового статуса личности в правовом государстве / Е. Е. Томилина, А. Б. Опокин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3-2. – С. 27–32.
2. **Баглай, М. В.** Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – 12-е изд., изм. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2017. – 768 с.
3. **Ивентьев, С. И.** Классификация прав человека и гражданина / С. И. Ивентьев // Казанская наука. – 2010. – № 3. – С. 199–203. – URL: http://zhurnal.lib.ru/editors/i/iwentxew_s_i/
4. **Нудненко, Л. А.** Конституционное право : учебник для сред. проф. образования / Л. А. Нудненко. – 5-е изд., пер. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 472 с.
5. **Садовникова, Г. Д.** Комментарий к Конституции РФ постатейный / Г. Д. Садовникова. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 194 с.
6. **Салохидинова, С. М.** Взаимодействие права на предпринимательскую деятельность с конституционными правами и свободами / С. М. Салохидинова // Законодательство. – 2015. – № 4 (20). – С. 13–20.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. **Титовец, М. А.** Социально-экономическая характеристика предпринимательства / М. А. Титовец // Экономика, управление, финансы : материалы II Междунар. науч. конф. – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 3–9.
9. **Володина, К. С.** Ограничение прав сотрудников полиции на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью / К. С. Володина, М. С. Ларин // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 4 (20). – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3215.
11. **Олейник, О. М.** Предпринимательское право : учебник / О. М. Олейник ; под ред. О. М. Олейника. – Москва : Юристъ, 2009. – Т. 1.
12. **Суханов, Е. А.** О Концепции развития законодательства о юридических лицах / Е. А. Суханов // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 5–12.
13. **Надеждин, Н. Н.** Место предпринимательского права в правовой системе России и тенденции его развития / Н. Н. Надеждин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2008. – № 4. – С. 103–106.
14. **Лебедев, К. К.** Предпринимательское и коммерческое право / К. К. Лебедев. – Москва : Юридический центр Пресс, 2002. – 318 с.
15. **Лаптев, В. В.** Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства / В. В. Лаптев // Правовое регулирование предпринимательской деятельности : сб. ст. / под ред. В. В. Лаптева. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 4–17.
16. **Ившина, Б. И.** К вопросу о создании предпринимательского кодекса в Российской Федерации / Б. И. Ившина // Норма. Закон. Законодательное право : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых : в 2 т. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – С. 232–235.
17. **Самойленко, Е. Н.** Проблемы кодификации российского предпринимательского права / Е. Н. Самойленко, И. А. Федченко // Интеллектуальный потенциал

- XXI века : материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. – Нефтекамск : Мир науки (ИП Вострецов Александр Ильич), 2018. – С. 175–178.
18. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998. – 10 дек. – № 67.
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

References

1. Tomilina E. E., Opokin A. B. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual issues of the humanities and natural sciences]. 2015, no. 3-2, pp. 27–32. [In Russian]
2. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik* [Constitutional law of the Russian Federation: textbook]. 12th ed., amended and suppl. Moscow: Norma: INFRA-M, 2017, 768 p. [In Russian]
3. Ivent'ev S. I. *Kazanskaya nauka* [Kazan science]. 2010, no. 3, pp. 199–203. Available at: http://zhurnal.lib.ru/editors/i/iwentxew_s_i/ [In Russian]
4. Nudnenko L. A. *Konstitutsionnoe pravo: uchebnik dlya sred. prof. obrazovaniya* [Constitutional law: textbook for secondary vocational education]. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt, 2018, 472 p. [In Russian]
5. Sadovnikova G. D. *Kommentariy k Konstitutsii RF postateynny* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. 10th ed., corr. and suppl. Moscow: Yurayt, 2018, 194 p. [In Russian]
6. Salokhidinova S. M. *Zakonodatel'stvo* [Legislation]. 2015, no. 4 (20), pp. 13–20. [In Russian]
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 05.12.1994, no. 32, art. 3301. [In Russian]
8. Titovets M. A. *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Economics, management, finance: proceedings of II International scientific conference]. Perm: Merkurii, 2012, pp. 3–9. [In Russian]
9. Volodina K. S., Larin M. S. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2017, vol. 5, no. 4 (20). Available at: <http://esj.pnzgu.ru> [In Russian]
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 02.08.2004, no. 31, art. 3215. [In Russian]
11. Oleynik O. M. *Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik* [Business law: textbook]. Moscow: Yurist", 2009, vol. 1. [In Russian]
12. Sukhanov E. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. 2010, no. 1, pp. 5–12. [In Russian]
13. Nadezhdin N. N. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2008, no. 4, pp. 103–106. [In Russian]
14. Lebedev K. K. *Predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo* [Business and commercial law]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002, 318 p. [In Russian]
15. Laptev V. V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoy deyatel'nosti: sb. st.* [Legal regulation of entrepreneurial activity: collected articles]. Moscow: Izd-vo IGI P RAN, 1995, pp. 4–17. [In Russian]
16. Ivshina B. I. *Norma. Zakon. Zakonodatel'noe pravo: materialy XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh: v 2 t.* [Norm. Law. Legislative law: proceedings of XIX International scientific and practical conference of young scientists: in 2 volumes]. Perm: Permskiy gosudarstvenny natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2017, pp. 232–235. [In Russian]

17. Samoylenko E. N., Fedchenko I. A. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: materialy Mezhdunar. (zaочноy) nauch.-prakt. konf.* [The intellectual potential of the XX century: proceedings of International (correspondence) scientific and practical conference]. Neftekamsk: Mir nauki (IP Vostretsov Aleksandr Il'ich), 2018, pp. 175–178. [In Russian]
18. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1998, 10 Dec., no. 67. [In Russian]
19. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 26.01.2009, no. 4, art. 445. [In Russian]

Володина Кристина Сергеевна

аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: kslarina0758@gmail.com

Volodina Kristina Sergeevna

Postgraduate student, Penza State University (40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Володина, К. С. О некоторых проблемах определения места конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в системе основных прав и свобод человека и гражданина / К. С. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 33–41. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-4.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОРГАНА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ОКАЗАНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДАНАМ

Аннотация.

Актуальность и цели. Адвокатура в Российской Федерации в настоящее время представляет собой иерархически сложный правовой институт, который способен активно участвовать в защите прав граждан. Однако ввиду серьезных социально-экономических и правовых преобразований в гражданском обществе объективно возникла необходимость существенных преобразований института адвокатуры как одного из центральных органов, оказывающих профессиональную юридическую помощь гражданам. Целью работы является изучение современной системы адвокатуры в Российской Федерации, формулирование и анализ значимых проблем и выявление основных путей реформирования института адвокатуры.

Материалы и методы. В ходе исследования использованы: метод историко-правовой – при изучении и анализе нормативных источников; метод правовой статистики – для получения количественных данных; анализ и синтез – для обобщения результатов.

Результаты. Проанализированы статистические данные о деятельности адвокатуры в Российской Федерации. Выявлены основные проблемы в деятельности адвокатуры и предложены пути их решения.

Вывод. Наличие института адвокатуры в Российской Федерации – один из способов ограничения государственной власти, а также полноценный механизм по реализации и защите гражданами своих прав и свобод. Ретроспективный анализ современного состояния института адвокатуры, а также анализ проблем в его деятельности позволяют сделать следующие выводы: необходима обширная работа по внесению изменений, дополнений в уже существующие нормы и по разработке и созданию новых норм, которые бы в полной мере охватывали все проблемные вопросы и на законодательном уровне позволили бы если не устранить их полностью, то хотя бы свести к минимуму.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, институт адвокатуры, адвокат, гарантии, организация деятельности, проблемы адвокатской деятельности, права и обязанности.

О. А. Timoshkina

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF REFORMING THE INSTITUTE OF THE BAR IN THE RUSSIAN FEDERATION

© Тимошкина О. А., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

AS AN AUTHORITY, THAT PROVIDES QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE TO CITIZENS

Abstract.

Background. The article defines the role of the bar as central in the system of bodies providing qualified legal assistance to citizens in the Russian Federation. The statistical data characterizing the current state of the Institute of Advocacy and the Bar of the Penza Region are given. The main and promising vectors of development of the entire system of providing qualified legal assistance in general and the institution of the bar in particular are determined. The main problems in the field of advocacy at the present stage of development of legal relations are formulated. The legal profession in the Russian Federation at the present time is a hierarchically complex legal institution that is able to actively participate in protecting the rights of citizens. However, in view of the serious socio-economic and legal transformations in civil society, the need arose for substantial transformations, including in the legal profession, as one of the central bodies in the system that provide professional legal assistance to citizens. The aim of the work is to study the modern system of advocacy in the Russian Federation, formulate and analyze the main problems, and identify the main ways of reforming the institution of advocacy.

Materials and methods. During the writing of the work, the following methods were used: the historical-legal method - in the study and analysis of regulatory sources, the method of legal statistics - to obtain quantitative data, analysis and synthesis - to summarize the results.

Results. Statistical data on the activities of the bar in the Russian Federation are analyzed. The main problems in the activities of the legal profession are identified and ways to solve them are proposed.

Conclusions. The presence of the institution of advocacy in the Russian Federation is one of the ways to limit state power, as well as a full-fledged mechanism for the exercise and protection by citizens of their rights and freedoms. A retrospective analysis of the current state of the institution of the legal profession, as well as an analysis of the problems in its activities, allows us to conclude that in order to eliminate them, extensive work is needed to develop and introduce changes, additions and create new standards that would fully cover all problematic issues and at the legislative level they would allow, if not eliminate them completely, then at least minimize them.

Keywords: qualified legal assistance, the institution of advocacy, advocate, guarantees, organization of activity, problems of advocacy, rights and obligations.

Современное Российское государство находится на этапе формирования прогрессивного правового государства, способного обеспечить соблюдение независимости адвокатского сообщества и свободную реализацию адвокатами своих профессиональных прав и обязанностей.

Адвокат в Российской Федерации остается лицом, способным квалифицированно оказывать юридическую помощь гражданам, а его наличие в государственной правовой системе является залогом правильного вектора развития демократического общества в целом.

За всю историю развития адвокатуры в Российской Федерации из маленького сообщества, практически не обладающего самостоятельностью, адвокатура сумела вырасти до иерархически сложного правового института, способного самостоятельно противостоять и активно участвовать в защите прав от нарушений со стороны правоохранительных органов. Например, по

данным официального сайта Министерства юстиции РФ, в 2018 г. в Российской Федерации число адвокатов, имеющих действующий статус, составило 66 584, а в 2018 г. эта цифра составила 74 398 [1]. Тенденция увеличения доли квалифицированных защитников говорит о востребованности данного правового института.

Последним этапом становления адвокатуры в современный период времени стало принятие Федерального закона № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об адвокатуре») [2]. Именно с этого момента институт адвокатуры в Российской Федерации получил новый веток развития.

При этом процесс осуществления адвокатской деятельности регулируется иными нормативными правовыми актами, а именно совместным Приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации от 5 сентября 2012 г. № 174/122н «Об утверждении порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела» [3].

Согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатуре», адвокатской деятельностью признается квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Статьей 4 ФЗ «Об адвокатуре» регламентировано, что адвокатская деятельность, помимо федерального закона, регулируется еще и Конституцией РФ [4], а также другими федеральными законами, нормативно-правовыми актами Правительства РФ и органов исполнительной власти на федеральном уровне, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

В каждом субъекте Российской Федерации созданы адвокатские образования, к которым в соответствии с ФЗ «Об адвокатуре» относят адвокатские палаты субъекта Российской Федерации. Например, на территории Пензенской области создана и успешно функционирует Адвокатская палата Пензенской области. В соответствии со сведениями, размещенными на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации, за шесть месяцев 2019 г. на территории Пензенской области деятельность осуществляют 469 адвокатов [1]. Кроме того, согласно данным, размещенным на официальном сайте Адвокатской палаты Пензенской области, на ее территории функционируют 18 коллегий адвокатов, 123 адвокатских кабинета [5].

Президентом Адвокатской палаты Пензенской области является Демерзов Николай Викторович. Первым вице-президентом – Губин Александр Васильевич. Управление осуществляет Совет Адвокатской палаты Пензенской области. Кроме того, в ее структуру входят: квалификационная и ревизионная комиссии, а также комиссия Совета Адвокатской палаты по защите профессиональных и социальных прав адвокатов.

Адвокатская палата Пензенской области осуществляет свою деятельность в соответствии с Уставом Адвокатской палаты Пензенской области [6] и руководствуется действующим законодательством Российской Федерации.

Как и другие палаты субъектов, является членом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, имеющей свою четкую структуру и высшим органом в которой является Всероссийский съезд адвокатов.

Так, Всероссийский съезд адвокатов решает наиболее важные вопросы в части организации деятельности Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и ее членов. Например, к его компетенции отнесено формирование комиссий по этике и стандартам, которые в свою очередь формируют основные этические правила осуществления адвокатской деятельности, разрабатывают профессиональные стандарты, рассматривают методические вопросы, принимая соответствующие методические рекомендации и инструкции, а также обобщают дисциплинарную практику.

Обратимся к статистическим данным за прошедший год. Федеральная палата адвокатов РФ опубликовала справку о состоянии российской адвокатуры на современном этапе. Согласно справке, по состоянию на 1 января 2018 г. в Российской Федерации имеют действующий статус 73 542 адвоката [7]. По данным за первое полугодие 2019 г., действующий статус имеют 74 735 адвокатов. Адвокатских образований, где адвокаты осуществляют профессиональную деятельность на территории Российской Федерации, – 26 648, среди которых коллегии адвокатов, адвокатские бюро, адвокатские кабинеты, а также юридические консультации. Возрастная градация адвокатов, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, представлена в следующем виде: 10 044 (12,6 %) – в возрасте до 30 лет, 10 460 (13,1 %) – старше 60 лет. Соотношение адвокатов по гендерному признаку следующее: 58,4 % адвокатов – мужчины; 41,6 % – женщины [7].

Показатель количества адвокатов в России на душу населения является одним из самых низких в Европе и составляет 50 адвокатов на 100 тыс. человек. Налицо недостаток кадров в институте адвокатуры и непопулярность адвокатской профессии в Российской Федерации.

Наличие института адвокатуры в Российской Федерации – это один из способов ограничения государственной власти, а также полноценный механизм по реализации и защите гражданами своих прав и свобод. Реформирование рынка юридических услуг продолжается и по сегодняшний день. В октябре 2017 г. на сайте Минюста РФ была опубликована разработанная данным органом концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи [8].

Основная цель предлагаемой реформы заключается в повышении качества оказываемых услуг. При этом важно отметить, что реализация данной концепции фактически уже началась. В частности, Верховным Судом РФ был подготовлен ряд законопроектов, предполагающих внесение изменений в основные процессуальные кодексы. Концепция, в частности, предусматривает введение адвокатской монополии на представительство в судах. Предлагается дать право на возмездной основе оказывать юридические услуги только тем юристам, которые приобрели статус адвокатов. Основная цель, которую преследуют создатели концепции, заключается в том, что ведение дел в судах требует особого уровня квалификации юристов. Кроме того, законодательство об адвокатской деятельности в настоящее время достаточно структурировано, именно поэтому оно может быть использовано для того, чтобы на его основе выработать необходимые стандарты оказания правовых услуг.

Идея введения адвокатской монополии была уже реализована на законодательном уровне. В 2004 г. Конституционный Суд РФ признал рассматриваемые положения Арбитражного процессуального кодекса не соответствующими Конституции. Речь идет о Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» [9].

Позиция Конституционного Суда РФ была следующей: если само государство не может обеспечить необходимый уровень квалифицированной юридической помощи, то требовать от организаций, чтобы они обращались только к адвокатам или держали у себя штатных юристов, нельзя. В дальнейшем Минюстом РФ была разработана «Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи» [10]. Основной ее целью является реформирование института адвокатуры и в целом всего рынка оказания юридической помощи, однако указанные нововведения не будут распространяться на работников органов государственной власти, а также нотариусов, патентных поверенных и юрисконсультов [11, с. 28]. Министерство юстиции РФ предполагает, что самым необходимым и правильным будет формирование некоего «единого рынка платных юридических услуг» путем закрепления за адвокатурой монопольного права на оказание юридической помощи. Такие преобразования считаются предпочтительными, поскольку именно адвокатура на сегодняшний день представляет собой сформировавшийся институт, имеющий свои внутренние профессиональные стандарты [12].

Однако законодательство, регулирующее адвокатуру и адвокатскую деятельность, абсолютно несовершенно и требует изменений. Реформу предлагается провести к 2023 г., в рамках которой предполагается разработать необходимую правовую базу и модернизировать структуру современного института адвокатуры, а также утвердить порядок упрощения процедуры получения статуса адвоката, в частности переход на дистанционную форму принятия экзамена, сокращение объема проверяемых знаний и фактически сведение их к проверке знаний законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности. В процессе реализации реформы в период с 2020 по 2022 г. предусматривается повсеместный переход всех заинтересованных лиц в систему адвокатуры, реорганизация юридических лиц, намеренных в дальнейшем оказывать юридическую помощь [13]. Предполагается продление указанного этапа, если этого потребуют обстоятельства. Окончательный срок определен на 1 января 2023 г.

На сегодняшний день понятно, что юридический рынок в Российской Федерации требует четкого структурирования, а также разделения на корпоративных юристов и тех, кто будет работать по найму. Реализация этого нововведения будет выглядеть как прогрессивная попытка реформирования рынка оказания квалифицированной юридической помощи в целом и института адвокатуры в частности.

Еще одной актуальной проблемой института адвокатуры в Российской Федерации является отсутствие нормы, обязывающей адвоката периодически повышать квалификацию, и формирование базы узкопрофильных специалистов. Это касается и методов, приемов работы с определенными категориями

граждан, например с лицами с ограниченными возможностями здоровья, несовершеннолетними и другими категориями.

Кроме того, существует достаточно большое количество проблем в профессиональной деятельности адвокатов. Одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются адвокаты в процессе реализации своих профессиональных функций, является нарушение гарантий адвокатской деятельности в процессе уголовного судопроизводства со стороны сотрудников следственных органов, что приводит к нарушению реализации конституционного права на защиту, гарантированную ст. 48 Конституции РФ, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [14], ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [15]. Поскольку независимый характер адвокатской деятельности предусматривается законодательством Российской Федерации, то, согласно прямому толкованию положений нормативно-правовых актов, адвокат должен быть свободен от любого давления извне, особенно со стороны правоохранительных органов и государства в целом [16, с. 148].

К обеспечительным гарантиям реализации полномочий адвоката относятся: запрет должностному лицу или органу, в производстве которого находится уголовное дело, по своему усмотрению решать вопрос о предоставлении свидания адвокату-защитнику со своим доверителем; контроль за ведомственными нормативными актами, нарушающими или ограничивающими право защитника иметь свидания с доверителем и др. Данные гарантии обеспечения адвокатом-защитником своих прав и обязанностей закреплены не только в отечественном законодательстве, но и в международно-правовых актах.

20 марта 2019 г. в Совете Федерации состоялся круглый стол «Защита прав адвокатов как инструмент обеспечения правосудия», на котором выступил президент Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко. Он сообщил, что воспрепятствование профессиональной деятельности адвокатов является проблемой не российской адвокатуры, а общества и государства, поскольку адвокаты представляют не собственные интересы, а интересы своих доверителей – российских граждан [17]. Также он привел данные официальной статистики, в соответствии с которыми в 2017 г. количество обысков у адвокатов составило 34 случая, а в 2018 г. – 40. Кроме того, в 2018 г. подана 2031 жалоба на нарушение профессиональных прав адвокатов. Из жалоб, поданных в следственные органы, прокуратуру и суд, удовлетворено следственными органами 4 %, прокуратурой – 10 %, судами – 12 %. А еще Юрий Пилипенко отметил, что в 2017 г. были убиты два адвоката, а за все время мониторинга, т.е. за 15 лет, – 47. При этом в 2018 г. убийств адвокатов не было.

В профессиональной деятельности адвокаты повсеместно сталкиваются с проблемой посягательств на адвокатскую тайну. По данным статистики, количество незаконных вызовов адвоката на допрос увеличилось на 71,4 % (с 98 в 2016 г. до 168 в 2017 г.); количество обысков в помещениях, принадлежащих адвокатам, возросло на 126,7 % (с 15 до 34), а производство в отношении адвокатов оперативно-розыскных мероприятий увеличилось более чем в три раза (с 8 до 26) [18]. К числу субъектов, где указанные нарушения встречаются наиболее часто, можно отнести: Москву и Санкт-Петербург, Московскую, Калининградскую, Воронежскую, Ленинградскую, Свердловскую, Челябинскую области и Пермский край.

Кроме того, следует упомянуть о проблеме вмешательства в законную деятельность адвоката, а также воспрепятствования такой деятельности, с которой сталкиваются адвокаты более чем в 43 субъектах Российской Федерации [19]. Например, количество случаев, когда следственные органы отказывают в допуске адвоката к участию в процессуальных действиях, проводимых в отношении его «клиента», выросло на 23,3 % (в 2017 г. – 60; в 2018 г. – 74). А количество ситуаций, когда адвокатам отказывают в выдаче необходимых документов и сведений в порядке процедуры адвокатского запроса, увеличилось на 40,5 % (со 116 в 2017 г. до 163 в 2018 г.).

Анализируя данные статистических сведений, можно явно увидеть, что с каждым годом количество нарушений прав адвокатов только растет и распространяется практически на все гарантии независимости деятельности.

В связи с объективной важностью публичной функции адвокатуры, которая выражается в обеспечении прав граждан и юридических лиц квалифицированной юридической помощью, необходимо вести планомерную работу по формированию уважения в обществе к профессии адвоката. Достигнуть этого возможно исключительно путем принятия на законодательном уровне таких механизмов защиты адвоката, которые будут действенными.

Проблемы обеспечения правовой защищенности адвокатов и гарантий их независимости в рамках уголовного судопроизводства, а также проблемы совершенствования нормативной базы в направлении обеспечения реализации профессиональных прав адвокатов в настоящее время являются весьма актуальными и требуют незамедлительного решения на самом высоком уровне (как адвокатского самоуправления, так и государства), а также разработки научно обоснованных предложений по их решению.

Несмотря на предполагаемые нововведения в Российской Федерации, а также усилия со стороны органов государственной власти, направленные на повышение уровня правовой культуры населения, потребность в получении юридической помощи не утрачивает своей необходимости и в настоящее время, а вопросы реформирования института адвокатуры остаются актуальными.

Библиографический список

1. Сводный отчет о состоянии адвокатуры в РФ // Министерство юстиции РФ : офиц. сайт. – URL: <https://minjust.ru/ru/about/statistics> (дата обращения: 06.06.2019).
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 10.06.2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. Об утверждении порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела : Приказ Минюста РФ и Минфина РФ от 05.09.2012 № 174/122н // Российская газета. – 2012. – 21 сент. – № 218.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.
5. Реестр Адвокатской палаты Пензенской области // Адвокатская палата Пензенской области : офиц. сайт. – URL: http://www.advpnz.ru/organizations_list/kollegii_advokatov (дата обращения: 14.05.2019).

6. Устав Адвокатской палаты Пензенской области // Адвокатская палата Пензенской области : офиц. сайт. – URL: http://www.advpnz.ru/organizations_list/kollegii_advokatov (дата обращения: 20.06.2019).
7. Справка о состоянии российской адвокатуры на современном этапе // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://fparf.ru/news/all_news/news/49156/ (дата обращения: 14.06.2019).
8. Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Юстиция» : Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. 29.03.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.05.2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2158.
9. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3282.
10. Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект) : Распоряжение Правительства РФ (ред. 24.10.2017) // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/news/687815/> (дата обращения: 15.03.2019).
11. Михайлова, А. С. К вопросу о реформировании рынка юридических услуг в Российской Федерации и необходимости учета интересов клиента в отношении их качества / А. С. Михайлова // Юрист. – 2015. – № 12. – С. 28–32.
12. Адвокатская монополия: как измерить объем рынка юридических услуг? // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru/story/view/125869/> (дата обращения: 15.03.2019).
13. Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/kontseptsiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi/> (дата обращения: 15.03.2019).
14. О гражданских и политических правах : Международный пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
15. О защите прав человека и основных свобод : конвенция (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
16. Сонькин, Н. Б. Международно-правовые стандарты адвокатской деятельности. Правовые основы адвокатской деятельности и адвокатуры / Н. Б. Сонькин // Адвокатская деятельность и адвокатура в России : учебник для акад. бакалавриата : в 2 ч. / под ред. И. Л. Трунова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – Ч. 1. – 218 с.
17. Препятствия деятельности адвокатов – проблема государства // Федеральная палата адвокатов РФ : офиц. сайт. – URL: https://fparf.ru/news/all_news/news/66898/ (дата обращения: 24.03.2019).
18. Информационная справка ФПА РФ о состоянии адвокатуры за 2017 г. // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-posyagatelstv-na-advokatskuu-taynu-velichilos/> (дата обращения: 24.03.2019).
19. Статистика об адвокатуре // Федеральная палата адвокатов РФ : офиц. сайт. – URL: https://fparf.ru/news/all_news/news/49763/ (дата обращения: 24.03.2019).

References

1. *Ministerstvo yustitsii RF: ofits. sayt* [Ministry of Justice of the Russian Federation: official site]. Available at: <https://minjust.ru/ru/about/statistics> (accessed Jun. 06, 2019). [In Russian]
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 10.06.2002, no. 23, art. 2102. [In Russian]
3. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2012, 21 Sept, no. 218. [In Russian]
4. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1993, 25 Dec., no. 237. [In Russian]

5. *Advokatskaya palata Penzenskoy oblasti: ofits. sayt* [Penza Region Law Chamber: official site]. Available at: http://www.advpnz.ru/organizations_list/kollegii_advokatov (accessed May 14, 2019). [In Russian]
6. *Advokatskaya palata Penzenskoy oblasti: ofits. sayt* [Penza Region Law Chamber: official site]. Available at: http://www.advpnz.ru/organizations_list/kollegii_advokatov (accessed Jun. 20, 2019). [In Russian]
7. *Federal'naya palata advokatov Rossiyskoy Federatsii: ofits. sayt* [Federal chamber of lawyers of the Russian Federation: official site]. Available at: https://fparf.ru/news/all_news/news/49156/ (accessed Jun.14, 2019). [In Russian]
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 05.05.2014, no. 18 (part II), art. 2158. [In Russian]
9. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 02.08.2004, no. 31, art. 3282. [In Russian]
10. *Ob utverzhdenii Kontseptsii regulirovaniya rynka professional'noy yuridicheskoy pomoshchi (proekt): Rasporyazhenie Pravitel'stva RF (red. 24.10.2017)* [On approval of the Concept of market regulation of professional legal assistance (project): Order of the Government of the Russian Federation (revised on 24.10.2017)]. Garant.ru. Available at: <https://www.garant.ru/news/687815/> (accessed Mar. 15, 2019). [In Russian]
11. Mikhaylova A. S. *Yurist* [Lawyer]. 2015, no. 12, pp. 28–32. [In Russian]
12. *Advokatskaya monopoliya: kak izmerit' ob'em rynka yuridicheskikh uslug?* [Law monopoly: how to measure the legal market volume?]. Pravo.ru. Available at: <https://pravo.ru/story/view/125869/> (accessed Mar. 15, 2019). [In Russian]
13. *Advokatskaya gazeta* [Lawyer newspaper]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/kontseptsiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi/> (accessed Mar. 15, 2019). [In Russian]
14. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1994, no. 12. [In Russian]
15. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 2, art. 163. [In Russian]
16. Son'kin N. B. *Advokatskaya deyatel'nost' i advokatura v Rossii: uchebnik dlya akad. bakalavriata: v 2 ch.* [Advocacy and the bar of Russia: textbook for academic bachelor program: in 2 parts]. 3d ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt, 2019, part 1, 218 p. [In Russian]
17. *Federal'naya palata advokatov RF: ofits. sayt* [Federal chamber of lawyers of the Russian Federation: official site]. Available at: https://fparf.ru/news/all_news/news/66898/ (accessed Mar. 24, 2019). [In Russian]
18. *Advokatskaya gazeta* [Lawyer newspaper]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-posyagatelstv-na-advokatskuyu-taynu-velichilos/> (accessed Mar. 24, 2019). [In Russian]
19. *Federal'naya palata advokatov RF: ofits. sayt* [Federal chamber of lawyers of the Russian Federation: official site]. Available at: https://fparf.ru/news/all_news/news/49763/ (accessed Mar. 24, 2019). [In Russian]

Тимошкина Олеся Альбертовна
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pd.pgu@yandex.ru

Timoshkina Olesya Al'bertovna
Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of law
enforcement, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Тимошкина, О. А. Современное состояние и проблемы реформирования института адвокатуры в Российской Федерации как органа, осуществляющего оказание квалифицированной юридической помощи гражданам / О. А. Тимошкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 42–51. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-5.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА СПРАВЕДЛИВОГО СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА И УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопрос понижения градуса криминогенной напряженности в стране остается одним из наиболее приоритетных на сегодняшний день. Этому способствует множество различных социально-экономических и общественно-политических факторов, важными из которых в решении данной проблемы, как ни странно, становятся фрагментарность и недостаточность существующей уголовной политики. Нарушение целостности системы уголовной политики, которое происходит в связи с наличием фактора нестабильности и энтропии антикриминального нормотворчества, фактически сводит на нет все усилия по преодолению реальной преступности. Асистемность уголовной политики находит свое отражение не только в избыточном количестве карательных и превентивных инструментов, но и в искусственном сдерживании уголовной политики посредством антикриминального регулирования и в чрезмерном акцентировании внимания на совершенствовании законодательства об ответственности за совершенное преступление. С момента вступления в силу и по 1 января 2018 г. Уголовный кодекс РФ претерпел 196 изменений, Уголовно-процессуальный кодекс РФ – 211, а Уголовно-исполнительный кодекс РФ перенес 81 поправку. Складывается впечатление, что при реформировании кодифицированных нормативно-правовых актов эффективность соответствующих законопроектов значительно уступает место активности, с которой они принимаются. Такой низкий уровень устойчивости уголовной политики стал причиной большинства проблем и подвел некоторых специалистов к выводу о немедленной рекодификации антикриминального законодательства.

Материалы и методы. В работе произведен анализ содержания и факторного комплекса уголовной политики, необоснованно реквизируются вопросы духовного и нравственного состояния общества. Анализируются и сопоставляются нормативные документы всех уровней.

Результаты. Отсутствует элемент сотрудничества между специалистами ведомств уголовного права и криминологии, а алгоритм принятия законопроектов антикриминалистической и уголовной направленности не предусматривает экспертно-консультативные обсуждения с представителями социальной и духовной сфер: педагогами, теологами, философами, математиками, психологами, юристами.

Выводы. В результате исследования сделан вывод, что системность уголовной политики, подкрепленная комплексными усилиями по исправлению духовных и нравственных дефектов, присущих человеку, реально способна разрешить ее главную задачу, а именно – снизить уровень преступности. Обосновывается необходимость создания под патронатом Президента РФ ко-

миссии, занимающейся проблемами уголовной политики, деятельность которой будет направлена на изыскание, разработку и реализацию альтернативных вариантов концепций с применением методов математического моделирования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная политика, социальное устройство, асистемность.

A. D. Mkrtchyan, N. V. Valuyskov, L. V. Bondarenko, A. A. Khlgatyan

IMPROVING THE SYSTEM OF CRIMINAL POLICY AS A BASIS FOR JUST SOCIAL STRUCTURE AND STRENGTHENING THE STATE SYSTEM

Abstract.

Background. The issue of raising the degree of criminal tension in the country remains one of the highest priority today. This is facilitated by many different socio-economic and socio-political factors. However, oddly enough, the most acute angle in solving this problem is the fragmentation and insufficiency of the existing criminal policy. Violation of the integrity of the criminal policy system, which occurs due to the presence of the factor of instability and entropy of anti-criminal rulemaking, effectively negates all efforts to overcome real crime. The systematic nature of criminal policy is reflected not only in an excessive amount of punitive and preventive tools, but also in artificial deterrence of criminal policy through anti-criminal regulation and an excessive emphasis on improving legislation on responsibility for the crime committed. Since the Criminal Code of the Russian Federation came into force on January 1, 2018, it has undergone 196 changes, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation - 211, and the PEC of the Russian Federation has postponed 81 amendments. One gets the impression that when reforming codified normative legal acts, the effectiveness of relevant draft laws is significantly inferior to the place of activity with which they are adopted. Such a low level of stability of criminal policy caused most of the problems and led some experts to the conclusion of the immediate recodification of anti-criminal legislation.

Materials and methods. The work analyzes the content and factor complex of the criminal policy, unreasonably requisitioned questions of the spiritual and moral state of society. Analyzed and compared regulatory documents at all levels.

Results. There is no element of cooperation between experts of the departments of criminal law and criminology, and the algorithm for adopting anti-criminalistic and criminal laws does not provide for expert-consultative discussions with representatives of the social and spiritual spheres: educators, theologians, philosophers, mathematicians, psychologists, lawyers.

Conclusions. As a result of the research, it can be concluded that the systematic nature of criminal policy, supported by complex efforts to correct the spiritual and moral defects inherent in a person, is really capable of solving its main task, namely, to reduce the crime rate. It justifies the need to create, under the patronage of the President of the Russian Federation, a commission dealing with criminal policy issues, whose activities will be aimed at finding, developing and implementing alternative concepts using mathematical modeling methods of criminal law and law enforcement practice.

Keywords: criminal policy, social structure, asystem.

Под уголовной политикой принято понимать целенаправленную деятельность государства по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан.

дан, защиты их чести, достоинства, прав и свобод, регламентируемых Основным законом, от преступных посягательств и преступлений. С точки зрения организации национальная уголовная политика представляет собой прогрессивную разветвленную структуру, имеющую сложные уровни, подчиняющуюся законам иерархии и взаимообусловленности элементов. Тем не менее недостаточность и противоречивость методологической базы и нормотворческой активности, отсутствие обозначенной цели расшатывают эту «конструкцию», нарушая стабильное и согласованное функционирование уголовной политики как системы.

Как любая искусственно созданная система, уголовная политика подчиняется определенным законам и не может работать эффективно без наличия осознанной и четко сформулированной цели. Цель – основное звено, за неимением которого уголовная политика заходит в тупик, поскольку не осознает, как и каким способом адаптировать имеющиеся средства и ресурсы под свои потребности. Таким образом, теряется сам смысл системности, а значит возникает угроза устойчивому и согласованному развитию уголовной политики.

На этом фоне обещания победить тот или иной вид преступности при помощи нового пакета антикриминальных правовых актов остаются лишь обещаниями. Фактически они не могут быть выполнены за неимением цели либо при отсутствии синхронизации между целью и средствами ее достижения. В этой связи достаточно узко и однобоко отождествлять неполноту уголовной политики с неполнотой антикриминального регулирования. Данный подход довольно сложно назвать удовлетворительным, поскольку результативность проводимой уголовной политики во многом коррелируется со стабильным снижением уровня реальной преступности.

Процесс становления уголовной политики прошел долгую эволюцию. Под влиянием трудов Г. Тарда, Ференца фон Листа, Э. Ферри, А. Принса в теории российской научной школы сложилась традиция сегментирования уголовной политики на специфические фракции. Среди них выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, оперативно-розыскную и пенитенциарную. В начале XX в. уголовная политика рассматривалась, по сути, как учение о методах борьбы с преступностью. В 1970–1980-х гг. благодаря научным изысканиям В. Н. Кудрявцева, Л. Д. Гаухмана, Г. М. Миньковского, П. Н. Панченко традиция приобрела характерные черты общей теории уголовной политики [1], что в итоге позволило найти баланс между системностью и ее карательно-превентивной природой, а также сформулировать основные цели уголовной политики:

- обеспечение безопасности личности, защита ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью;
- минимизация уровня социальной напряженности в обществе за счет справедливого урегулирования конфликта общественных отношений, который был вызван преступлением;
- оказание всестороннего содействия для достижения социального благополучия на основе реализации идей социальной реабилитации лиц, вовлеченных в общественные отношения, вызванные преступлением.

В данный момент такое свойство уголовной политики, как системность, не реализуется в отечественном нормотворчестве и правоприменении.

Несмотря на впечатляющую теоретическую проработку этой проблемы, до сих пор отсутствуют официальная стратегия, концепция и доктрина уголовной политики, отраженные в отдельном нормативно-правовом акте, нет и алгоритма принятия законов в этой сфере [2]. Как ни странно, но при разработке законопроектов напрочь отсутствует момент сотрудничества и взаимодействия между специалистами различных ведомств уголовного права и криминологии. За весь период работы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов ни разу не были вовлечены в обсуждение проблемы представители сфер социальной, духовной, педагогической, научной направленности.

Наиболее критикуемым проявлением асистемности уголовной политики есть ее нестабильность, которая в свою очередь является следствием бесцельности. Прежде всего это выражается в бескомпромиссном преобладании карательных мер воздействия в инструментарии уголовной политики. Новейшее уголовное законодательство тщательно сосредоточено и лоббирует внедрение в кодифицированное антикриминальное законодательство изменений, прокламирующих преобладание карательных над иными мерами и методами воздействия [3].

По состоянию на 1 января 2018 г. действующий Уголовный кодекс РФ (УК РФ) претерпел 196 изменений, семь изменений были дополнительно внесены Конституционным судом РФ. Несмотря на более позднюю дату вступления в силу, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) менялся 211 раз и 22 раза по решению Конституционного суда РФ. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) подвергся «модернизации» 81 и семь раз соответственно. Вышеперечисленные изменения уголовного закона затронули основные направления уголовной политики, в том числе такие процессы, как криминализация, декриминализация, гуманизация, либерализация. Обновление антикриминального карательного законодательства происходит гораздо более стремительными темпами, нежели любого иного отраслевого либо межотраслевого законодательства. Усугубляет положение проект базового закона о профилактике правонарушений, работа над которым ведется более 25 лет. Эти факты прямо подтверждают предположение о существовании каскада сбоев и нарушений в национальной системе уголовной политики [4].

Как и в большинстве стран, в России предпринимались попытки отказа от уголовного наказания и исправительных учреждений, однако они носили экспериментальный характер и, в сущности, оказались безуспешными. Впрочем, изменение вектора в сторону агрессивного расширения сферы применения мер уголовной ответственности также не принесло результатов.

Интересно, что с точки зрения психологии толпы более жесткие меры наказания ассоциируются с высшей степенью справедливости. Это происходит потому, что каждый из участников убежден в собственной невиновности и порядочности близких людей, которых гипотетически это не должно коснуться. Громкие возгласы и призывы к избранию самой строгой меры пресечения декларируются в плену слепой уверенности, что они предназначены для кого угодно, но не для него. Массовое одобрение суровых кар в отношении чиновников, террористов, сверхбогатых людей не является объективным показателем готовности каждого к тому, чтобы самому понести «заслуженное» наказание.

Как показывает практика, такая модель утопична и неэффективна, поскольку не дифференцирует преступления по степени тяжести и отрицает возможность повсеместной ее реализации. Применить уголовный закон по тем же правилам и с той же заинтересованностью по отношению к себе и постороннему нарушителю невозможно. Преодоление преступности при помощи строгого уголовного наказания, равно как и с помощью средств некарательного воздействия (к примеру, общественное порицание, условное наказание), – иллюзия. Утрированная карательная и либеральная модели показали себя нежизнеспособными, даже несмотря на использование широкого спектра ограничений основных имущественных и психологических стимулов к совершению злодеяния. Основная причина кроется в том, что привычные для государства управленческие и правовые средства уголовной политики не могут изменить сущность человека или «подкорректировать» его ментальные и духовные несовершенства.

Этот тезис является чрезвычайно важным, поскольку демонстрирует косность традиционной модели борьбы с преступностью, использующей исключительно правовые и утилитарные инструменты уголовной политики. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости расширения границ модели и дополнить ее средствами психологического влияния, т.е. инициировать спин самоосуждения человеком самого себя в момент появления мысли о совершении преступления.

Проблема влияния угрозы уголовным наказанием на поведение человека не является новой для российской науки. Начало ее исследования было положено профессором А. И. Марцевым в 1960–1970-х гг., а позже воспроизводилось другими авторами в 1980–1990-х гг. Однако результат оставался неизменным: менее 25 % испытуемых воспринимали уголовное наказание как препятствие для совершения преступления; 90 % осужденных за преступления не задумывались о том, что в случае неудачи при совершении злодеяния их ожидает уголовное преследование; каждый восьмой не отказался от этой сомнительной затеи, даже если бы был полностью уверен в неизбежности наказания [5, с. 43].

На фоне высокой раскрываемости основных видов зарегистрированных преступлений в СССР и РСФСР в 1960–1970-х гг. полученные результаты кажутся непоказательными. Тем не менее масштабные изменения криминальной ситуации, произошедшие в стране в 1990-х гг., позволяют убедиться в их правильности и обоснованности.

Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству осужденных к лишению свободы за совершение преступлений различной степени тяжести, что в принципе должно быть убедительным доказательством реальности наказания для граждан, стоящих на распутье. В действительности же криминальная активность населения не снижает оборотов.

Профессор Б. Я. Гаврилов опубликовал данные, согласно которым за 2016 г. было зарегистрировано свыше 11,6 млн сообщений граждан о преступлениях, но лишь 15,9 % из них послужили поводом для возбуждения уголовного дела. Таким образом, высокая инициатива со стороны заявителей не показатель эффективности уголовной политики, способный создать серьезные препятствия гражданину, решившему «преступить черту».

Заявительская активность стимулируется путем упразднения этапа возбуждения уголовного дела либо за счет внедрения института следственного

судьи. С другой стороны, данный процесс сопровождается множественными негативными явлениями, способными нивелировать позитивный эффект от реализации этой идеи.

Одним из неукоснительных правил обеспечения жизнедеятельности любой искусственной системы (которой, по сути, является уголовная политика) состоит в том, что изменения в каком-либо из ее элементов неизбежно влекут за собой каскад преобразований других ее сегментов. Решение подобной задачи должно проходить максимально аккуратно и своевременно, поскольку неверный ключ может создать реальную угрозу государственности и социального спокойствия [6].

Этот же вывод справедлив в отношении идеи отказа от досудебного следствия и введения института следственного судьи. Судебные следователи появились в России в 1860 г. и стали важным элементом судебной реформы 1864 г. Институт судебных следователей «пришелся ко двору» и был сохранен в первых советских УПК РСФСР 1922–1923 гг. Организационно он был независим от прокуратуры и занимал довольно высокое положение в судебной иерархии, поскольку состоял в штате губернского, а затем областного суда. Однако вскоре произошла фактическая ликвидация предварительного следствия. В 1928–1929 гг. следственный аппарат был полностью передан в прокуратуру – судебная власть на предварительном расследовании закончилась.

Подобный строй предварительного расследования был в основном продублирован и последующими отечественными уголовно-процессуальными законами – советским УПК 1960 г. и российским 2001 г. Но даже будучи фактически превращенной в дознание, предварительная подготовка уголовных дел продолжает у нас именоваться следствием, а сотрудники полиции, расследующие преступления, – следователями «юстиции» [7, с. 192].

В настоящее время институт следственных судей с присущими национальному менталитету особенностями существует во Франции, Бельгии, Испании, Нидерландах, Швейцарии и других странах. Ряд полномочий, характерных для следственных судей, выполняют участковые судьи в Германии. Этот институт ввели Латвия, Литва, Молдова, Казахстан. При этом в большинстве западноевропейских стран следственный судья по традиции является, скорее, судебным следователем, нежели судьей, так как самостоятельно определяет ход предварительного следствия и по своей инициативе может собирать доказательства [8].

На данный момент в России власть и полномочия следственных судей конституционно не закреплены. Но следует отметить, что в данном направлении происходят качественные подвижки. Так, в 2015 г. Президентом России Владимиром Путиным были даны рекомендации Верховному Суду РФ, касающиеся детального изучения вопроса о возможности введения этого института. По его мнению, воссоздание корпуса следственных судей может помочь решить системные проблемы уголовного процесса.

Легализация досудебного следствия позволила бы более полно и непредвзято выявлять и фиксировать признаки преступления, концентрировать внимание на обстоятельствах дела, а не на выборе способа возмездия за совершенное преступление.

Задачи подобного уровня решаются исключительно в рамках реформы системы уголовной политики при поддержке со стороны государства. В ис-

тории развития российского уголовного права имеется опыт формирования государственной комиссии по разработке проекта Уголовного уложения и его редакционной комиссии, инициированного в 1881 г. Александром II.

Такая мера, по нашему мнению, способна погасить конфликт между ведомствами, предпринимательскими сообществами и научными школами за влияние на уголовную политику. Это вовсе не отрицает позитивный эффект конкуренции в вопросе разработки концепции уголовной политики. Наоборот, наличие нескольких вариантов моделей уголовной политики позволит сделать выбор в пользу наиболее оптимальной для последующей доработки и реализации. Кроме того, полезно взять на вооружение опыт европейских стран, прошедших этот путь и добившихся позитивных результатов.

Поскольку решить подобную головоломку исключительно умозрительными средствами невозможно, необходимо применение методов математического моделирования антикриминального законодательства и правоприменительной практики.

Криминологическое моделирование дает возможность провести всесторонний анализ, оценить и своевременно нивелировать криминогенные угрозы, представляющие опасность различным сферам жизнедеятельности государства, развитию общества и личности. Ее суть состоит в построении многоуровневых прагматических моделей социальных систем. Нормально функционирующая система обеспечения безопасности играет ключевую роль в процессе развития государства, поэтому применение криминологического моделирования в качестве метода прогнозирования развития явлений криминогенного характера является невероятно актуальным и востребованным на сегодняшний день.

Вопросу безопасности различных сфер жизнедеятельности человека посвящены многочисленные научных труды, также он активно регулируется и на законодательном уровне. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., наряду с внутренними и внешними угрозами безопасности, определены механизмы деятельности системы обеспечения национальной безопасности. В нормативных правовых актах нацбезопасность государства определяется как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В Российской Федерации преступность признается одной из внутренних угроз безопасности.

Несмотря на то, что меры по противодействию преступным посягательствам декларируются в различных программах и концепциях, привлекаются значительные материальные и людские ресурсы, ведется интенсивная профилактическая работа, криминогенные риски невозможно устранить в полном объеме. Идея борьбы с преступностью является фантастичной по своей природе, однако предусмотреть возможные риски от противоправных посягательств и сгладить вероятные негативные последствия для безопасности государства, субъектов хозяйствования и человека возможно при помощи математического моделирования системы уголовной политики.

Криминологическое моделирование системы обеспечения безопасности может выполнять несколько взаимостимулирующих функций. С одной стороны, это функция целеполагания деятельности, т.е. построение модели состояния. Другая функция криминологического моделирования состоит в разработке непосредственного алгоритма по противодействию преступным посягательствам на пути к достижению поставленной цели.

При осуществлении криминологического моделирования представляется необходимым учитывать изменения внутри структуры криминогенных угроз. В этой связи необходимо допускать возможность внесения изменений в алгоритм построения модели и методов повышения ее эффективности. Такая возможность возникает при поэтапном развитии модели с промежуточным анализом достигнутых результатов и последующей коррекцией деятельности системы.

По своей природе моделирование является обязательным, неизбежным действием во всякой целесообразной деятельности, пронизывает и организует ее, представляя собой не часть, а аспект этой деятельности. Помимо этого, в ходе построения модели того или иного явления следует не только определиться с целью построения модели и алгоритмом ее действия, но и выбрать ее тип.

Существуют разнообразные типы моделей, однако в отношении криминологического моделирования наиболее целесообразно использовать прагматическую модель. Необходимо отметить, что указанный тип модели отражает не существующий, а желаемый результат. Прагматическая модель является средством управления, элементом организации практических действий, способом представления образцово правильных действий или результата, т.е. является рабочим представлением целей. В связи с этим использование прагматических моделей состоит в том, чтобы при обнаружении расхождений между моделью и реальностью направить усилия на изменение реальности так, чтобы приблизить реальность к модели.

Важно понимать, что преобразование уголовной политики в части формальных институтов само по себе не способно снизить порог реальной преступности. В. Н. Кудрявцев утверждает, что секрет успеха борьбы с преступностью кроется в справедливом социальном устройстве. Большой разрыв между социальными слоями, а также диаметрально противоположные взгляды отдельных групп граждан на внутриполитические проблемы препятствуют нормализации общественных нравов.

В защиту данного тезиса можно сказать, что в рамках различных государств, диктатур и демократий, создававшихся и аннигилировавшихся в иные формы на протяжении всего развития человечества, справедливое равновесие в вопросе преступного и наказуемого не было найдено. Очевидно, что ответ кроется в исправлении духовных и моральных изъянов человека. Только при этих обстоятельствах возможно в полной мере раскрыть потенциал уголовной политики и укрепить основы государственности.

Библиографический список

1. **Поцелуев, Е. Л.** Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания / Е. Л. Поцелуев // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 183–193.
2. **Максимов, С. В.** Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 6. – С. 150–165.
3. **Максимов, С. В.** Асистемная уголовная политика / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 2 (49). – С. 63–69.

4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.06.2016).
5. **Марцев, А. И.** Общее предупреждение преступлений и его эффективность / А. И. Марцев, С. В. Максимов ; под ред. М. И. Ковалева. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1989.
6. Мониторинг уголовной политики России : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. – Москва : Институт государства и права РАН, 2014. – 482 с.
7. **Полищук, Н. И.** Тенденции современной уголовно-правовой политики государства / Н. И. Полищук // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 1. – С. 192–197.
8. **Дворецкий, М. Ю.** Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Великобритании, США и РФ: проблемы теории и практики применения / М. Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – № 4 (96). – С. 303–310.
9. **Клебанов, Л. Р.** Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки / Л. Р. Клебанов // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 95–96.
10. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – Москва : Эксмо, 2010. – 732 с.
11. Аналитическая записка к Федеральному закону от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». – Москва, 2010. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4644> (дата обращения: 20.03.2017).

References

1. Potseluev E. L. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2003, no. 3 (248), pp. 183–193. [In Russian]
2. Maksimov S. V., Valuyskov N. V. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences]. 2016, no. 6, pp. 150–165. [In Russian]
3. Maksimov S. V., Valuyskov N. V. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata* [Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notaries]. 2018, no. 2 (49), pp. 63–69. [In Russian]
4. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Legal Information Portal]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed Jun. 23, 2016). [In Russian]
5. Martsev A. I., Maksimov S. V. *Obshchee preduprezhdenie prestupleniy i ego effektivnost'* [General crime prevention and its effectiveness]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 1989. [In Russian]
6. *Monitoring ugolovnoy politiki Rossii: monografiya* [Monitoring the criminal policy of Russia: monograph]. Ed. S. V. Maksimov. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2014, 482 p. [In Russian]
7. Polishchuk N. I. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov]. 2015, vol. 21, no. 1, pp. 192–197. [In Russian]
8. Dvoretzkiy M. Yu. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of Tambov University. Series “Humanitarian sciences”]. 2011, no. 4 (96), pp. 303–310. [In Russian]
9. Klebanov L. R. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2016, no. 10, pp. 95–96. [In Russian]

10. *Kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Concepts of the development of Russian legislation]. Eds. T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Eksmo, 2010, 732 p. [In Russian]
11. *Analiticheskaya zapiska k Federal'nomu zakonu ot 27 dekabrya 2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem v deystvie polozheniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o nakazanii v vide ogranicheniya svobody»* [Policy note to the Federal Law on 27th of December, 2009 No. 377-FZ “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation because of the the provisions’ introduction of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Executive Code of the Russian Federation on punishment in the form of restrictions on freedom”]. Moscow, 2010. Available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4644> (accessed Mar. 20, 2017). [In Russian]

Мкртчян Ани Давидовна

ассистент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: konf-rostov@mail.ru

Mkrтчyan Ani Davidovna

Assistant, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Валуysков Николай Викторович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: valuyskov58@mail.ru

Valuyskov Nikolay Viktorovich

Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Бондаренко Любовь Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: bondarenko20.06.1984@mail.ru

Bondarenko Lyubov' Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Хлгатян Анна Акоповна
студентка, Институт сферы
обслуживания и предпринимательства
(филиал в г. Шахты), Донской
государственный технический
университет (Россия, Ростовская область,
г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: anlo999@mail.ru

Khlgatyan Anna Akopovna
Student, Institute of Service
and Entrepreneurship (branch of the Don
State Technical University in Shakhty)
(147, Shevchenko street, Shakhty,
Rostov region, Russia)

Образец цитирования:

Мкртчян, А. Д. Совершенствование системы уголовной политики как основа справедливого социального устройства и укрепления государственности / А. Д. Мкртчян, Н. В. Валуйсков, Л. В. Бондаренко, А. А. Хлгатян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 52–62. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-6.

ОТКАЗ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ НА ОСНОВАНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопросы реализации религиозных прав и свобод и их взаимодействие с другими правами в современном мире приобретают новые аспекты и особенности. Основная проблематика при этом сосредоточивается в контексте реализации обязанностей граждан прежде всего перед государством. Особое значение в этой связи имеет практический опыт Верховного Суда США по разрешению подобных споров. Предметом исследования выступает практика решений Верховного Суда США по разрешению споров, возникающих при реализации прав граждан на освобождение от военной службы по религиозным мотивам. Цель работы – проанализировать генезис института освобождения от военной службы на основании религиозных убеждений, изменения принципов и условий предоставления такого права в практике Верховного Суда США.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных судебных решений Верховного Суда США, в которых происходит обоснование, развитие отдельных аспектов отказа от военной службы по религиозным мотивам. Особое место в рамках настоящего исследования имеют дела «Соединенные Штаты против Макинтоша», «Соединенные Штаты против Сигера», «Уэлш против Соединенных Штатов». Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, которые позволяют сопоставить содержание и значение для развития теории и практики соответствующего правового регулирования основополагающих решений Верховного Суда США с учетом конкретных исторических обстоятельств их принятия.

Результаты. Исследовано становление и развитие права на освобождение от военной службы на основании религиозных убеждений в решениях Верховного Суда США, проанализированы основания его возникновения, выявлены основные критерии его предоставления.

Выводы. Изучение решений Верховного Суда США позволяет уяснить основания, условия предоставления и содержание права на освобождение от военной службы, учесть зарубежный опыт в обеспечении религиозных прав в сфере прохождения военной службы.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, военная служба, освобождение от военной службы, Верховный Суд США.

М. Ю. Emelin, B. V. Nikolaev

A REFUSAL TO SERVE IN THE MILITARY BASED ON RELIGIOUS BELIEFS IN PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE UNITED STATES

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант «Государство, право и религия в США: законодательство и правоприменительная практика» 19-011-00559а.

© Емелин М. Ю., Николаев Б. В., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. The issues of the realization of religious rights and freedoms and their interaction with other rights acquire new aspects and features in the modern world. At the same time, the main problems are concentrated in the context of the implementation of the duties of citizens before government. In this regard the practical experience of the US Supreme Court in resolving such disputes is of particular importance. The subject of the research is public relations arising from the exercise of citizens' rights to exemption from military service for religious reasons. The purpose of the work is to analyze the genesis of the development of principles of exemption from military service for reasons of conscience in the practice of the US Supreme Court.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of an analysis of the main judicial decisions of the US Supreme Court, in which there is justification, development of certain aspects of military service exemption for religious reasons. The cases including *The United States v. Macintosh*, *the United States v. Seeger*, and *Welsh v. United States* have a special place in this study. The methodological potential includes methods of comparative legal and historical legal analysis, which allow to compare the content and importance of legal regulation of fundamental decisions of the US Supreme Court for the development of theory and practice.

Results. The formation and development of the right to exemption from military service for reasons of conscience in the decisions of the US Supreme Court are investigated. Grounds for its occurrence are analyzed. The main criteria for its provision are identified.

Conclusions. The study of the US Supreme Court decisions allows us to clarify the grounds, conditions for granting and the content of the right to exemption from military service, to take into account foreign experience in ensuring religious rights in the field of military service.

Keywords: freedom of conscience, freedom of religion, military service, exemption from military service, US Supreme Court.

Вопрос освобождения от военной службы по религиозным мотивам имеет давние исторические и философские корни. Ряд исследователей обнаруживают эти корни во времена зарождения христианской религии в качестве официального инструмента государственной власти. Константин стал первым христианином, правившим Римской империей. С его восхождением на императорский престол многовековая верность ранней Церкви пацифизму внезапно закончилась. «Христианство и милитаризм, когда-то полярные противоположности, стали служанками нового государства» [1, с. 497–498].

Религиозная обязанность последователей иудейско-христианской веры участвовать или не участвовать в войне традиционно являлась темой обсуждений богословов и специалистов по этике на протяжении тысячелетий. Но со времен Вьетнамской войны все основные христианские конфессии и ветви иудаизма опубликовали официальные заявления, относящиеся к отказу от военной службы по соображениям совести, которые с редким единодушием поддержали право на отказ от военной службы в соответствии со своими религиозными убеждениями [2, с. 78].

Верховный Суд США рассмотрел значительное количество дел об отказе от военной службы по религиозным основаниям. Соответствующая практика высшего судебного органа США демонстрирует значительную

эволюцию оснований, принципов и условий освобождения от религиозной службы по религиозным соображениям.

Одним из первых таких дел стало дело *United States v. Schwimmer*. Оно касалось претендента на натурализацию (получение гражданства США), имевшего пацифистские убеждения, который в ходе собеседования заявил, что не хочет «лично брать в руки оружие» в защиту Соединенных Штатов. Заявительницей была женщина 49 лет, лингвист, лектор и писатель. В ходе процесса она заявила, что она была готова к негативному отношению со стороны государственной власти в связи с ее пацифистскими убеждениями, «чуждыми чувства национализма, а напротив, наполненными лишь космическим чувством принадлежности к общечеловеческой семье» [3].

Верховный Суд США подтвердил обоснованность отказа в приеме в гражданство, указав, что обязанность граждан силой оружия защищать государство от всех врагов в случае необходимости является основополагающим принципом Конституции.

Следующим значимым делом, трактующим подход к отказникам, стало дело *United States v. Macintosh* [4]. Макинтош, родившийся в Канаде, приехал в Соединенные Штаты в 1916 г., а в 1925 г. объявил о своем намерении стать гражданином. Федеральный окружной суд отклонил его ходатайство о натурализации на том основании, что заявитель соглашался принести клятву о защите Соединенных Штатов с оружием в руках лишь с оговоркой – «при условии убежденности в моральной оправданности такой войны».

Апелляционный суд отменил решение и постановил принять ответчика в гражданство, однако Верховный Суд США не поддержал позицию апелляционного суда, указав, что натурализация – это привилегия, которая предоставляется в соответствии с условиями, определенными Конгрессом, и на которую иностранец может претендовать только при соблюдении таких условий.

Заявитель, по мнению суда, сделал чрезвычайно значимую по своему содержанию оговорку: он будет делать то, что, по его мнению, отвечает наилучшим интересам страны, лишь постольку, поскольку считает, что это не будет противоречить интересам человечества в долгосрочной перспективе; он не будет участвовать в защите страны с оружием в руках или оказывать какую-либо моральную поддержку войне, если не посчитает, что это морально оправдано, какой бы необходимой ни была война для действующего правительства; он будет свободен в суждениях о нравственности и необходимости войны и, хотя не предвидит участия в пропаганде против войны, объявленной и признанной правительством оправданной, предпочитает не давать никаких обещаний по этому поводу и убежден, что отдельный гражданин должен иметь право отказаться от военной службы, когда моральные убеждения побуждают его сделать это.

Суд в конечном итоге заключил, что привилегия отказа от военной службы в связи с принципиальным отказом от ношения оружия вытекает не из Конституции США, а из актов Конгресса. В связи с этим претендент должен принять присягу в соответствии с теми условиями, которые установлены действующим законодательством, или отказаться от приобретения гражданства США. «Допущение даже одной оговорки в отношении клятвы распахнет двери для других, что может привести к полной путанице» [4].

В деле *Witmer v. United States* заявитель, член церкви Свидетелей Иеговы, был признан виновным в том, что отказался от призыва в вооруженные

силы в нарушение пункта 12 (а) Закона об общей военной подготовке и службе. Верховный Суд США указал, что в делах лиц, отказавшихся от военной службы по религиозным основаниям, ключевым вопросом является искренность религиозных убеждений такого лица. Непоследовательность утверждений заявителя стала достаточным основанием для того, чтобы суд усомнился в их искренности [5].

В 1961 г. Верховный Суд США вынес решение по делу *Torcaso v. Watkins*. Хотя оно не было непосредственно связано с прохождением военной службы, в нем наметился определенный поворот к использованию конституционной трактовки права на освобождение от военной службы по религиозным мотивам. Согласно Конституции штата Мэриленд, для назначения на государственную должность не требовалось никакого религиозного теста, кроме провозглашения веры в существование Бога.

Губернатором штата Мэриленд заявитель был назначен на должность государственного нотариуса, но ему было отказано в назначении, потому что он не заявил о своей вере в Бога, как того требует Конституция штата. Утверждая, что это требование нарушало его права в соответствии с Первой и Четырнадцатой поправками к Конституции США, он обратился в суд с требованием вынести решение о его назначении, но ему было отказано. Апелляционный суд штата подтвердил решение, утверждая, что конституционное положение штата обладает прямым действием, является самореализуемым без необходимости использования специального законодательства и требует признания веры в Бога в качестве условия занятия государственной должности.

Верховный Суд США постановил, что данное условие нарушает свободу убеждений и вероисповедания, гарантированную Первой поправкой к Конституции США и защищенную Четырнадцатой поправкой, от посягательств со стороны штатов [6].

Одним из наиболее важных решений, повлиявших на дальнейшую судебную практику и установивших значимые прецедентные принципы, стало дело *United States v. Seeger*. Раздел 6 (j) Закона о всеобщей военной подготовке и службе освобождал от военной службы в вооруженных силах тех, кто сознательно выступает против участия в войне из-за их «религиозного воспитания и убеждений». Данный термин определяется в законе как «вера в Высшее Существо, включающая в себя обязанности, превосходящие те, которые вытекают из любых человеческих отношений», при этом закон исключает в этой связи «по существу политические, социологические или философские взгляды или просто личный кодекс человека».

Суд указал, что тест на религиозные убеждения по смыслу исключения в разделе 6 (j) заключается в установлении того, является ли это «искренним и значимым убеждением, занимающим в жизни соответствующего лица место, соответствующее тому, которое занял Бог для тех, кто, по общему признанию, имеет право на освобождение от военной службы» [7].

При этом суд отметил, что исключение не распространяется на тех, кто противостоит войне только исходя из правил личного морального кодекса, а также тех, кто решает, что война является неправильной, исходя из политических, социальных или экономических соображений, а не религиозных убеждений. В этом случае местные советы и суды должны решить, являются ли убеждения возражающего искренними и являются ли они, по его соб-

ственной оценке, религиозными; они не должны требовать доказательства религиозных доктрин и не должны отвергать убеждения лица только потому, что они остаются непонятными для суда [7].

Таким образом, суд признает основанием для освобождения от военной службы не только классические религиозные, но и иные сходные с ними по глубине, устойчивости и характеру убеждения личности.

В 1970 г. Верховный Суд США рассмотрел дело *Welsh v. United States*, в котором еще детальнее раскрыт характер религиозного мотива как основания для освобождения от военной службы.

Заявитель был осужден за отказ от призыва в вооруженные силы, несмотря на его требование освобождения от военной службы на основании его убеждений. Заявитель указал, что он не может подтвердить или опровергнуть веру в «Верховное Существо» и вычеркнул слова «мое религиозное воспитание» из формы заявления об освобождении от военной службы. Он подтвердил, что глубоко предубежден против участия в войнах, где гибнут люди. Апелляционный суд пришел к выводу, что эти убеждения не были достаточно «религиозными», чтобы соответствовать условиям раздела 6 (j) Закона о всеобщей военной подготовке и службе. Заявитель утверждал, что в Первой поправке к Конституции США закон нарушает клаузулу о запрете установления религии, поэтому его осуждение должно быть отменено на основании дела *United States v. Seeger*.

Верховный Суд США отменил решение апелляционного суда, указав, что добросовестное возражение лица против любой войны является «религиозным» в значении раздела 6 (j), если эта позиция проистекает из моральных, этических или религиозных убеждений о том, что правильно и неправильно, и эти убеждения основаны на силе традиционных религиозных убеждений. Ввиду широкого охвата слова «религиозный» характеристика самим лицом своих убеждений как «нерелигиозные» не является надежным руководством для тех, кто принимает решение об освобождении [8].

Стоит отметить, что Верховный Суд США в дальнейшем не допустил еще большего расширения спектра убеждений, подпадающих под основание для освобождения от службы. Так, в деле «*Висконсин против Йодера*» он четко обозначил, что философские взгляды и личные убеждения, даже будучи искренними, не подпадают под защиту Первой поправки к Конституции США [9].

Необходимо также обратить внимание на существенные дискуссии по поводу оснований отказа от военной службы, поскольку сама служба воспринималась как важнейшее патриотическое обязательство граждан. Лица, отказывавшиеся от военной службы, подвергались довольно жесткой критике и осуждению. С течением времени, однако, появилось понимание необходимости уважения религиозных взглядов и убеждений, которые не так патриотичны, но занимают в жизни некоторых людей более значимое место [2, с. 77].

Особенно обострилась проблематика пацифизма в США в период войны во Вьетнаме. Молодые люди зачастую выражали намерение скорее отправиться в тюрьму, чем во Вьетнам. В таких условиях альтернативная служба в национальных интересах предоставила практическое и достойное решение проблемы [10, с. 127].

Важной особенностью дел данной категории является неустойчивая конституционная база. По мнению некоторых исследователей, хотя не суще-

ствуется обязательного прецедента по конкретному вопросу о том, гарантируется ли освобождение лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, обязательным условием о свободном исповедании, суд, вероятно, будет считать, что такие исключения не являются конституционно обязательными [11, с. 192–193].

Тем не менее на примере рассмотренных дел очевиден переход данного вопроса из плоскости специального законодательства, регламентирующего прохождение службы, в сферу решения ключевого вопроса о гарантиях конституционного права граждан на свободное исповедание религии.

Библиографический список

1. **DiSalvo, C. R.** Saying «No» to War in the Technological Age – Conscientious Objection and the World Peace Tax Fund Act / Charles R. DiSalvo // *DePaul Law Review*. – 1982. – V. 31, № 3. – P. 497–533.
2. **Fox, R. P.** Conscientious Objection to War: The Background and a Current Appraisal / Richard P. Fox // *Cleveland State Law Review*. – 1982. – V. 31. – P. 77–106.
3. *United States v. Schwimmer*, 279 U.S. 644 (1929). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/279/644/> (дата обращения: 12.09.2019).
4. *United States v. Macintosh*, 283 U.S. 605 (1931). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/283/605/> (дата обращения: 01.09.2019).
5. *Witmer v. United States*, 348 U.S. 375 (1955). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/348/375/> (дата обращения: 17.09.2019).
6. *Torcaso v. Watkins*, 367 U.S. 488, 495 (1961). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/> (дата обращения: 10.09.2019).
7. *United States v. Seeger* 380 U.S. 163 (1965). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/380/163/-O> (дата обращения: 20.08.2019).
8. *Welsh v. United States*. United States Supreme Court 398 U.S. 333 (1970). – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/398/333/> (дата обращения: 23.08.2019).
9. **Маркова, Е. Н.** Проблема правового определения религии / Е. Н. Маркова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 36–47.
10. **Sweeney, H. P.** Selective Conscientious Objection: The Practical Moral Alternative to Killing / H. P. Sweeney // *Loyola of Los Angeles Law Review*. – 1968. – V. 1. – P. 113–127.
11. **Spencer, E.** Constitutional Right or Legislative Grace? The Status of Conscientious Objection Exemptions / E. Spencer, Jr. Davis // *Florida State University Law Review*. – 1991. – V. 19, № 1. – P. 191–208.

References

1. DiSalvo C. R. *DePaul Law Review*. 1982, vol. 31, no. 3, pp. 497–533.
2. Fox R. P. *Cleveland State Law Review*. 1982, vol. 31, pp. 77–106.
3. *United States v. Schwimmer*, 279 U.S. 644 (1929). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/279/644/> (accessed Sept. 12, 2019).
4. *United States v. Macintosh*, 283 U.S. 605 (1931). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/283/605/> (accessed Sept. 1, 2019).
5. *Witmer v. United States*, 348 U.S. 375 (1955). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/348/375/> (accessed Sept. 17, 2019).
6. *Torcaso v. Watkins*, 367 U.S. 488, 495 (1961). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/> (accessed Sept. 10, 2019).
7. *United States v. Seeger* 380 U.S. 163 (1965). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/380/163/-O> (accessed Aug. 20, 2019).

8. *Welsh v. United States*. *United States Supreme Court* 398 U.S. 333 (1970). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/398/333/> (accessed Aug. 23, 2019).
9. Markova E. N. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2018, no. 11, pp. 36–47. [In Russian]
10. Sweeney H. P. *Loyola of Los Angeles Law Review*. 1968, vol. 1, pp. 113–127.
11. Spencer E., Davis Jr. *Florida State University Law Review*. 1991, vol. 19, no. 1, pp. 191–208.

Емелин Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра юриспруденции, филиал
Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: mikhmelin@yandex.ru

Emelin Mikhail Yur'evich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of law,
branch of Moscow University
named after S. Yu. Witte in Penza
(25B, Vyazemskogo street, Penza, Russia)

Николаев Борис Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Nikolaev Boris Viktorovich

Candidate of history sciences, associate
professor, sub-department of criminal
law, Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Емелин, М. Ю. Отказ от военной службы на основании религиозных убеждений в практике Верховного Суда США / М. Ю. Емелин, Б. В. Николаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 63–69. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-7.

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕРОДИВШЕГОСЯ РЕБЕНКА: НОВЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Аннотация.

Актуальность и цели. Защита прав нерожденного ребенка декларируется в международных правовых актах, однако не находит отражения в российском законодательстве. Целью статьи является формулирование предложений по совершенствованию нормативно-правовых актов в данной сфере.

Результаты. Рассмотрены различные подходы к определению момента начала защиты прав неродившегося ребенка, сформулированные российскими исследователями и зарубежным законодателем. Отмечены различия между терминами «нерожденный ребенок» и «эмбрион» (зародыш человека на стадии развития до восьми недель). Проведен анализ практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), затрагивающей вопросы статуса эмбриона. Сформулировано и обосновано авторское суждение о том, что зачатый, но еще не родившийся ребенок может выступать в правоотношениях в трех различных качествах, каждое из которых требует самостоятельного закрепления его статуса с учетом базовых принципов активно формирующейся науки биотехники, позиций ЕСПЧ, действующего российского законодательства и существующих в стране правовых традиций. Приведенные в исследовании теоретические положения обладают качеством научной новизны и могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по смежной тематике юриспруденции, а также в процессе законотворческой деятельности.

Выводы. Первой стадией развития неродившегося ребенка является эмбрион (срок беременности до восьми недель). Предлагается рассматривать его исключительно как возможный объект права. На второй стадии (плод – срок беременности от девяти до 12 недель) неродившийся ребенок также не обладает самостоятельным статусом и оценивается как неотъемлемая часть организма матери. Третья стадия (наситирус – срок беременности свыше 12 недель) подразумевает рассмотрение неродившегося ребенка в качестве носителя законного интереса, который может со временем трансформироваться в право на жизнь, что определяет его особый статус в праве (в том числе в качестве возможного потерпевшего в рамках уголовного процесса).

Ключевые слова: неродившийся ребенок, права человека, начало жизни человека, насцитирус.

Е. А. Kapitonova

LEGAL STATUS OF THE UNBORN CHILD: A NEW APPROACH TO DEFINITION

Abstract.

Background. Protection of the rights of the unborn child is declared in international legal acts, but is not reflected in Russian legislation. The purpose of the article is to formulate proposals to improve the legal acts in this area.

Results. Various approaches to the definition of the beginning of the protection of the rights of the unborn child, formulated by Russian researchers and foreign legislators, are considered. There are differences between the terms “unborn child” and “embryo” (human fetus up to eight weeks). Analysis of the practice of the European Court of human rights, affecting the status of the embryo, is conducted. The author's judgment that the conceived, but not yet born child can act in legal relations in three different qualities, each of which requires an independent consolidation of its status, taking into account the basic principles of the actively emerging science of bioethics, the positions of the ECHR, the current Russian legislation and the legal traditions existing in the country, is formulated and justified. The theoretical provisions presented in the study have the quality of scientific novelty and can be used in further research on related topics of jurisprudence, as well as in the process of legislative activity.

Conclusions. The first phase of the unborn child is the embryo (gestation period up to 8 weeks). It is proposed to consider it exclusively as a possible object of law. At the second phase (fetus – term pregnancy from 9 until 12 weeks) unborn child also not possesses separate status and is lauded as an integral part of mother's organism. The third phase (nasciturus – gestation period over 12 weeks) involves the consideration of the unborn child as a carrier of legitimate interest, which may eventually be transformed into the right to life and determines its special status in the law (including as a possible victim in criminal proceedings).

Keywords: unborn child, human rights, the beginning of human life, nasciturus.

В преамбуле Декларации о правах ребенка 1959 г. [1] закрепляется право ребенка на специальную охрану и заботу, «включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Та же формулировка повторяется в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. [2]. Необходимость защиты интересов данного субъекта еще до его рождения предусмотрена в ряде зарубежных основных законов (например, в конституциях Перу (ч. 1 ст. 2), Замбии (ч. 2 ст. 12), Словакии (ч. 1 ст. 15), Чехии (ч. 1 ст. 6), Ирландии (ч. 3 ст. 40) и др.). В Германии положение такого содержания отсутствует в тексте Конституции, но имплементировано в национальное законодательство посредством разъяснений высших судебных органов (Федеральный конституционный суд ФРГ в Постановлении от 28 мая 1993 г. установил, что человеческая жизнь подлежит потенциальной защите еще до появления ребенка на свет [3]).

В результате многие современные российские и зарубежные правоведы [4, 5] говорят о необходимости защиты прав неродившегося ребенка, однако по-разному определяют ее временные границы. Так, Н. И. Беседкина рассматривает человеческий эмбрион как носителя особого онтологического статуса («потенциальный человек»), гарантирующего наделение его правами, схожими с правами родившегося ребенка (право на защиту, на имя и даже на получение содержания от родителей или лиц, их заменяющих) [6]. При этом начало человеческой жизни данный исследователь предлагает по аналогии с ее концом связать с деятельностью головного мозга, а именно с началом функционирования ствола мозга, что соответствует шестой неделе развития эмбриона [7]. Е. Г. Соловьев указывает в качестве возможного критерия начала жизни человека жизнеспособность плода, т.е. способность к самостоятельной внеутробной жизни, пусть и с помощью определенного медицинского вмешательства, но без какой-либо определяющей его существование связи

с материнским организмом [8]. Однако наиболее взвешенной в контексте действующего законодательства представляется позиция Н. Н. Федосеевой и Е. А. Фроловой, считающих, что момент возникновения правосубъектности неродившегося ребенка следует привязать к окончанию срока внутриутробного развития, после которого в России запрещено производство аборта по желанию матери (12 недель) [9]. Подобный подход характерен для ряда европейских стран: в частности, во Франции законы начинают защищать жизнь ребенка через 10 недель после зачатия, в Дании – спустя 12 недель, а в Швеции – через 20 [10, с. 9–10].

В то же время за неродившимся ребенком даже в этом качестве не следует признавать наличие права на жизнь, которое он в любом случае не в состоянии реализовать самостоятельно. Уместнее будет говорить о законном интересе – потенциальной возможности возникновения со временем (после рождения) права на жизнь, которая подлежит самостоятельной охране в случае воспрепятствования ее реализации, связанного с нарушением закона (причинение вреда зародышу по вине врача, аборт на более поздних, чем разрешено законом, сроках и т.д.). Схожее суждение высказывает Г. Б. Романовский, неоднократно в своих работах подчеркивавший, что не следует смешивать признание человеческой природы за эмбрионом и уважение его права на жизнь с понятием правоспособности, каковой эмбрион не обладает [11, с. 77–78], а также ряд иных авторов [12].

От неродившегося ребенка как потенциального субъекта права на жизнь, по нашему мнению, следует отличать термин «эмбрион». В настоящее время в силу действия на территории страны Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» [13] под эмбрионом необходимо понимать зародыш человека на стадии развития до восьми недель (ст. 2).

Четкое установление правового статуса эмбриона необходимо с целью определения возможности реализации права распоряжения эмбрионом, произведенным искусственным путем, а также выявления субъекта, который обладает таким правом. Подобные вопросы могут возникать в самых различных ситуациях: эмбриональные клетки в настоящее время используются в зарубежных странах в косметологии и фармацевтической промышленности. Кроме того, дальнейшую судьбу эмбрионов приходится решать при разводе или смерти одного из супругов после того, как семейная пара решила прибегнуть к ЭКО или услугам суррогатной матери.

В российском праве статус эмбриона (как и неродившегося ребенка) в целом следует считать неурегулированным, поскольку нормативные акты, его упоминающие, содержат только запреты, но не определяют общих правил его существования в качестве объекта или субъекта права. В законе, в частности, установлены:

- запрет на использование эмбрионов человека в производстве клеточных лекарственных препаратов и на создание эмбриона в этих целях (п. 4, 5 ст. 3 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах» [14]);
- запрет на перемещение клонированных эмбрионов через границу страны (ст. 3 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека»).

В условиях скудности правовых норм соответствующего содержания юристам и ученым приходится обращаться за ответами на свои вопросы к

нормативным актам, принятым наднациональными институтами по вопросам биоэтики, и к правоприменительной практике. Большую роль в этом вопросе играют решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), позиция которого по ряду проблемных моментов отчасти проясняет статус эмбриона с точки зрения общепризнанных принципов и норм международного права. В частности, ЕСПЧ были сформулированы следующие базовые постулаты:

– точка отсчета права на жизнь относится к пределу усмотрения государств, при этом между европейскими странами не существует консенсуса по вопросу научного и правового определения начала жизни [15];

– права, приписываемые плоду, и права матери неразрывно взаимосвязаны, в связи с чем пределы усмотрения, предоставленные государству в отношении защиты нерожденного, с неизбежностью преобразуются в пределы усмотрения относительно уравнивания конфликтующих прав матери [16];

– определение судьбы эмбриона, полученного искусственным путем, производится только с согласия обоих доноров клеток, что во всех случаях соответствует цели достижения справедливого баланса конкурирующих интересов, при этом возможность и порядок отзыва такого согласия до момента имплантации могут быть урегулированы национальным законодателем по его усмотрению [17];

– действие права распоряжения эмбрионами, полученными искусственным путем, в отношении его владельца может быть ограничено в соответствии с законом при условии наличия правомерной цели такого ограничения и соблюдения установленной процедуры (например, допустима конфискация хранившихся в клинике эмбрионов в рамках расследования уголовного дела в отношении данной клиники) [18];

– установленный государством запрет на использование эмбрионов в научных исследованиях распространяется на эмбрионы, полученные в результате экстракорпорального оплодотворения и не предназначенные для имплантации, даже в случае наличия согласия доноров на передачу эмбрионов конкретным организациям в научных целях; подобное толкование запрета не является вмешательством в осуществление права на уважение личной жизни донора [19];

– запрет проводить генетический анализ эмбриона прежде, чем он будет использован для инициации беременности, является несоразмерным вмешательством в частную и семейную жизнь в случае, когда национальное законодательство позволяет прерывать беременность по медицинским показаниям, если выяснится, что плод заражен генетическим заболеванием [20].

С целью формирования четкого правового подхода к вышеозначенной теме в рамках российского законодательства предлагаем внести в него ряд изменений. Действующий в этой сфере приказ Минздрава России «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [21] может быть скорректирован и применяться в дальнейшем как нормативный акт, регулирующий вопросы медицины (каковым в настоящее время он по большей части и является).

При этом необходимо исходить из того, что зачатый, но еще не родившийся ребенок может выступать в правоотношениях в трех качествах: как возможный объект права (эмбрион – срок беременности до восьми недель),

как неотъемлемая часть организма матери (плод – срок беременности от девяти до 12 недель) и как носитель законного интереса, который может со временем трансформироваться в право на жизнь (наситурус – срок беременности свыше 12 недель). Каждая из перечисленных стадий внутриутробного развития ребенка требует самостоятельного закрепления ее статуса с учетом базовых принципов активно формирующейся науки биоэтики, а также приведенных выше позиций ЕСПЧ, действующего российского законодательства и существующих в стране правовых традиций.

1) **Эмбрион** (выбор понятия, использованного для обозначения данной стадии развития человеческого зародыша, в полной мере соответствует употребляемой терминологии онтогенеза человека, а также имеющейся в Федеральном законе «О временном запрете на клонирование человека» легальной дефиниции данного понятия):

– в отношении эмбриона, полученного искусственным путем и предназначенного для использования в репродуктивных целях, до момента его переноса в матку следует реализовывать подход, характерный для объекта права – предусмотреть порядок определения права собственности на него с учетом интересов всех сторон, а также границы распоряжения этим правом собственности (включая возможность передачи другим лицам для репродуктивных целей);

– процедура экстракорпорального оплодотворения должна производиться только при условии получения письменного информированного согласия обоих доноров (матери и отца) на имплантацию эмбриона конкретной женщине; при этом срок действия такого согласия надлежит ограничить (не более семи дней), а каждой из сторон предоставить право отозвать ранее данное согласие в любое время до дня проведения ЭКО (это гарантирует учет мнения обоих потенциальных родителей и исключит возможные споры в случае дальнейшего развода и отказа отца от желания иметь детей с этой женщиной);

– лицо, предоставляющее биоматериал для репродуктивных целей без намерения становиться родителем (донор половых клеток либо тканей репродуктивных органов), до момента проведения процедуры его забора должно предоставить оформленный в письменной форме отказ от всех прав на определение дальнейшей судьбы биоматериала, включающий сведения об информированности о последствиях принятия такого решения (в том числе невозможности его изменить);

– в случае смерти одного из доноров (лиц, имеющих право распоряжаться эмбрионом) право собственности на эмбрион не следует включать в наследственную массу (оно должно в полном объеме переходить ко второму донору, который в этом случае получает право единолично распоряжаться дальнейшей судьбой эмбриона с момента подтверждения смерти другого донора);

– медицинская организация, осуществляющая культивацию эмбрионов и (или) их криоконсервацию с последующим хранением либо без такового, должна заключать с собственниками эмбриона договор хранения с указанием срока хранения и принятием на себя риска гибели или порчи эмбрионов (возможно также установление обязанности медорганизации страховать подобные риски за свой счет);

– случаи уничтожения (гибели) полученного искусственным путем эмбриона, находящегося вне организма матери, следует оценивать как причинение имущественного и морального вреда его собственникам;

– отсутствие согласия собственников эмбриона по вопросу определения его дальнейшей судьбы к моменту окончания установленного срока его хранения в медицинской организации должно расцениваться как основание для реализации процедуры уничтожения эмбриона;

– у эмбриона, развивающегося в организме матери, отсутствует собственный правовой статус, в связи с чем причинение ему умышленного либо неосторожного вреда в процессе медицинских манипуляций либо иных действий (бездействия) следует рассматривать в рамках уголовного права как вред здоровью матери.

2) **Плод** (выбор понятия, использованного для обозначения данной стадии развития человеческого зародыша, осуществлен с учетом устоявшейся биологической терминологии онтогенеза человека, а предложенные правовые рамки его существования (от девяти до 12 недель) обусловлены установленным в российском законодательстве предельным сроком искусственного прерывания беременности по желанию женщины):

– за плодом не признается самостоятельное право на жизнь, в результате чего с правовой точки зрения его надлежит оценивать в контексте принадлежности организму матери;

– гибель плода в результате медицинских манипуляций либо иных умышленных или неосторожных действий (бездействия) не составляет признака особого вида преступного деяния и квалифицируется как тяжкий вред здоровью матери (с учетом п. 6.7 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н [22]).

3) **Насцитурус** (выбор понятия, использованного для обозначения данной стадии развития – внутриутробного развития, обусловлен, с одной стороны, значением этого латинского слова (в римском праве действовал принцип *Nasciturus pro iam nato habetur, quotiens de commodis eius agitur* – «Зачатый ребенок принимается за уже родившегося, если речь идет о его выгоде»), а с другой стороны – свободой данного термина от законодательной интерпретации (устоявшееся в юридической науке понимание насцитуруса как ребенка, зачатого, но не родившегося на момент смерти своего отца, интересы которого защищаются в процессе раздела наследства, может быть расширено посредством придания ему четкого правового значения при его закреплении в законе)):

– насцитуруса следует признавать не субъектом, наделенным правоспособностью, а носителем законного интереса, способного трансформироваться со временем в право на жизнь, в связи с чем причинение ему умышленного либо неосторожного вреда в процессе медицинских манипуляций либо иных действий (бездействия), в том числе со стороны матери, необходимо рассматривать в рамках уголовного права как вред жизни или здоровью, причиненный особому виду потерпевшего;

– правовое регулирование уголовной ответственности за гибель насцитуруса или причиненный ему вред следует реализовать посредством внесения в Уголовный кодекс РФ отдельной статьи;

– тяжесть деяния и соответствующий ей размер санкции надлежит определять с учетом ряда квалифицирующих признаков:

- наступившие последствия (гибель nasciturуса либо причинение ему вреда, повлекшего нарушение развития);

- срок внутриутробного развития nasciturуса (до 26 недель или свыше 26 недель – определение этой отметки детерминировано данными современной медицинской науки, достоверно установившей, что после 26 недель жизнеспособность плода при преждевременных родах в условиях надлежащего врачебного ухода считается высокой (более 90 %) [23], что должно обуславливать больший потенциал наличествующего у такого nasciturуса законного интереса, способного трансформироваться в право на жизнь, и, как следствие, более высокий уровень его защиты);

- форма вины при совершении деяния (умысел или неосторожность в отношении последствий);

- субъект преступления (совершение деяния матерью уменьшает степень его общественной опасности, а совершение его медицинским работником, напротив, должно увеличивать степень общественной опасности деяния);

– в целях приведения норм Уголовного кодекса РФ в соответствие с положениями о новом составе преступления и исключения двойной ответственности вследствие двойного учета обстоятельств следует исключить из УК РФ квалифицирующие признаки, характеризующие совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, и повлекшие прерывание беременности в результате смерти самой матери (п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ);

– деяние, повлекшее гибель nasciturуса либо причинение ему вреда, повлекшего нарушение развития, может рассматриваться как одно из преступлений в совокупности (при наличии в нем признаков другого состава преступления), но не может быть оценено в качестве основания для квалификации его результатов как «тяжких последствий» иного преступления.

Подобное четкое определение границ правовой охраны неродившегося ребенка позволит четче решать связанные с ним юридические проблемы и гарантирует реализацию международно-правовых принципов и норм на любой стадии внутриутробного развития будущего человека.

Библиографический список

1. Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 13.09.2019).
2. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 13.09.2019).
3. **Свитнев, К. Н.** Юридический статус эмбриона в международном праве: правоприменительная практика / К. Н. Свитнев // *Медицинское право*. – 2009. – № 3. – С. 31–37.
4. **Joseph, R.** Human Rights and the Unborn Child / R. Joseph. – Leiden : Brill, Martinus Nijhoff Publishers, 2009. – xviii, 350 p.

5. **Parness, J.** The Abuse and Neglect of the Human Unborn: Protecting Potential Life / J. Parness // *Family Law Quarterly*. – 1986. – V. 20, № 2. – P. 197–212.
6. **Беседкина, Н. И.** Права неродившегося ребенка / Н. И. Беседкина // *Государство и право*. – 2006. – № 4. – С. 54–60.
7. **Беседкина, Н. И.** Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Беседкина Н. И. – Москва, 2005. – 203 с.
8. **Соловьев, Е. Г.** Репродуктивные права как элементы конституционных прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Соловьев Е. Г. – Владикавказ, 2010. – 22 с.
9. **Федосеева, Н. Н.** Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве / Н. Н. Федосеева, Е. А. Фролова // *Медицинское право*. – 2008. – № 1. – С. 36–40.
10. **Приходько, Т. В.** Право называться человеком / Т. В. Приходько // *Вопросы российского и международного права*. – 2012. – № 2. – С. 7–14.
11. **Романовский, Г. Б.** Юридическое определение момента возникновения права на жизнь / Г. Б. Романовский // *Государство и право*. – 2007. – № 11. – С. 71–78.
12. **Рыжова, А. А.** Эмбрион как субъект конституционного права / А. А. Рыжова // *Наука. Общество. Государство*. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 56–61.
13. О временном запрете на клонирование человека : Федер. закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – № 21. – Ст. 1917.
14. О биомедицинских клеточных продуктах : Федер. закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 3.08.2018) // *Собрание законодательства РФ*. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3849.
15. Дело «Во (Vo) против Франции» (жалоба № 53924/00) : Постановление Европейского суда по правам человека от 08.07.2004 // *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. – 2004. – № 12.
16. Дело «А, В и С (A, B and C) против Ирландии» (жалоба № 25579/05) : Постановление Европейского суда по правам человека от 16.12.2010 // *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. – 2011. – № 6.
17. Дело «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) : Постановление Европейского суда по правам человека от 10.04.2007 // *Права человека. Практика Европейского суда по правам человека*. – 2007. – № 10. – С. 65–82.
18. Дело «Кнехт (Knecht) против Румынии» (жалоба № 10048/10) : Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012 // *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. – 2016. – № 9.
19. Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) : Постановление Европейского суда по правам человека от 27.08.2015 // *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. – 2015. – № 12.
20. Дело «Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии» (жалоба № 54270/10) : Постановление Европейского суда по правам человека от 28.08.2012 // *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. – 2013. – № 2.
21. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) // *Российская газета*. – 2013. – № 78/1.
22. Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) // *Российская газета*. – 2008. – № 188.
23. **Tyson, J. E.** Intensive Care for Extreme Prematurity – Moving beyond Gestational Age / J. E. Tyson, N. A. Parikh, J. Langer, C. Green, R. D. Higgins // *The New England Journal of Medicine*. – URL: <https://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMoa073059> (дата обращения: 13.09.2019).

References

1. *Deklaratsiya prav rebenka (prinyata rezolyutsiey 1386 (KhIV) General'noy assamblei OON ot 20 noyabrya 1959 g.)* [Declaration of the children's right (adopted by resolution 1386 (XIV) of the UN General Assembly of November 20, 1959]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (accessed Sept. 13, 2019). [In Russian]
2. *Konventsiya o pravakh rebenka (prinyata rezolyutsiey 44/25 General'noy assamblei OON ot 20 noyabrya 1989 g.)* [Convention on the children's rights (adopted by resolution 44/25 of the UN General Assembly of November 20, 1989]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed Sept. 13, 2019). [In Russian]
3. Svitnev K. N. *Meditsinskoe pravo* [Medical law]. 2009, no. 3, pp. 31–37. [In Russian]
4. Joseph R. *Human Rights and the Unborn Child*. Leiden: Brill, Martinus Nijhoff Publishers, 2009, xviii, 350 p.
5. Parness J. *Family Law Quarterly*. 1986, vol. 20, no. 2, pp. 197–212.
6. Besedkina N. I. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2006, no. 4, pp. 54–60. [In Russian]
7. Besedkina N. I. *Konstitutsionno-pravovaya zashchita prav nerodivshegosya rebenka v Rossiyskoy Federatsii: dis. kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal protection of an unborn child's rights in the Russian Federation: - dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2005, 203 p. [In Russian]
8. Solov'ev E. G. *Reproduktivnye prava kak elementy konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Reproductive rights as elements of constitutional rights and freedoms of man and citizen: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Vladikavkaz, 2010, 22 p. [In Russian]
9. Fedoseeva N. N., Frolova E. A. *Meditsinskoe pravo* [Medical law]. 2008, no. 1, pp. 36–40. [In Russian]
10. Prikhod'ko T. V. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International law]. 2012, no. 2, pp. 7–14. [In Russian]
11. Romanovskiy G. B. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2007, no. 11, pp. 71–78. [In Russian]
12. Ryzhova A. A. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 56–61. [In Russian]
13. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, no. 21, art. 1917. [In Russian]
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2016, no. 26 (part 1), art. 3849. [In Russian]
15. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights]. 2004, no. 12 [In Russian]
16. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights]. 2011, no. 6 [In Russian]
17. *Prava cheloveka. Praktika Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Human rights. Practice of the European Court of Human Rights]. 2007, no. 10, pp. 65–82. [In Russian]
18. *Pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Precedents of the European Court of Human Rights]. 2016, no. 9 [In Russian]
19. *Pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Precedents of the European Court of Human Rights]. 2015, no. 12 [In Russian]
20. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights]. 2013, no. 2 [In Russian]
21. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2013, no. 78/1. [In Russian]
22. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2008, no. 188. [In Russian]

23. Tyson J. E., Parikh N. A., Langer J., Green C., Higgins R. D. *The New England Journal of Medicine*. Available at: <https://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMoa073059> (accessed Sept. 13, 2019).

Капитонова Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of criminal
law, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Капитонова, Е. А. Правовой статус неродившегося ребенка: новый подход к определению / Е. А. Капитонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 70–79. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-8.

УДК 316.75
DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-9

Т. А. Рассадина, Е. И. Репина

ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕЛОВЫХ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Социальная модернизация задала рационализацию сознания и поведения в качестве ключевого продукта современности. Ее производные пропитывают все аспекты жизнедеятельности, затрагивают все социальные группы, в том числе и молодежь. В социальном взрослении молодого человека любой эпохи есть предпосылки формирования социальной рациональности. Современность требует новых способов социальной адаптации молодых людей, способствует трансформации ценностных ориентиров, рационализации сознания и поведения для целедостижения, новых отношений. Цель статьи – анализ особенностей деловых и межличностных отношений российской молодежи в условиях усиления рационализации ее сознания и поведения.

Материалы и методы. В качестве эмпирической базы представлены результаты исследований, выполненные методом глубинного индивидуального интервью с работающей молодежью (ноябрь 2017 г. – январь 2018 г.; возраст – 18–30 лет; объект исследования – выпускники технических и гуманитарных вузов г. Ульяновска; $N = 20$).

Результаты. В регуляции профессиональной деятельности молодежи важную роль играют деловые отношения. Однако большое значение придается неформальным связям внутри коллектива, как «по горизонтали», так и «по вертикали». Рационализация делового общения проявляется в целенаправленном установлении и поддержании неформальных взаимоотношений в трудовом коллективе. Конструктивными следствиями этих процессов являются: положительное влияние на интеграцию молодых специалистов в трудовой коллектив, их социальную адаптацию; создание психологического комфорта; улучшение микроклимата в коллективе; гармоничная профессиональная социализация; продвижение по карьерной лестнице. Вместе с тем рационализация сознания и поведения не только гармонизирует деловое общение, но может и нарушать его, ухудшать трудовую дисциплину, тормозить производственные процессы, способствовать подчинению коллективных ценностей (взаимопомощь, взаимовыручка, сотрудничество, партнерство) индивидуальному интересу, сокращению индивидуальных трудовых усилий за счет большей опоры на коллектив. На помощь коллектива более ориентированы молодые люди, не занимающие руководящие должности; молодые руководители более критичны

© Рассадина Т. А., Репина Е. И., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

в оценках соотношения формальных и неформальных отношений в коллективе, более самодетерминированны. Происходит трансформация традиционной ценности коллективизма. Сфера межличностных отношений основана на взаимной привязанности и общности интересов, искреннем и доверительном общении, имеет выраженную установку на ценностно-рациональное отношение к дружбе. Однако наблюдается и целерациональное поведение молодых людей в дружеских взаимодействиях, стремление максимизировать «эффект» от дружбы материальной или нематериальной выгодой. Дружеское общение становится более прагматичным и технологичным.

Выводы. Современная молодежь демонстрирует высокую рациональность сознания, поведения, отношений. Исследование подтверждает наличие «неравномерной рационализации», при которой разные сферы жизни молодежи имеют разное наполнение рациональностью. Деловые и межличностные отношения являются сферами, в которых рациональность молодых людей проявляется в большей степени. Сегодня рациональность молодого поколения – это результат современной российской модели социализации, которая задает приоритет личного над общественным; индивидуализм, пришедший на смену коллективизму; расширение свободы личности вместо контроля над ней. Рационализация отношений оказывает положительное влияние на интеграцию молодых специалистов в трудовой коллектив, целедостижение, их профессиональную карьеру. Вместе с тем активизирует целерациональные действия, способствует противоречиям между личными и деловыми отношениями, конструированию прагматичной системы ценностей, поведенческих стратегий, индивидуализации. В межличностных отношениях преобладают установки на искреннее и доверительное общение, однако и здесь наблюдается интенсивное проникновение рациональности, особенно в поведенческий компонент отношений. Наблюдаются механизмы гибкой (подвижной) рациональности, которая гибко контекстуально отбирает цели и особенно средства их достижения, различные типы поведения, обусловленные разными системами ценностей, использует деловые и межличностные отношения молодых людей для успешного целедостижения.

Ключевые слова: социальная рациональность, рационализация, рационализация деловых и межличностных отношений молодежи, гибко контекстуальная (подвижная) рациональность.

T. A. Rassadina, E. I. Repina

FEATURES OF RATIONALIZATION OF BUSINESS AND INTERPERSONAL RELATIONS OF MODERN YOUTH

Abstract.

Background. Social modernization has set rationalization of consciousness and behavior as a key product of our time. Its derivatives permeate all aspects of life, affect all social groups, including youth. In the social maturation of a young man of any era there are prerequisites for the formation of social rationality. Modernity requires new ways of social adaptation of young people, contributes to the transformation of value orientations, rationalization of consciousness and behavior for the goal of achieving new relationships. The goal of the article is to analyze the characteristics of business and interpersonal relations of Russian youth in conditions of strengthening the rationalization of their consciousness and conduct.

Materials and methods. As an empirical base, the results of studies performed by the method of in-depth individual interviews with working youth (November 2017 -

January 2018; age 18-30 years, the object of study - graduates of technical and humanitarian universities of Ulyanovsk; N = 20).

Results. In the regulation of professional activities of youth, business relations play an important role. However, great importance is attached to informal relationships within the team, both “horizontally” and “vertically”. The rationalization of business communication is manifested in the purposeful establishment and maintenance of informal relationships in the labor collective. The constructive consequences of these processes are: a positive impact on the integration of young specialists in the workforce, their social adaptation, the creation of psychological comfort, the improvement of the micro-climate in the team, the harmonious professional socialization, and career advancement. At the same time, the rationalization of consciousness and behavior not only harmonizes business communication, but can disrupt it, worsen labor discipline, slow down production processes, promote the subordination of collective values (mutual assistance, mutual assistance, cooperation, partnership) to individual interests, reduce individual labor efforts due to greater support to the team. Young people who do not occupy leadership positions are more oriented to help the collective; young leaders are more critical in assessing the correlation of formal and informal relations in the team, more self-determined. There is a transformation of the traditional value of collectivism. The sphere of interpersonal relations is based on mutual affection and community of interests, sincere and trustful communication, has a pronounced attitude towards a value-rational attitude to friendship. However, there is observed the purposeful behavior of young people in friendly interactions, the desire to maximize the "effect" from friendship with material or non-material benefits. Friendly communication is becoming more pragmatic and technological.

Conclusions. Modern youth demonstrates the high rationality of consciousness, behavior, relationships. The study confirms the presence of “uneven rationalization”, in which different spheres of youth’s life have different rational content. Business and interpersonal relationships are areas in which the rationality of young people is manifested to a greater extent. Today, the rationality of the young generation is the result of the modern Russian model of socialization, which sets the priority of the personal over the public; individualism, which replaced collectivism; expansion of individual freedom instead of control over it. The rationalization of relations has a positive impact on the integration of young professionals in the workforce, the achievement of integrity, their professional career. At the same time, it activates purposeful actions, promotes contradictions between personal and business relations, constructs a pragmatic system of values, behavioral strategies, and individualization. In interpersonal relationships, preferences for sincere and confidential communication prevail, however, there is an intensive penetration of rationality, especially in the behavioral component of relationships. There are mechanisms of flexible (mobile) rationality, which flexibly contextually selects goals and especially means of achieving them, different types of behavior, due to different value systems, uses business and interpersonal relationships of young people to achieve success.

Keywords: social rationality, rationalization, rationalization of business and interpersonal relations of youth, flexibly contextual (mobile) rationality.

Социальная модернизация, сопровождающаяся революцией в образовании, научно-техническими достижениями, усилением роли проектного мышления, социальных определений и переопределений, бюрократизацией, ростом значимости формального, обезличенного, прагматического, задала рационализацию сознания и поведения в качестве ключевых продуктов современности, а также ее производные универсальные способы «вписывания»

человека в окружающий мир, пропитывающие все аспекты жизнедеятельности. Эти процессы затрагивают все социальные группы, не является исключением и молодежь. Рациональность становится ведущей чертой «жизнеспособной личности (поколения)» (И. М. Ильинский), способной выжить, не деградируя, в жестких социальных условиях.

Истоки исследования рациональности обнаруживаются еще в философских трактатах Аристотеля, Платона, Сократа. Интерес к идеям рационализма значительно возрос в рамках новоевропейской культуры, представлен в ряде философских концепций кантианской (И. Кант), позитивистской (О. Конт), постпозитивистской (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, К. Поппер) направленностей. Современные философские дискуссии по проблеме рационального ведутся по разным направлениям: в русле деятельностного подхода (В. С. Степин), выделения классической, неклассической и постнеклассической науки (В. В. Ильин, П. П. Гайденко, А. Л. Никифоров, И. Т. Касавин, В. Н. Порус, Н. С. Автономова, В. С. Швырев), в контексте научной рациональности (В. С. Степин, В. С. Швырев, Ю. А. Никитина, А. В. Корниенко), с точки зрения критериев демаркации науки и ненауки (В. Н. Порус, И. Т. Касавин, З. А. Сокулер), в русле модернизации (В. Г. Федотова, А. Л. Никифоров, Н. С. Автономова, П. П. Гайденко, В. В. Ильин, В. А. Бажанов и др.).

В процессе анализа рациональности как социального феномена делается акцент на целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения [1]; на эффективности, выражающей связь выбора средств деятельности и средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение (теории рационального выбора) [2]; на упорядоченном, опосредованном, обобщающем, близком научному теоретическому сознанию [3, с. 26]; на особую установку деятельности, для которой характерны логичность, целесообразность, упорядоченность и системность [4, с. 11]; на наличие взаимосвязи рациональности с иррациональными и нерациональными компонентами [5, 6]; на совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированную когнитивными практиками социальных субъектов [7]; на формальность [1, 8]. Рациональностью обозначают некоторые общезначимые характеристики человеческого разума, интеллекта, являющиеся продуктом знания, определенной формой познающего мышления, обусловленного культурными, историческими и другими факторами. Социальная рациональность не сводится только к рефлексивным процессам в сознании и поведении человека. Есть понимание, что логичность, упорядоченность мыслей, осознанность действий в конечном счете базируются на ценностно-нормативной социальности. Рациональность как ценность наполняет культуру определенным содержанием. Она пропитывает личность, оказывает влияние на ее взаимодействие с окружающими, выступает в качестве одного из важнейших сознательных регуляторов социального поведения.

Под рационализацией обычно понимают деятельность разума, которая направляется частными потребностями и интересами, ставит индивидуальный интерес выше общих законов [9]. Рационализация рассматривается как процесс усовершенствования, улучшения, введения более целесообразной организации [10]; организации деятельности наиболее целесообразным и рациональным способами [11]. Рационализация в совокупности с индивидуализацией является системообразующей чертой современности. Характеристика

рационализации сознания и поведения включает анализ: социокультурных трансформаций, изменений человека, его мышления, ценностей, способов жизнедеятельности, а именно роста практической рациональности в повседневности, рутинизации социальных практик (феноменология); снижения спонтанности, непосредственного человеческого общения, социальной солидарности, роста властных полномочий в человеческих отношениях, бюрократии, формальности (франкфуртская школа); господства универсальной рациональности вследствие тотальной технологизации, информатизации, виртуализации жизненного пространства и времени, роста ценностей индивидуализма [12–14]; развития новых нормативных регуляторов социальных практик (идеи макдональдизации и играизации) [15, 16]; развития новых форм рефлексивности в условиях общества риска [17–19]; рационализации способов социальной адаптации молодежи в условиях технологизации, информатизации [20], риска и неопределенности [21].

В социальном взрослении молодого человека любой эпохи есть предпосылки формирования социальной рациональности. Потребность обрести независимость от родителей, старшего поколения стимулирует молодых людей руководствоваться собственными ценностными ориентирами, критически оценивать мир, искать свои возможности самореализации, достижения желаемого социального статуса. Современность требует новых способов социальной адаптации молодых людей, способствует трансформации ценностных ориентиров, рационализации сознания и поведения для целедостижения, новых отношений.

Исследование особенностей деловых и межличностных отношений российской молодежи в условиях усиления рационализации ее сознания и поведения является целью данной статьи.

В качестве эмпирической базы представлены результаты исследований, выполненные методом глубинного индивидуального интервью с работающей молодежью (ноябрь 2017 г. – январь 2018 г.; возраст – 18–30 лет; объект исследования – выпускники технических и гуманитарных вузов г. Ульяновска; $N = 20$).

Исследование подтверждает идею Ю. Хабермаса о наличии «неравномерной рационализации» [8, с. 58]. Разные сферы жизни молодежи имеют разное наполнение рациональностью. Среди сфер, в которых рациональность молодых людей проявляется в большей степени, названы деловые и межличностные отношения (в количественном исследовании отметили 60–67 % опрошенных).

В регуляции профессиональной деятельности молодежи важную роль играют социальные взаимодействия, деловое общение. Однако молодые люди придают большое значение неформальным связям внутри коллектива, как «по горизонтали» (между рядовыми сотрудниками), так и «по вертикали» (между подчиненными и руководителем). К конструктивным следствиям рационализации делового общения, протекающей в форме целенаправленного установления и поддержания товарищеских взаимоотношений в трудовом коллективе, можно отнести прежде всего ее положительное влияние на интеграцию молодых специалистов в трудовой коллектив. Адаптация молодого человека к новым для него условиям труда противоречива: «...с одной стороны, прежняя среда (в которой он жил) сформировала определенные стереотипы, ценностные установки и ориентиры; с другой, новая среда предъявляет

иные требования, вступающие в противоречия со сложившимися стереотипами и установками» [22, с. 29].

В ситуации перехода от состояния определенности к ситуации неопределенности, вызванного вступлением в новый коллектив, сменой места работы, запускаются механизмы гибкой рациональности, конструируются прагматичные системы ценностей и поведенческих стратегий, удобные для индивидуального функционирования. Гибкая рациональность выступает средством адаптации молодого человека к новым или обновленным условиям среды, снимает психологический диссонанс, способствует гармоничной профессиональной социализации. Одним из механизмов гибкой рациональности является установление и развитие личных связей, способных принести реальную, осязаемую выгоду для молодых людей. Обратимся к высказываниям респондентов, указывающих на индивидуализацию в процессе адаптации: *«Проработав на новом месте всего две недели, я все еще чувствовала себя чужаком. Но затем я сходила на корпоратив, пообщалась с каждым человеком из компании, нашла общие точки соприкосновения. Теперь на работу ходить проще»* (жен., 26 лет, IT-специалист); *«Дружеские отношения не только не мешают рабочему процессу, но, наоборот, помогают. Лично мне – точно, потому что я интроверт, обычно мне трудно влиться в новый коллектив»* (муж., 24 года, программист).

Включенность в неформальные и корпоративные связи служит лифтом вертикальной профессиональной мобильности. Желание упрочить свое положение, усилить доверие к себе со стороны руководителя, предстать перед ним не только штатной единицей, но и личностью с богатым внутренним миром, побуждает человека к активности. Упование на помощь и поддержку наделенных влиянием людей неоднократно устанавливалось социологами как доминирующее в представлениях молодежи условие достижения успеха [23–25].

Большинство респондентов отрицают наличие у них подобного опыта. Говорить о других с более негативной асимметрией всегда легче, представления и оценки более точны, ценности предельно выпуклы, однако не стоит исключать того факта, что подобные высказывания имплицитно содержат и проецируют собственные установки и особенно поведение: *«Бывают случаи, когда устраивают на работу по знакомству, по дружбе. Как-то это не очень»* (жен., 26 лет, IT-специалист); *«Бывает, что люди намеренно сближаются с начальством, пробиваются в зону их друзей, разделяют их хобби, нерабочее время вместе проводят. Ну и таким образом подтягиваются немножко. Но я не разделяю эту точку зрения»* (муж., 24 года, инженерно-технический работник).

Наблюдается любопытная тенденция трансформации традиционных ценностей. Постоянная рефлексия, преобразование практик в свете поступающей информации стимулируют понимание приоритетности социального целого. Появляется новая субъектность, в которой рост индивидуализации происходит за счет сотрудничества, умения защищать свои права и осознавать корпоративные интересы. Практики солидарности и сотрудничества не только не противостоят свободе и автономности индивида, но и способствуют их утверждению. Рациональность позволяет понять, что важно не только отстаивать свои позиции, но и использовать привилегии коллектива. Прагма-

тизм, связанный с предпочтением коллективного, статусного, является сложным феноменом. Принципы социального обмена, которые имплицитно содержатся в коллективности, не имеют однонаправленной поддержки, самоопределение между целедостижением и нравственным выбором идет непросто. Немало внешнего конформного в мышлении и поведении, одновременно просчитанного, компенсирующего недостаточность компетенций, способностей, опыта, систематического труда, но имеющего цель – достижение нужных для себя результатов.

При реализации такой стратегии цели и средства их достижения, значимость результата деятельности ценностно окрашены, но эти разные оценочные интенции не отменяют главного – работы сознания на себя. Коллективные ценности (взаимопомощь, взаимовыручка, сотрудничество, партнерство) начинают подчиняться индивидуальному интересу. Молодежь стремится реализовать личные «материалистические» цели (повышение по служебной лестнице, увеличение заработка) за счет сокращения индивидуальных трудовых усилий и большей опоры на коллектив, коллективные силы и достижения: *«Есть люди не очень профессиональные, но либо по знакомству, либо случайно знакомятся с руководителем, оказывают на него влияние, их повышают благодаря этому. На самом деле человек мало что делает, но благодаря постоянному общению с руководством (идет на компромисс, делает дополнительные задания, чтобы это выглядело хорошо в глазах руководства) таких людей повышают. А некоторые хорошо делают свою работу, но не выставляют это напоказ, не хвалятся перед руководством, продолжают работать на своих должностях»* (муж., 24 года, программист). Зачастую перенос негативности на «других» сопровождается декларациями молодых людей о своей недооцененности. Они мыслят по принципу: заработок, профессиональная и социальная признанность других несколько выше, чем их собственная, хотя трудовой вклад коллег несколько не выше и даже ниже, чем у самих респондентов: *«Однажды понимаешь, что, делая все за семерых, ничего не добиваешься, а люди делают 10 % от того, что делаешь ты, и их как-то отмечают»* (муж., 21 год, официант).

Очевидно, рационализация не только гармонизирует деловое общение, но может нарушить его, стать фактором ухудшения трудовой дисциплины, торможения производственных процессов. В этой связи, помимо явно положительных следствий рационализации деловых взаимоотношений, таких как улучшение микроклимата в коллективе, ускорение профессиональной адаптации молодых специалистов на новом рабочем месте, необходимо выделить ряд проблемных аспектов рационализации, в которых четко проявляются противоречия между ценностями индивидуализма и коллективизма в молодежной среде.

Как правило, данные противоречия обостряются при пересечении личных и деловых, профессиональных интересов, при столкновении желаний поддерживать дружеские отношения на работе или действовать по принципу «каждый сам за себя». В этот критический момент запускаются механизмы гибкой рациональности, стимулирующей конструктивную работу сознания и поведения личности на себя, на реализацию частных интересов и целей, при условии сохранения равных отношений в коллективе. Приведем высказывания, иллюстрирующие данный тезис с позиций «подчиненного» и «руководителя».

Интервьюируемые, занимающие неруководящие должности, акцентируют внимание на том, что расположенность руководителя к неформальному общению «за пределами офиса» играет большую роль в стабилизации отношений в трудовом коллективе: *«Мы ходим в бассейн всем отделом, включая начальника. Нет каких-то различий, жесткой иерархии. Я могу подойти к нему в любой момент и сказать, что меня не устраивает. Только, естественно, нужно делать это аккуратно, вежливо»* (муж., 24 года, программист); *«Наш директор на очень многое идет ради климата в коллективе, чтобы людям было комфортно. Со всеми работниками он разговаривает на "ты", старается найти подход к каждому. Очень много вкладывает в наше развитие»* (муж., 21 год, IT-специалист). Небезынтересна позиция руководителей по этому вопросу: *«Я четко умею распределять рабочее время и личное. Я не буду тратить рабочее время на личное общение»* (жен., 26 лет, руководитель отдела в сфере культуры); *«Мы говорим на работе только о работе. Если сотрудники начинают в ущерб рабочему процессу что-то обсуждать, я могу сделать замечание, "отчихвостить"»* (жен., 26 лет, руководитель отдела в IT-индустрии); *«Я не люблю эти вещи (прим.: неформальные отношения с подчиненными), потому что некая грань стирается. Работники "салятся на шею", перестают выполнять вовремя задачи. Я стараюсь никого не выделять, не заводить любимчиков»* (муж., 27 лет, руководитель в сфере e-commerce).

Приведенные цитаты очень точно характеризуют феномен гибкой рациональности, проявляющийся в процессе целедостижения как сочетание разных типов поведения, обусловленных разными системами ценностей. Патерналистские установки на получение помощи извне выражены заметнее у молодых людей, занимающих неруководящие должности (специалисты, рабочие, служащие разных сфер деятельности). Молодые руководители, принявшие участие в исследовании, более критичны в оценках проблемы соотношения формальных и неформальных отношений в коллективе. Преобладание у них таких настроений связано с большей ответственностью, высокой трудовой активностью и стремлением к самореализации. Их работа предполагает самодисциплинирование, а также дисциплинирование коллектива, организацию его деятельности.

Сознательный эскапизм, отказ от неформального общения в коллективе, выражается в стремлении молодежи отделить индивидуальную жизнь от коллективной, сохранить свою автономность в коллективе: *«На работе нужно рационально придерживаться позиции: ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя. Ты просто делаешь свою работу: пришел, выполнил свои обязанности и ушел. Тогда лишний раз тебя не будут задевать, не будут «мотать нервы» по определенным вопросам»* (жен., 25 лет, работник в сфере торговли); *«Мы можем общаться на работе, но все равно нужно сохранять дистанцию»* (жен., 32 года, работник авиационной сферы); *«Я не стремлюсь сблизиться со своими коллегами, потому что мне это не нужно. Поддерживаю отношения на уровне вежливости, этого достаточно в рамках рабочего процесса»* (муж., 24 года, инженерно-технический работник).

Особенно заметную роль приверженность индивидуалистическим ценностям играет в условиях конкуренции, индивидуального соперничества, когда уменьшается значимость коллективных связей, происходит отказ от

устойчивых взаимных обязательств и обещаний. Подвижность радио обуславливается потребностью достичь конкретных результатов, «переиграть» соперника. Она реализуется в переходе к новой, непривычной схеме поведения при сохранении в сознании субъекта традиционных представлений о том, какими средствами на самом деле должен достигаться успех: *«Происходит продажа себя, своих навыков, своей нужности. Особенно я увидел это в Москве. Каждый второй – пиарщик. Подготовил документы, служебную записку, задержался допоздна на работе – надо обо всем этом сказать, презентовать себя как высокопрофессионального сотрудника, показать свою значимость перед руководством»* (муж., 27 лет, руководитель отдела); *«Желание, удача, упорство, хитрость, самодисциплина, готовность жертвовать чем-то, переступить через людей, друзей – гарантии успеха в современном обществе»* (студенты технического профиля); *«Я смогу пойти по головам, если такова политика компании. Бывают такие компании, где коллектив настроен на конкуренцию, поэтому – хочешь не хочешь – пойдешь по головам, как например, в продажах»* (муж., 24 года, инженерно-технический работник). Активизируя целерациональные действия, подвижная рациональность запускает механизмы объяснения, оправдания собственных мыслей, отношений, поступков: *«Сегодня приходится жить по принципу "если не ты, то тебя"»* (муж., 27 лет, работник авиационной сферы); *«В борьбе за место под солнцем все средства хороши»* (жен., 26 лет, менеджер); *«На работе я не руководствуюсь личными симпатиями, потому что мы все – соперники. Кто покажет лучший результат, тот и получит бонус»* (муж., 27 лет, руководитель в сфере e-commerce).

Рациональность в межличностных отношениях имеет несколько иную природу, нежели в отношениях деловых. Если рациональное отношение к работе, заработку, общению с коллегами представляется молодежи само собой разумеющимся и естественным ввиду того, что рациональность в данной сфере выступает одним из эффективных инструментов целедостижения, то проявление рациональности в личных взаимоотношениях воспринимается как нечто неправильное, несовместимое с традиционными ценностями живого общения и даже аморальное.

Действительно, межличностные отношения, основанные на взаимной привязанности и общности интересов, иницилирующиеся с целью искреннего и доверительного общения, будто бы должны быть «очищены» от рациональной составляющей. Однако ответы респондентов с очевидностью демонстрируют интенсивное проникновение рациональности в межличностные взаимодействия, особенно их поведенческий компонент. Почти половина участников количественного исследования (45 % среди студентов и 40 % среди работающей молодежи) выражают убежденность в том, что именно в сфере межличностных отношений рациональность сознания и поведения молодежи проявляется в наибольшей мере.

Выявленное противоречие связано с разновекторной направленностью радио. Ценностно окрашенные представления респондентов демонстрируют слабую ориентацию на рациональность, что коррелирует с неоднократно подтвержденным социологами тезисом об устойчивости в сознании молодежи традиционалистских оснований [23–25]. Однако постулируемая приоритетность нравственных ценностей коллективного (взаимопомощи и взаимо-

выручки, единства и согласия людей во взаимодействии), желание идти на уступки, уживаться с людьми, признание значимости их мнения – скорее, общая декларативная позиция молодых. Реальное же поведение, имплицитно содержащееся в самооценках респондентов и их оценках поведения других людей, демонстрирует выраженное наличие рации, воплощенное в безусловном предпочтении частного, личного интереса коллективному, зависимости от него, стремлении к его реализации. Подобное взаимодействие различных типов рациональности (в приведенных выше рассуждениях – ценностной и целерациональной), протекающее в форме единства или борьбы, взаимопроникновения, перетекания одного в другое и т.д., является механизмом подвижной рациональности.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях рационализации сознания и поведения молодежи в межличностных отношениях. Под отношением будет пониматься «система сложившихся индивидуальных, групповых представлений, понятий, суждений о социальном объекте, явлении, возникающих вследствие эмоционально-чувственного отражения в индивидуальном или групповом сознании социальной реальности в форме интериоризированного опыта взаимодействий с другими людьми, познания ее природы и сущности, выраженных в социальной позиции индивида, группы» [26, с. 67].

Такое явление, как дружба, обладает немалой ценностью для современной российской молодежи, однако ее значение достаточно сильно изменилось. В условиях рационализации дружба приобретает черты приятельства, лишённого эмоциональной близости, интимности. Между молодыми людьми начинают господствовать вещные отношения, основанные на социальном обмене, утилитарном расчете. Молодежь стремится максимизировать «эффект» от дружбы, компенсировать затраченные усилия материальной или нематериальной отдачей. Дружеское общение становится все более технологичным. В большинстве своем оно протекает в социальных сетях и мессенджерах, регламентируется техническими параметрами интернет-соединений, подчиняется определенной цели (например, оперативно узнать или передать какую-либо информацию). Формальность виртуального общения поглощает непредсказуемость, эмоциональность, чувственность общения живого.

В целом рационализация сознания и поведения молодежи в дружеских отношениях отражает общую тенденцию усиления ценностей индивидуализма и снижения значимости коллективистских ориентаций. Респонденты отмечают, что молодым поколениям свойственно дружить по принципу «даю, чтобы ты дал» или «как ты мне, так и я тебе». Этим молодые люди подчеркивают важность организации собственной жизни, достижения личных целей в дружеских взаимодействиях.

Расширение пространства индивидуального выбора на фоне сужения институциональных влияний придает рациональности гибкость, подвижность. В сознании молодежи сильна установка на ценностно-рациональное отношение к дружбе. Процессы рационализации дружеских взаимоотношений связаны с эмоционально-чувственной сферой, обусловлены внутренними, духовными основами жизнедеятельности. В то же время наблюдается вполне осознанное целерациональное поведение молодых людей в дружеских взаимодействиях, детерминированное ориентацией на реализацию личных интересов и целей. Исходя из этого можно говорить о наличии и возможности молодежи осуществлять самостоятельный выбор способов конструирования

ния отношений с людьми, включающий анализ ею своих целей, средств достижения и той ситуации, в которую они погружены.

Большинство опрошенных не отмечают влияние рациональности на их отношение к друзьям, дружбе в целом. Они отводят важную роль в дружеских взаимоотношениях иррациональным силам – чувствам, эмоциям, противостоящим рациональным, материальным интересам. Слабая ориентация на рациональное отражена в ценностно окрашенных высказываниях респондентов: «Ну какая тут рациональность? Либо вы дружите, либо нет. Третьего не дано» (жен., 25 лет, работник сферы торговли); «У меня создается впечатление, что конкретно в моем случае рациональности в личных отношениях, если они не касаются работы, нет» (жен., 26 лет, руководитель отдела в сфере культуры); «В личных отношениях все сложнее... Тут более бескорыстно действуешь. Ты хорошо относишься к этим людям, ты их любишь, все делаешь от чистого сердца. Здесь больше чувства, эмоции играют роль» (жен., 26 лет, IT-специалист); «С друзьями я могу не притворяться, не следовать за словами, они принимают меня таким, какой я есть» (муж., 24 года, инженерно-технический работник); «Я в дружбе и любви человек иррациональный, потому что я, скорее, люблю другого больше, чем себя, учитываю чужие интересы больше, чем свои, могу пожертвовать своим временем и помочь другому» (муж., 26 лет, руководитель отдела в сфере культуры).

Однако, как известно, иррациональные переменные также являются двигателями социального действия, частью рационального выбора, неизбежным элементом в группе вариантов выбора [27]. Респонденты, осознающие, что установление дружеских отношений с определенным человеком – это рациональный выбор, основанный на личных предпочтениях и верованиях, связанный с эмоционально-чувственной и ценностной сферами, демонстрируют выраженную ориентацию на целерациональные действия. Интервьюируемые подчеркивают: «Мы четко понимаем, с кем мы хотим дружить и как мы хотим дружить» (муж., 27 лет, руководитель отдела в сфере e-commerce); «Мир изменился, изменились наши ожидания по отношению к дружбе, наше поведение в дружбе. Сейчас рационально грамотно выстраивать время общения с человеком. Когда все спокойно и экстренно не требуется твоя помощь, дружить можно "по расписанию", например каждое воскресенье встречаться в кафе» (жен., 26 лет, гид-переводчик); «Все по-разному воспринимают дружбу, по-разному относятся к друзьям, ведут себя с ними. Кто-то уделяет друзьям много внимания, всегда готов прийти на помощь. А для некоторых главное, чтобы дружба была не в ущерб их личным интересам» (муж., 24 года, программист).

Наиболее выпукло рационализация поведения современной молодежи проявляется в усилении прагматичных настроений, большей ориентации на реализацию личных интересов. Ценности взаимной привязанности и духовной близости, являющиеся неперемненными атрибутами дружбы, нивелируются инструментальной составляющей. Индикатором истинности дружбы является взаимопомощь, взаимовыручка: «Если ты разбудишь своего друга в три часа утра и попросишь о помощи и он тебе не откажет, значит это твой настоящий друг» (жен., 26 лет, гид-переводчик); «Некоторые люди обращаются к друзьям только тогда, когда находятся в какой-то затруднительной ситуации; когда же от них требуется помощь, они находят отговорки, чтобы не помогать» (муж., 24 года, программист); «У нас с другом в послед-

нее время такая странная дружба. Она состоит чисто из помощи с моей стороны» (жен., 20 лет, студентка гуманитарного профиля). За готовностью молодых прийти на помощь друзьям, оказать им поддержку стоит не столько альтруистическая мотивация, сколько ожидание ответных действий. Как правило, молодые люди настроены на получение определенной компенсации своих затрат: «Мы получаем либо моральное удовлетворение от дружбы, либо какую-то практическую выгоду» (жен., 25 лет, работник сферы торговли); «Дружба также может быть рациональна. Она будет заключаться в получении своеобразной выгоды от партнера» (жен., 20 лет, студентка гуманитарного профиля); «Как бы то ни было, в голове мы прокручиваем, что мы поймем с этого (прим.: от дружбы). И здесь не только какие-то корыстные цели, просто общение, интересный собеседник» (муж., 27 лет, руководитель отдела в сфере e-commerce).

Друзья выступают ведущей референтной группой для современного молодого человека, взаимодействие с которой играет большую роль в формировании его личностных качеств. Однако тенденции сознания и поведения молодежи в дружеских взаимоотношениях, возникающие в связи с нарастающей индивидуализацией, достаточно противоречивы. Отмечается гибкая рациональность, проявляющаяся в различиях сознания и поведения молодежи. Представления молодых людей о том, какими должны быть дружеские отношения, пропитаны ценностной рациональностью, в то время как действия, поступки – целерациональностью.

Таким образом, современная молодежь демонстрирует высокую рациональность сознания, поведения, отношений. Сегодня рациональность молодого поколения – это результат современной российской модели социализации, которая задает приоритет личного над общественным; индивидуализм, пришедший на смену коллективизму; расширение свободы личности вместо контроля над ней. Рационализация отношений оказывает положительное влияние на интеграцию молодых специалистов в трудовой коллектив, целедостижение, их профессиональную карьеру. Вместе с тем активизирует целерациональные действия индивидов, способствует противоречиям между личными и деловыми отношениями, конструированию прагматичной системы ценностей, поведенческих стратегий, индивидуализации. В межличностных отношениях преобладают установки на искреннее и доверительное общение, однако и здесь наблюдается интенсивное проникновение рациональности, особенно в поведенческий компонент отношений. Наблюдаются механизмы гибкой (подвижной) рациональности, которая гибко контекстуально отбирает цели и особенно средства их достижения, разные типы поведения, обусловленные разными системами ценностей, использует деловые и межличностные отношения молодых людей для успешного целедостижения.

Библиографический список

1. **Давыдов, Ю. Н.** М. Вебер и проблема интерпретации рациональности / Ю. Н. Давыдов // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6. – С. 71–77.
2. **Култыгин, В. П.** Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние / В. П. Култыгин // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 27–36.
3. **Тощенко, Ж. Т.** Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.

4. **Карташев, Д. Е.** Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. / Карташев Д. Е. – Саранск, 2009. – 20 с.
5. **Новиков, А. А.** Рациональность в ее истоках и утратах / А. А. Новиков // Исторические типы рациональности. – Москва : ИФ РАН, 1995. – С. 30–55.
6. **Порус, В. Н.** Рациональность. Наука. Культура / В. Н. Порус. – Москва : Изд-во УРАО, 2002. – 352 с.
7. **Труфанов, Д. О.** Универсальная социологическая теория рациональности / Д. О. Труфанов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 87–91.
8. **Хабермас, Ю.** Теория рационализации Макса Вебера / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 3. – С. 37–60.
9. **Анкин, Д. В.** Рациональность и рационализация в философском дискурсе / Д. В. Анкин // Эпистемы. – 2004. – Вып. 3. – С. 102–116.
10. Большая советская энциклопедия. Т. 21. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2103.htm>
11. **Ефремова, Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – Т. 3: Р–Я. – URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62060336/Современный+толковый+словарь+русского+языка.+В+3+томах.+Том+3.+Р-Я>
12. **Бауман, З.** Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2002. – 390 с.
13. **Castells, M.** The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – Oxford, 2010. – V. I: The Rise of the Network Society. – 2-nd edition.
14. **Urry, J.** Mobilities / J. Urry. – Cambridge, 2008.
15. **Ритцер, Дж.** Макдональдизация общества / Дж. Ритцер. – Москва : Праксис, 2011. – 592 с.
16. **Кравченко, С. А.** Играизация общества: блага и проблемы / С. А. Кравченко // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 г. / под ред. чл.-корр. РАН В. И. Конова. – Вып. 11. – Москва : Октопус-Природа, 2008. – С. 143–155.
17. **Бек, У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
18. **Гидденс, Э.** Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – Москва : Весь мир, 2004. – 120 с.
19. **Луман, Н.** Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.
20. **Луков, Вал. А.** Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания : монография / Вал. А. Луков. – Москва : Изд-во Моск. гум. ун-та, 2013. – 430 с.
21. **Зубок, Ю. А.** Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю. А. Зубок // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 42–51.
22. **Вишневский, Ю. Р.** Парадоксальный молодой человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 26–36.
23. **Зоркая, Н. А.** Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации / Н. А. Зоркая // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 4 (96). – С. 8–22.
24. **Гудков, Л. Д.** Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – Москва : Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с. (Приложение к журналу «Общая тетрадь»).
25. **Вишневский, Ю. Р.** Студент 90-х – социокультурная динамика / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 56–63.
26. **Чупров, В. И.** Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. – Москва : Норма, 2014. – 352 с.
27. **Зафировский, М.** Вне рационального выбора: элементы «теории иррацио-

нального выбора» / М. Зафировский // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 19–28.

References

1. Davydov Yu. N. M. *Voprosy sotsiologii* [Issues of sociology]. 1996, iss. 6, pp. 71–77. [In Russian]
2. Kultygin V. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2004, no. 1, pp. 27–36. [In Russian]
3. Toshchenko Zh. T. *Paradoksal'nyy chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: YuNITI-DANA, 2008, 543 p. [In Russian]
4. Kartashev D. E. *Ratsional'nost' kak sotsial'nyy fenomen: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Rationality as a social phenomenon: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philosophical sciences]. Saransk, 2009, 20 p. [In Russian]
5. Novikov A. A. *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Moscow: IF RAN, 1995, pp. 30–55. [In Russian]
6. Porus V. N. *Ratsional'nost'. Nauka. Kul'tura* [Rationality. Science. Culture]. Moscow: Izd-vo URAO, 2002, 352 p. [In Russian]
7. Trufanov D. O. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2012, no. 4, pp. 87–91. [In Russian]
8. Khabermas Yu. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. 2009, vol. 8, no. 3, pp. 37–60. [In Russian]
9. Ankin D. V. *Epistemy* [Epistemes]. 2004, iss. 3, pp. 102–116. [In Russian]
10. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 21. Available at: <http://bse.uaio.ru/BSE/2103.htm> [In Russian]
11. Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes]. Vol. 3: R–Ya. Available at: <https://books.academic.ru/book.nsf/62060336/Sovremennyy+tolkovyy+slovar'+russkogo+yazyka.+V+3+tomakh.+Tom+3.+R-Ya> [In Russian]
12. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos, 2002, 390 p. [In Russian]
13. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 2010, vol. I: The Rise of the Network Society. 2-nd edition.
14. Urry J. *Mobilities*. Cambridge, 2008.
15. Rittser Dzh. *Makdonal'dizatsiya obshchestva* [Macdonaldization of society]. Moscow: Praxis, 2011, 592 p. [In Russian]
16. Kravchenko S. A. *Sbornik nauchno-populyarnykh statey – pobediteley konkursa RFFI 2007 g.* [Collected scientific and educational articles – winners of Russian Foundation for Basic Research contest, 2007]. Issue 11. Moscow: Oktopus-Priroda, 2008, pp. 143–155. [In Russian]
17. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000, 384 p. [In Russian]
18. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The elusive world. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir, 2004, 120 p. [In Russian]
19. Luman N. *Thesis*. 1994, iss. 5, pp. 135–160.
20. Lukov Val. A. *Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya: monografiya* [Youth biosociology: theoretical and methodological foundations: monograph]. Moscow: Izd-vo Mosk. gum. un-ta, 2013, 430 p. [In Russian]
21. Zubok Yu. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2003, no. 4, pp. 42–51. [In Russian]
22. Vishnevskiy Yu. R., Shapko V. T. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2006, no. 6, pp. 26–36. [In Russian]

23. Zorkaya N. A. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion]. 2008, no. 4 (96), pp. 8–22. [In Russian]
24. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. *Molodezh' Rossii* [Youth of Russia]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2011, 96 p. (Prilozhenie k zhurnalu «Obshchaya tetrad'»). [In Russian]
25. Vishnevskiy Yu. R., Shapko V. T. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2000, no. 12, pp. 56–63. [In Russian]
26. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. *Otnoshenie k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya i vosпроизводства* [Attitude to social reality in Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow: Norma, 2014, 352 p. [In Russian]
27. Zafirovskiy M. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2014, no. 3, pp. 19–28. [In Russian]

Rassadina Tat'yana Anatol'evna

доктор социологических наук, профессор,
кафедра гуманитарных и социальных
дисциплин, Ульяновский институт
гражданской авиации (Россия,
г. Ульяновск, ул. Можайского, 8/8)

E-mail: t.rassadina@mail.ru

Rassadina Tat'yana Anatol'evna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department humanitarian and social
disciplines, Ulyanovsk Institute of Civil
Aviation (8/8, Mozhayskogo street,
Ulyanovsk, Russia)

Репина Евгения Игоревна

аспирант, Ульяновский государственный
университет (Россия, г. Ульяновск,
ул. Льва Толстого, 42)

E-mail: janeponomareva@bk.ru

Repina Evgeniya Igorevna

Postgraduate student, Ulyanovsk
State University (42, Lva Tolstogo
street, Ulyanovsk, Russia)

Образец цитирования:

Рассади́на, Т. А. Особенности рационализации деловых и межличностных отношений современной молодежи / Т. А. Рассади́на, Е. И. Репина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 80–94. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-9.

Н. В. Розенберг, М. К. Карпова

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье раскрывается понятие социального капитала и влияние интернет-пространства на особенности его формирования в современной молодежной среде. Рассматривается специфика социального капитала, анализируются поведение молодежи в интернет-пространстве и оценка виртуальной конкурентоспособности и успешного позиционирования молодого поколения. Обосновывается значимость социального капитала для реализации молодежи в профессиональных, деловых и личностных аспектах. Цель работы – проанализировать состояние доверия молодежи в интернет-пространстве, выявить, какие связи доминируют в молодежной среде при формировании социального капитала.

Материалы и методы. Реализация задач осуществлена на основе анализа и обобщения статистических данных, научного анализа широкого спектра источников, включая научную и периодическую литературу.

Результаты. В процессе анализа было выявлено, что интернет-пространство позволяет его участникам самоопределиваться, адаптироваться в правовом поле современного общества, осознать перспективы своего профессионального роста и общественную значимость, что приведет к расширению социального капитала в своей зоне влияния.

Выводы. Исследуя интернет-пространство и молодежь, изучая новые формы социальной жизни, можно выявить особые формы социальной мобильности и инструменты создания социального капитала, которые станут драйвером традиционного и инновационного развития страны.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, интернет-пространство, социальные сети, виртуальное пространство, молодежь, Интернет.

N. V. Rozenberg, M. K. Karpova

INTERNET SPACE IN THE FORMATION OF SOCIAL YOUTH'S CAPITAL: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract.

Background. The article reveals the concept of social capital and the influence of the Internet space on the peculiarities of its formation in the modern youth environment. The author considers the specifics of social capital, analyzes the behavior of young people in the Internet space and assesses the virtual competitiveness and successful positioning of the young generation. The importance of social capital for realization of youth in professional, business and personal aspects is proved. The purpose of the work is to provide an assessment of the state of youth trust in the Internet

space, to identify what types of relationships dominate in the youth environment in the formation of social capital.

Materials and methods. The implementation of tasks is carried out on the basis of the analysis and generalization of statistical data, scientific analysis of a wide range of sources, including scientific and periodical literature.

Results. The analysis revealed that the Internet space allows its participants to self-identify, adapt to the legal field of modern society, to realize the prospects of their professional growth and social significance, which will lead to the expansion of social capital in their area of influence.

Conclusions. Exploring the Internet space and young people, studying new forms of social life, it is possible to identify special forms of social mobility and tools for creating social capital, which will become a driver of traditional and innovative development of the country.

Keywords: social capital, trust, Internet space, social networks, virtual space, youth, Internet.

Модели взаимосвязи социального капитала и коммуникаций через неформальные каналы в отечественной социологической науке на сегодняшний день разработаны недостаточно основательно. Очевидна необходимость анализа проблемы влияния интернет-пространства на формирование социального капитала молодежи, что и определило выбор цели исследования.

Ведущим способом накопления социального капитала в современных условиях российского общества являются коммуникации через неформальные каналы. Ключевое преимущество таких каналов состоит в либеральности информации: наличии непроверенных данных, трансляции неофициальных мнений, предложений, заявлений, предположений, отличных от тех, которые представлены формальными медиа.

В процессе массового вовлечения все большего количества людей в интернет-пространство появляется необходимость исследования того, каким образом оно влияет на формирование социального капитала человека, и в частности молодежи. Интернет-пространство рассматривается как альтернативный путь взаимоотношений с людьми, обладающими схожими интересами и имеющими одни цели, и, кроме того, может быть полезно для тех, кто испытывает сложности в общении и поиске новых друзей.

Различные аспекты социального капитала являются изучением многих наук: общей социологии, педагогики, конфликтологии, экономики, социальной психологии, теории коммуникации. В социологической литературе в качестве зафиксированного термина впервые понятие «социальный капитал» используется в работе «Сельская школа. Общественный центр» американским социологом Л. Дж. Ханифаном. «Я рассматриваю не недвижимость или личную собственность, или наличные деньги, а то в жизни, что делает эти ощутимые сущности важным в повседневной жизни людей, а именно: доброжелательность, дружбу, взаимную симпатию и социальное общение между группами людей и семьями, составляющими социальное объединение, сельскую общину, логическим центром которой является школа. В процессе создания общины, так же как при создании и расширении делового предприятия, строительству должно предшествовать накопление капитала» [1]. В своей работе автор исследует социальный капитал как основу группового и индивидуального блага, указывая на его коллективную природу.

В представлении Г. Лоури социальный капитал рассматривается как фактор социальной мобильности индивидов. С его точки зрения, социальный капитал – это социальные отношения между людьми, которые возникают естественным образом и развивают или помогают развитию определенного рода навыков или характеристик, ценных на рынке. Социальный капитал, так же как и финансовое благополучие, объясняет сохранение неравенства в современном обществе [2]. Однако наибольшую известность понятие «социальный капитал» получает в работах Дж. Коулмена, который рассматривает его как основу взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемую в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы [3].

Впервые проведя социологический анализ социального капитала, П. Бурдьё определил его как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, с членством в группе: «Социальный капитал состоит из социальных обязательств (связей), которые могут быть конвертированы при определенных условиях в экономический капитал и могут быть институционализированы в форме титула или знатности» [4].

Социальный капитал как объект социологического анализа исследовался в рамках теории социального действия и символического интеракционизма. Представителями данных теорий являются: П. Бурдьё [4], М. Вебер [5], Ф. Фукуяма [6], Дж. Коулман [3], Т. Парсонс [7], Р. Патнэм [8]. Согласно, например, концепции Ф. Фукуямы, социальный капитал является основой репрезентации общественных связей и доверия между людьми, человеком и социальными институтами, человеком и государством [7].

Наиболее интенсивное изучение и обсуждение социального капитала в России началось примерно в начале 90-х гг. XX в. В этом отношении необходимо отметить исследование известного российского социолога В. В. Радаева о взаимосвязи экономического и социального капитала [9]. В его трактовке социальным капиталом является способ связи между людьми. С точки зрения автора, это сопряжено: во-первых, с ожиданиями определенного поведения людей, которые в эти связи вовлечены; а во-вторых, с их взаимными обязательствами. Кроме того, социолог отмечает, что социальный капитал есть основа экономического роста: он способствует развитию экономических связей, малого бизнеса, предпринимательства, обеспечивает возможность создания новых предприятий, повышает эффективность рынка. Это все ведет к развитию коммуникаций, межлических отношений, которые могут самым радикальным образом влиять на развитие экономической деятельности.

Среди отечественных исследователей обращают на себя внимание исследования В. П. Веряскиной [10], И. Е. Дискина [11], Н. Е. Тихоновой [12], П. Н. Шихирева [13] и других, в которых рассматриваются концепция социального капитала и ее использование для анализа российского общества. Составляющими социального капитала являются: ценности (доверие, нормы взаимного уважения, моральный авторитет, правдивость, готовность помогать, толерантность), укрепление социальных связей на основе взаимного доверия, сотрудничество с другими людьми (например, членство в различных организациях, общественных объединениях), выполнение обязательств, бла-

готовительность, чувство безопасности, волонтерство, развитость некоммерческих организаций.

Формируя прочные социальные связи, межличностное доверие играет большую роль в консолидации общества. Межличностное доверие укрепляет не только групповую общность, но и общество в целом. Взаимопонимание, взаимоуважение и доверие помогают найти совместные пути преодоления имеющихся в обществе трудностей [14].

Социальный капитал в современной России – сложный неформализованный феномен, он не имеет достаточного институционального проявления. Определяя свое отношение к любым институтам, человек в первую очередь их персонифицирует. Чем выше уровень межличностного доверия в обществе, тем больше создается условий для позитивной коммуникации внутри него. Оно выступает в виде основы взаимоотношений людей в различных сферах деятельности [15].

Формирование человеческого капитала и доверия как его элемента способно привести к новому этапу развития общества. Тема индекса, измеряющего человеческий капитал стран, исследуется различными международными организациями. Анализ Индекса развития человеческого капитала 2017 г. (*Human Capital Index*) опубликовала аналитическая группа Всемирного экономического форума в сотрудничестве с Гарвардским университетом и международной консалтинговой компанией *Mercer Human Resource Consulting* [16].

В 2018 г. внимание к оценке человеческого капитала с использованием индекса привлек также Всемирный банк в рамках своего недавно представленного Проекта развития человеческого капитала. По значению Индекса человеческого капитала, рассчитанного Всемирным банком для 157 стран, Россия занимает 34-е место и входит в группу стран с высоким уровнем человеческого капитала [16]. Индекс человеческого капитала должен послужить индикатором для принятия приоритетных решений по ускоренному наращиванию человеческого капитала в отдельных странах в соответствии с национальными планами развития. Индекс человеческого капитала в отдельных странах в 2018 г. представлен на рис. 1.

В современном мире человеческий капитал является главной ценностью человеческих ресурсов страны. Власть должна понять, что в настоящее время наиболее долгосрочными и надежными инвестициями являются инвестиции в человека. Однако можно констатировать, что сегодня человеческий капитал используется зачастую непродуктивно. Социальные отношения каждый раз реализуются в уникальной форме. Общество стратифицировано неявной, но жесткой иерархией неформальных практик. Во многие сообщества возможно попасть только благодаря особым неформальным рекомендациям. В такие сообщества по интересам современные российские граждане стремятся попасть для решения своих собственных проблем. Сообщество людей одного церковного прихода, гаражного кооператива или неформального спортивного сообщества закрыто. Эта закрытость еще более стимулирует у других сторонних людей желание попасть туда.

Социальный капитал создается благодаря обмену информацией, а это требует существования общей организационной среды, в которой мог бы свободно и непрерывно осуществляться подобный обмен. Основными сред-

ствами, которые давно приобрели большое социальное значение как средства ускорения и расширения социального взаимодействия, как способ усиления социального влияния одних индивидов, групп, общностей на другие, являются новые информационные технологии, в том числе применение Интернета и возможности его распространения современными техническими и организационными средствами [17].

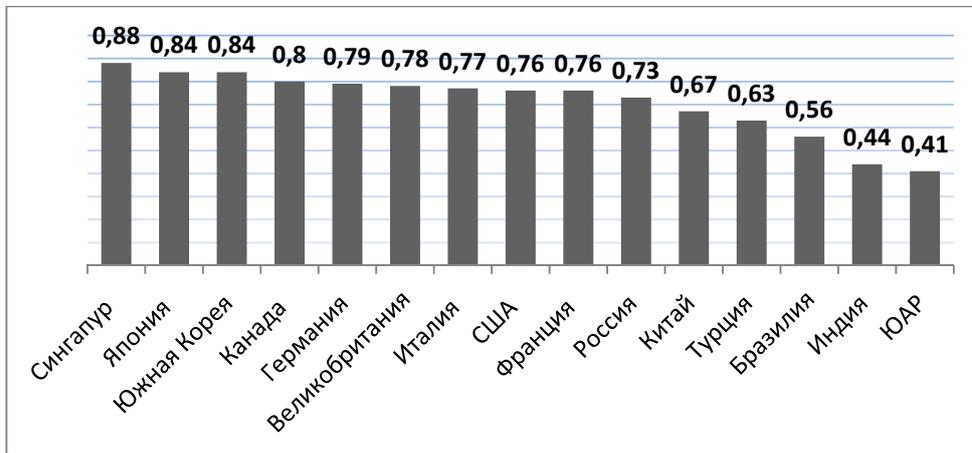

Рис. 1. Индекс человеческого капитала в отдельных странах в 2018 г.

Источник: Проект развития человеческого капитала. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30498/33324RU.pdf?sequence=13&isAllowed=y>

Мы считаем, что следует обратить внимание на коммуникации, которые молодые люди осуществляют в интернет-пространстве, так как благодаря этим коммуникациям будут приобретаться связи, главным образом основанные на доверии, а значит и представляющие наиболее ценный ресурс социального капитала. Коммуникативная деятельность в интернет-пространстве благоприятствует зарождению межличностного общения, более качественно, которое включено в процесс трансляции и усвоения информации посредством данного канала. На наш взгляд, Интернет сегодня – это основное средство для достижения и развития социального капитала, так как основную ценность при прочих равных условиях имеет такой ресурс, как человеческий талант. Наиболее очевидные инструменты в формировании социального капитала – это общение на интернет-форумах, в интернет-чатах, находящихся на различных сайтах и посвященных наиболее актуальным для молодежи темам, а также на online-страницах электронных версий различных медиа и молодежных интернет-изданий. Не требует доказательств и тот факт, что интернет-ресурсы сегодня – это более эффективный канал коммуникации, нежели традиционные СМИ (минимальные затраты при максимальной обратной связи). Это позволяет упростить процесс вхождения молодежных организаций или сообществ самых разнообразных масштабов и направленности в интернет-пространство.

Как показывают исследования, уровень доверия к телевидению стремительно падает, а популярность Интернета, наоборот, растет. Доверие к телевидению как источнику новостей в последние годы колеблется вокруг 55 %

респондентов, хотя 10 лет назад около 80 % респондентов доверяли ТВ. Доверие к телевидению сохраняют в первую очередь россияне старше 35 лет [18].

Растет доверие россиян к интернет-ресурсам и соцсетям: за 10 лет измерений оно выросло в три-четыре раза и теперь колеблется вокруг 20 %. Молодые россияне доверяют социальным сетям больше, чем телевидению, прежде всего потому, что ТВ смотрят мало, замечают социологи. В свою очередь россияне старшего возраста не доверяют Интернету и соцсетям, потому что ими в основном не пользуются (рис. 2) [18]. Вот такие тенденции представлены в отчете Левада-центра «Российский медиаландшафт – 2019: телевидение, пресса, Интернет и социальные сети».

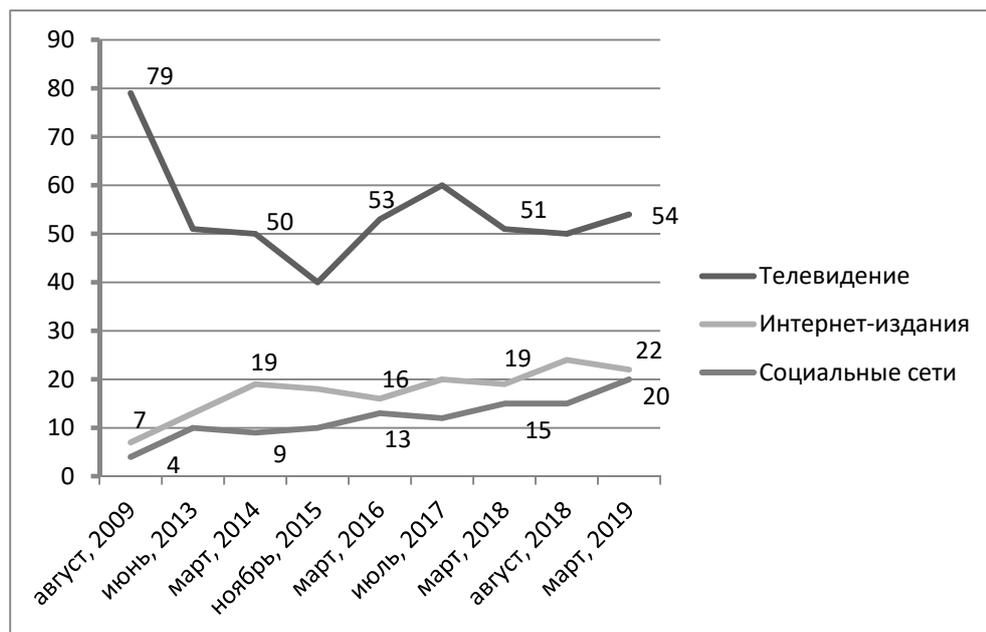

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Каким источникам Вы более всего доверяете в освещении новостей в стране и в мире?», %

Источник: Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет. – URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let>

Так, за последние 10 лет количество россиян, для которых Интернет и социальные сети стали основным источником информации, выросло с 9 до 35 %. Что касается социальных сетей, то ими регулярно пользуются 56 % россиян в возрасте от 25 до 34 лет. А в категории 65+ активных пользователей только 8 %. Такие цифры показывают, что молодые люди верят соцсетям и Интернету больше, чем телевидению, а люди старшего поколения – наоборот.

Наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» (пользуются порядка 42 % россиян), «Одноклассники» (33 %), YouTube (30 %) и Instagram (23 %). Аудитория Facebook в России насчитывает порядка 9 %, Twitter – 4%. Аудитория «ВКонтакте», Instagram, Twitter больше, нежели аудитория «Одноклассников» (рис. 3) [18].

«ВКонтакте»	17	27	33	32	35	36	38	38	42
«Одноклассники»	26	35	43	44	44	40	37	33	33
YouTube								22	30
Instagram				3	5	11	13	17	23
Facebook	3	6	10	9	9	12	12	8	9
Twitter	1	3	5	5	4	6	4	3	4
«Живой журнал»			2	3	3	2	2	2	1
«Мой мир» на Mail.ru	11	12	17	11	10	8	6	6	7
	авг.	окт.	июль	июль	авг.	авг.	дек.	авг.	март
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019

Рис. 3. Посещаемость социальных сетей россиянами, %

Источник: Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет. – URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let>

По данным Левада-центра, растет и популярность интернет-источников новостей. Так, количество запросов «Яндекс.Новости» выросло за последний год с 29 до 39 %, а новости на Mail.Ru читают теперь 15 % россиян, в прошлом году – 11 %. За последний год также стали более востребованы видеоблоги. Их как минимум один раз в неделю смотрят около 30 % россиян, а каждый день – 7 %. Друзья, родные, соседи – четвертый по распространению источник информации для респондентов (18 %) [18].

Интернет проектирует сообщество с практически любыми заданными характеристиками (образовательными, возрастными, профессиональными и т.д.) [19]. Обсуждение социальных проблем и происходящих событий приводит к изменению у молодежи взглядов и ориентиров, формированию социальной позиции и опыта. Пополнение новыми участниками социальных сетей и форумов ведет к увеличению «плотности» межличностных и межгрупповых коммуникаций, но что еще более важно – создает возможность изменения направлений потока этих коммуникаций, способного тем самым реально трансформировать социальный капитал общества [20].

Всемирная сеть Интернет является самым популярным средством массовой коммуникации XXI в., которая не только не прекратила своего стремительного роста, но и продолжает удерживать пальму первенства. Другим средствам коммуникации требовалось гораздо больше времени для достижения такой популярности. Известный американский специалист в области массмедиа Д. Рашкофф утверждает, что у системы нет никакого управляющего органа [21]. Это ведет к безусловному расширению и изменению характера коммуникаций, увеличиваются контакты каждого члена любого общества, тем самым повышая его «личный» капитал. Накопление опыта работы в Интернете и снижение затрат, связанных с его распространением, станет фактором наращивания социального капитала молодежи.

В Интернете легче найти людей со схожими взглядами, иногда знакомство и общение там происходят намного легче, так как пользователи здесь чувствуют себя более комфортно, чем в реальной жизни. Социальные сети являются частью личной жизни каждого человека, там он ищет и интересуется именно тем, что непосредственно требуется ему [22]. Общение на интернет-страницах объективируется, становится видимым, доступным для рефлексии. С точки зрения Э. Кассирера, рефлексия – это «способность вы-

делять из всего нерасчлененного потока чувственных феноменов некоторые устойчивые элементы, чтобы, изолировав их, сосредоточить на них внимание» [23]. Так, Интернет обеспечивает накопление социального капитала по сравнению с обычными средствами. Это позволяет действовать командой, имеющей корпоративный имидж для достижения согласованных целей и развивающей в таких условиях собственную инфраструктуру. Имидж любого сообщества создается пиаром, пропагандой или рекламой с целью формирования в массовом сознании определенного статуса и сочетается как реальные свойства, так и несуществующие, приписываемые [24].

Уникальные особенности Интернета могут успешно применяться для повышения мобильности современной деловой жизни, так как отличаются гораздо более высоким уровнем спонтанной социализированности участников. Например, социальная сеть не только предоставляет возможность лично пообщаться, но и создает доверительную атмосферу и помогает заинтересовать соискателей, которые находятся в пассивном поиске работы, позволяет получить рекомендации и контакты специалистов, которые отсутствуют и в социальных сетях, и на job-сайтах [25].

Интернет обеспечивает каждому пользователю социальное взаимодействие, поддержку, обмен необходимой информацией, чувство принадлежности и социальную идентичность. Сообщества и объединения в виртуальном пространстве способны разворачиваться и сжиматься, открываться и закрываться, образовывать самые необычные формы с любым охватом реальности, оперативно включать новых участников и освобождаться от лишних индивидов. Процесс развития сообщества также обусловлен и общением на корпоративных порталах – это эффективное средство для управления коллективной работой в современных условиях, обеспечивающее прозрачность работы и оптимизацию издержек.

Интернет-портал представляет собой внутренний сайт сообщества или организации для управления документооборотом, автоматизации бизнес-процессов и упрощения обмена информацией между участниками. Корпоративный портал играет роль своеобразной надстройки над объективными реалиями, выступает как качественно иная форма организации коммуникации, создавая иной пространственный порядок доверительных отношений. Феномен интернет-портала заключается в том, что такие контакты удовлетворяют потребности молодых людей в социальной защищенности, личных, неформальных отношениях, чувстве групповой идентичности. Так, корпоративные порталы, созданные в Интернете участниками различных сообществ, определяют непрерывный процесс накопления социального капитала.

Если дать общую характеристику интернет-пространству, то это неоднородная среда развития и обитания явлений различающейся природы. Причем Интернет не ограничивается виртуальным, теоретическим, уровнем коммуникации, а использует и внедряет весьма характерный для современной модернизационной политики государства его практический смысл, который выражается в увеличении желающих общаться в интернет-пространстве. Он позволяет участникам различных сообществ самоопределиваться, адаптироваться в правовом поле современного общества, осознать перспективы своего профессионального роста и общественную значимость, что с необходимостью приведет к расширению социального капитала в своей зоне влияния.

Возникновение виртуального пространства в Интернете приведет к пересмотру традиционных взглядов, понятий и категорий в дефиниции социального капитала, поможет иначе взглянуть на коммуникационную деятельность. При накоплении социального капитала и осуществлении работы социального лифта необходимо фокусироваться не столько на технических ресурсах, сколько обращать внимание, как было сказано ранее, на способности самоорганизации участников сообществ, их содержания и функциях.

Контакты и постоянные встречи в сообществе становятся наиболее однородной формой общения молодежи. А так как интернет-коммуникации обладают не косвенными, а прямыми неограниченными возможностями для воссоединения, то различные сообщества в таком случае являются посредниками качественных дружественных и деловых связей. Технические преимущества Интернета дают возможность передавать большие объемы информации на достаточно большие расстояния. Этими преимуществами объясняется все более широкое использование глобальной сети участниками различных сообществ.

Тенденция Интернета к разрастанию стремительными темпами приводит к привлечению в его пространство все новых, разнородных, инновационных средств и способов коммуникации. Различные сообщества в таком случае получают доступ к неограниченному пространству связей, которые актуализируют более обширный в информационном плане социальный капитал.

Накопление социального капитала позволяет молодежи сформировать представление и сфокусироваться на тех социальных функциях, которые до этого не были так видимы и именно сейчас за счет Интернета проявились столь очевидно. К таким видимым функциям относятся: коммуникативная, информационная, ценностно-регулирующая, социально-организаторская, функция развлечения и социально-креативная.

Считается, что через глобальную сеть можно пользоваться множеством интернет-ресурсов, а это очень важно для свободы выбора места потребления информации, где появляется возможность различного взаимодействия. Поэтому неформальные связи в интернет-пространстве могут быть одновременно и досуговыми, и деловыми, и решать сложные многоплановые задачи. Самодеятельность и независимость сайта сообщества – специфическая и очень важная черта накопления социального капитала. Презентационный сайт сообщества может описывать все достоинства своих участников, надевая их теми качествами, которые необходимы в современных условиях общественных требований.

Интернет-канал обладает всей совокупностью признаков, необходимых для отнесения его к разряду основных источников накопления и развития социального капитала в современных условиях. Установление новых личных контактов и полезная информация – вот что в основном наиболее распространено у молодежи. Глобальная сеть выступает для молодого поколения уникальной особенностью информационного обмена, а поэтому определяет свою значимую социальную позицию в структуре современного общества. Она выражается в том, чтобы избавиться от старых форм самоорганизации взаимоотношений и прийти к неформальным обновленным коммуникациям, которые становятся более качественным и полезным капиталом. Поэтому в Интернете расширяются содержательные возможности для выполнения информационных и развлекательных функций.

Библиографический список

1. **Hanifan, L. J.** The Rural School Community Center / L. J. Hanifan // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 1916. – V. 67, № 1. – P. 130–138. – URL: <https://doi.org/10.1177/000271621606700118>
2. **Loury, G. A.** Dynamic theory of racial income differences / G. A. Loury // *Women, Minorities and Employment Discrimination*. – Lexington (MA), 1977. – P. 153–186.
3. **Коулман, Дж.** Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
4. **Бурдые, П.** Формы капитала / П. Бурдые ; пер. М. С. Добряковой ; науч. ред. В. В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
5. **Вебер, М.** Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено ; комм. А. Ф. Филиппова. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с.
6. **Фукуяма, Ф.** Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ: Хранитель, 2006. – 730 с.
7. **Парсонс, Т.** О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с.
8. **Putnam, R. D.** Bowling Alone: the Collapse and Revival of American community / Robert D. Putnam. – New York : Simon & Schuster, cop. 2000. – 541 с.
9. **Радаев, В. В.** Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция / В. В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3, № 4. – С. 20–31.
10. **Веряскина, В. П.** Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика / В. П. Веряскина // *Философские науки*. – 2012. – № 6. – С. 7–21.
11. **Дискин, И. Е.** Модернизация российского общества и социальный капитал / И. Е. Дискин // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2003. – № 5–6 (67–68). – С. 14.
12. **Тихонова, Н. Е.** Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
13. **Шихирев, П. Н.** Природа социального капитала: социально-психологический подход / П. Н. Шихирев // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 17–31.
14. **Кошарная, Г. Б.** Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества / Г. Б. Кошарная // *Власть*. – 2015. – № 9. – С. 125–129.
15. **Гегедивш, И. П.** Межличностное и институциональное доверие / И. П. Гегедивш // *Молодой ученый*. – 2018. – № 51 (237). – С. 185–187.
16. Российское образование в контексте индекса человеческого капитала // *Бюллетень о сфере образования*. – 2018. – Вып. 18. – Дек. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20277.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).
17. **Сеидов, Ш. Г.** Новые информационные технологии – средство воздействия на социальные процессы в современном российском обществе / Ш. Г. Сеидов, Л. И. Найденова, М. Ш. Аббусаламова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2018. – № 3 (47). – С. 128–138.
18. Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет (01.08.2019). – URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let> (дата обращения: 10.08.2019).
19. **Гусев, В. С.** Поиск в Internet / В. С. Гусев. – Москва : Диалектика: Вильямс, 2004. – 322 с.
20. **Назарчук, А. В.** Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // *Вопросы философии*. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
21. **Рашкофф, Д.** Медиа-вирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф ; пер. с англ. Д. Борисов. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

22. **Карпова, М. К.** Продвижение малого бизнеса в сети Интернет / М. К. Карпова, К. И. Дятлова // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7, № 1. – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karпова_mk_dyatlova_ki_2019_1_24.pdf (дата обращения: 11.07.2019).
23. **Кассирер, Э.** Философия Просвещения / Э. Кассирер ; пер. с нем. В. Л. Махлина. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 400 с.
24. **Панасюк, А. Ю.** Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк. – Москва : ОМЕГА-Л, 2008. – 266 с.
25. **Кошарная, Г. Б.** Интернет-ресурсы как инновационный метод подбора персонала / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж, Л.Ф. Каримова // Социальные инновации в жизни россиян: тенденции и парадоксы : сб. тр. V Междунар. научн.-практ. конф. (г. Саратов, 12 февраля 2018 г.). – Саратов : Саратовский источник, 2018. – С. 216–220.

References

1. Hanifan L. J. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1916, vol. 67, no. 1, pp. 130–138. Available at: <https://doi.org/10.1177/000271621606700118>
2. Loury G. A. *Women, Minorities and Employment Discrimination*. Lexington (MA), 1977, pp. 153–186.
3. Koulman Dzh. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2001, no. 3, pp. 121–139. [In Russian]
4. Burd'e P. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economical sociology]. 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. [In Russian]
5. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: per. s nem.* [Featured works: translated from German]. Moscow: Progress, 1990, 804 p. [In Russian]
6. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu: per. s angl.* [Trust: social virtues and the path to prosperity:: translated from English]. Moscow: ACT: Khranitel', 2006, 730 p. [In Russian]
7. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000, 880 p. [In Russian]
8. Putnam R. D. *Bowling Alone: the Collapse and Revival of American community*. New York: Simon & Schuster, cop. 2000, 541 p.
9. Radaev V. V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economical sociology]. 2002, vol. 3, no. 4, pp. 20–31. [In Russian]
10. Veryaskina V. P. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2012, no. 6, pp. 7–21. [In Russian]
11. Diskin I. E. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social Change]. 2003, no. 5–6 (67–68), p. 14. [In Russian]
12. Tikhonova N. E. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2004, no. 4, pp. 24–35. [In Russian]
13. Shikhirev P. N. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2003, no. 2, pp. 17–31. [In Russian]
14. Kosharnaya G. B. *Vlast'* [Power]. 2015, no. 9, pp. 125–129. [In Russian]
15. Gegedivsh I. P. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2018, no. 51 (237), pp. 185–187. [In Russian]
16. *Byulleten' o sfere obrazovaniya* [Bulletin of education]. 2018, iss. 18, Dec. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20277.pdf> (accessed May 20, 2019). [In Russian]
17. Seidov Sh. G., Naydenova L. I., Abbasalamova M. Sh. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2018, no. 3 (47), pp. 128–138. [In Russian]

18. *Chetvert' rossiyan poteryali doverie k televideniyu za desyat' let (01.08.2019)* [A quarter of Russians have lost confidence in television in ten years (01.08.2019)]. Available at: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let> (accessed Aug. 10, 2019). [In Russian]
19. Gusev V. S. *Poisk v Internet* [Internet search]. Moscow: Dialektika: Vil'yams, 2004, 322 p. [In Russian]
20. Nazarchuk A. B. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues]. 2008, no. 7, pp. 61–75. [In Russian]
21. Rashkoff D. *Media-virus. Kak pop-kul'tura tayno vozdeystvuet na vashe soznanie* [Media virus. How pop culture secretly affects on your mind]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura, 2003, 368 p. [In Russian]
22. Karpova M. K., Dyatlova K. I. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2019, vol. 7, no. 1. Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_dyatlova_ki_2019_1_24.pdf (accessed Jul. 11, 2019). [In Russian]
23. Kassirer E. *Filosofiya Prosveshcheniya* [Enlightenment philosophy]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 400 p. [In Russian]
24. Panasyuk A. Yu. *Formirovanie imidzha. Strategiya, psikhotehnologii, psikhotehniki* [Image building. Strategy, psychotechnology, psychotechnics]. Moscow: OMEGA-L, 2008, 266 p. [In Russian]
25. Kosharnaya G. B., Korzh N. V., Karimova L.F. *Sotsial'nye innovatsii v zhizni rossiyan: tendentsii i paradoksy: sb. tr. V Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (g. Saratov, 12 fevralya 2018 g.)* [Social innovations in the life of Russians: trends and paradoxes: proceedings of the V International scientific and practical conference (Saratov, 12th of February, 2018)]. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2018, pp. 216–220. [In Russian]

Розенберг Наталья Владимировна

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная 40)

E-mail: elya@sura.ru

Rozenberg Natal'ya Vladimirovna

Doctor of philosophical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Карпова Маргарита Константиновна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная 40)

E-mail: karpovamk@mail.ru

Karpova Margarita Konstantinovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Розенберг, Н. В. Интернет-пространство в формировании социального капитала молодежи: социологический анализ / Н. В. Розенберг, М. К. Карпова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 95–106. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-10.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ГИГОНОМИКИ В ПРОМЫШЛЕННОМ БИЗНЕСЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Экономические кризисы усиливают интерес различных слоев общества к работе в условиях цифровой экономики. Трудоактивное население нуждается в новых способах заработка, подработки в свободное время, в гибком графике работы. Работодатели ориентированы на оптимизацию расходов бизнеса. Российские социология и экономика находятся в ожидании становления и роста института фриланса, требующего активного проведения преобразований.

Развитие гигномики как новой социально-экономической модели организации бизнеса повлекло применение нестандартных форм трудовых отношений (фриланс, аутсорсинг, субконтракция, удаленная работа, аутстаффинг, В2С), представляющих новые виды частичной занятости и краткосрочные трудовые отношения с работодателем. Особую популярность в РФ они приобрели в сфере услуг, IT-организациях. Однако незначительное влияние гиг-экономики на промышленный персонал и бизнес требует исследования проблем и перспективных направлений приложения новых инструментов развития. Цель работы – оценить состояние и потенциал развития нестандартных форм организации трудовой деятельности в промышленном бизнесе в условиях перехода России к гиг-экономике.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения структуры и сфер занятости в формате фриланса, преимуществ и проблем, отмеченных в работах исследователей, изменения характера наемного труда в условиях цифровой экономики, перспектив развития в промышленности РФ. Методологический подход представлен методами сравнительного и историко-социологического анализа, вторичного социологического и статистического анализа результатов исследований, опубликованных в российских источниках.

Результаты. Оценены социально-экономические последствия использования нестандартных подходов к потенциалу трудовых ресурсов в РФ. Проанализированы теоретико-методологические наработки социологии и гиг-экономики, обозначены статистические оценки состояния зарубежной и отечественной практики фриланса, выявлены проблемы и тенденции организации труда в условиях гигномики в промышленности РФ.

Выводы. Исследование позволяет сделать вывод о социальных и экономических эффектах применения нестандартных форм организации трудовой деятельности в условиях реализации цифровой экономики, демократизации трудовых отношений между работниками и предпринимателями.

Ключевые слова: гигномика, фриланс, социальные последствия фриланса в России, перспективы использования в промышленности.

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF INTRODUCING GIGONOMICS IN THE INDUSTRIAL BUSINESS

Abstract.

Background. Economic crises increase the interest of various sectors of society in working in a digital economy. The labor-active population needs new ways of earning money, part-time work in their free time, and flexible work schedules. Employers are focused on optimizing business expenses. Russian sociology and economics are waiting for the establishment and growth of the freelance institution, which requires active transformation. The development of gignomics as a new socio-economic model of business organization entailed the use of non-standard forms of labor relations (freelance, outsourcing, subcontracting, remote work, outstaffing, B2C), which represent new types of part-time employment and short-term labor relations with the employer. They gained particular popularity in the Russian Federation in the service sector, IT organizations. However, the insignificant impact of the gig economy on industrial personnel and business requires the study of problems and promising areas of application of new development tools. The purpose of the work is to assess the state and potential for the development of non-standard forms of organizing labor activity in the industrial business in the context of Russia's transition to a gig economy.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of studying the structure and areas of employment in the freelance format, the advantages and problems noted in the researchers' work, on changing the nature of wage labor in the digital economy, and the development prospects in the industry of the Russian Federation. The methodological approach is represented by the methods of comparative and historical-sociological analysis, secondary sociological and statistical analysis of research results published in Russian sources.

Results. Social and economic consequences of using non-standard approaches to the potential of labor resources in the Russian Federation are estimated. The theoretical and methodological developments of sociology and the gig economics are analyzed, statistical assessments of the state of foreign and domestic freelance practice are indicated, problems and trends in the organization of labor in the conditions of gignomics in the industry of the Russian Federation are identified.

Conclusions. The study allows us to conclude that the social and economic effects of the use of non-standard forms of organization of labor activity in the conditions of the digital economy, the democratization of labor relations between workers and entrepreneurs.

Keywords: gignomic, freelance, social consequences of freelance in Russia, prospects for use in industry.

Концепция «общества знаний» активно внедряется в современную российскую социологию и экономику. По мнению П. Друкера (основоположник концепции), в постиндустриальном обществе изменения коснутся и трудовых отношений. Данный процесс начнется с поколения беби-бумеров, которое, как он считает, является первой в истории когортой, предпочитающей умственный труд. Он отмечал, что та организация, которой удастся первой привлечь и удержать работников дистанционно, сможет добиться от них максимальной производительности и получит огромное конкурентное преимущество [1, 2]. Особое внимание обращают на себя две категории работников:

менеджеры и специалисты (консультанты, программисты, пользователи программного обеспечения), которые могут работать дистанционно, потому что они создают продукт своими силами, не прибегая к активам компании.

Вышесказанное в полной мере касается изучения современных социально-экономических тенденций и постулатов гиг-экономики («сдельной экономики»), или экономики совместного потребления, или цифровой экономики и др.

Гигономика, или гиг-экономика (ГЭ), – это новый формат взаимоотношений между работодателем и работником, основанный на временном привлечении и использовании экономических ресурсов (трудовых, материальных, информационных и др.) и являющийся важнейшим трендом цифровой экономики. Появлению ГЭ способствовали развитие информационно-коммуникационных технологий, диверсификация и введение новых сфер деятельности, когда работодателю требуется временное использование средств производства и других производственных ресурсов в отдельных направлениях бизнеса. С другой стороны, работники, обладая определенными компетенциями, не привязаны к конкретной компании на постоянной основе и могут себе позволить сотрудничество с несколькими организациями, самостоятельно определяя занятость и интенсивность нагрузки. Работодатели в свою очередь могут минимизировать издержки своего бизнеса, не требуя обеспечения персонала рабочими местами, привлекая необходимое на определенный момент времени количество рабочей силы, направляя освободившиеся средства и ресурсы на развитие бизнеса. Следует добавить, что в случае неустойчивого финансового положения персонала организаций возможна дополнительная работа в других организациях.

Гигономика, или «сдельная» экономика, – относительно новое понятие в бизнесе, подразумевающее рабочую среду, в которую организации привлекают (временно нанимают) работников в большей степени для выполнения разовых (локальных) проектов (работ, заказов). Подобная трансформация взаимоотношений приводит к многочисленным изменениям в моделях деятельности конкретных организаций, которые в условиях российской традиционной экономики к подобным изменениям (локациям) не готовы.

Наиболее известной ветвью ГЭ явилась фриланс-экономика, связанная со свободным использованием трудовых ресурсов [2]. Информационные технологии стали базовой отраслью, в которой широко используется «фриланс». IT-специалисты могут работать, находясь в любой точке мира, тем самым «монетизируя» свои знания через участие одновременно в нескольких проектах [3].

В России нарастает тенденция отказа от постоянной работы в пользу фриланса. По информации агентства SuperJob, в каждой третьей российской компании работники пользуются услугами фрилансеров. Наиболее распространен труд фрилансеров на рынках услуг (торговля, образование, транспорт, медицина, клининг и др.). ГЭ охватила финансовый сектор, транспорт, здравоохранение, добывающую и обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство и строительную индустрию. Организация фриланса за счет цифровых клиентских сервисов проводится с целью повышения конкурентоспособности за счет снижения издержек и роста производительности труда [4]. Фриланс – это форма работы без заключения трудового договора (бес-

контрактная основа), записи в трудовой книжке, оплаты больничных листов, предоставления отпусков, необходимости соблюдения продолжительности рабочего дня и т.п. Это работа, предполагающая выполнение заказа в рамках одного проекта.

Цифровизация экономики послужила базой для теоретического изучения изменения характера наемного труда (З. Бауман, Д. Белл, П. Бурдые, Э. Гидденс, Дж. Голдторп, П. Друкер, М. Кастельс и др.) [5, 6]. Мотивационное поведение работодателей и фрилансеров поможет осмыслить характер изменений в социально-экономическом пространстве развития наемного труда в России [1]. Фриланс – «это не вид заработка, не просто вид занятости посредством интернета или иного удаленного доступа... уход от жестких трудовых рамок, связанных с трудовым распорядком, непосредственно руководством и обязательным присутствием на рабочем месте» [7]. Систему фриланса ввел Джек Ниллес в 1972 г., который предложил формат телеработы (telecommuting), когда связь руководителя с работниками поддерживалась с помощью телефона [8]. Как способ организации труда этот рынок зародился в США и решал социально-экономические проблемы: транспортную в мегаполисах, безработицы среди населения удаленных районов, оптимизации расходов компаний на содержание рабочих мест и сокращения штатов персонала, другие социальные проблемы. Ныне в странах с развитой экономикой фрилансеры являются официальными экономическими налогоплательщиками (каждый третий работник – фрилансер). Для дальнейшего его развития в России нужна современная инфраструктура: информационные сервисы для регистрации как по поиску работы, так и для решения бытовых и бизнес-задач.

Интенсивность развития фриланса в РФ пришла на 2008 г., когда из-за экономического кризиса снизился уровень доходов населения и персонала организаций. Широким спросом пользовались экономисты, аудиторы и бухгалтеры, предложившие удаленное сотрудничество как способ оптимальной организации экономических взаимоотношений [9].

Между тем в России сложилось множество особенностей фриланса, которые отличают его от аналогов в США и Западной Европе. Так, чаще всего фриланс рассматривается как вид самозанятости, реже – как вид надомной работы, как самостоятельная форма занятости и т.д. Отличия фриланса от самозанятых следующие [7]:

- фрилансерам не обязательно оформление трудовых отношений;
- фрилансеры ориентированы на количество выполняемой работы, самозанятые – на качество;
- фрилансеры организуются работодателем, самозанятые – самостоятельно;
- круг профессий – ограничен.

Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент возможности для фриланса сфокусированы в большей степени в технической сфере и более доступны для мужчин. Между тем в США и Западной Европе возможности для работы фрилансером гораздо шире и включают множество профессий, не требующих постоянного нахождения в офисе (бизнес-тренеры, журналисты, экономисты, бухгалтеры и т.д.).

Существенной особенностью российского фриланса является то, что у большинства населения он ассоциируется не с работой, а с подработкой. Так, «чистых» фрилансеров по статистике всего 22 %. Между тем среди фрилансеров 75 % – моложе 30 лет. В результате можно говорить о том, что фриланс для россиян – это способ подработки, начало карьеры и т.д. Основную долю фрилансеров составляют студенты, молодые мамы, домохозяйки, подрабатывающие сотрудники других компаний. 41 % хотят открыть бизнес, 43 % рассматривают его как возможность совмещения, 9 % мечтают просто стать фрилансерами [10, 11]. Таким образом, у российского фриланса имеются следующие особенности:

1. Россияне не стремятся уходить в «свободное плавание», потому что боятся потерять различные социальные льготы и гарантии, которые дает официальное трудоустройство.

2. Отсутствуют гарантии на законодательном уровне. Понятие «дистанционная занятость» введено в правовую базу РФ совсем недавно. На Западе права и обязанности сторон, участвующих в договорах в сфере фриланса, четко прописаны, включая налоговые отношения. Эта особенность дает толчок для развития теневой экономики в России.

3. Преимущественно в сфере фриланса работает молодежь, которая не задумывается о льготах и пенсиях и ориентирована на нововведения. Людям среднего и старшего поколения прийти к фрилансу сложнее.

4. Для российского работодателя имеет большое значение контроль за работой и власть над персоналом. Поэтому в крупных и средних организациях фрилансеров привлекают неохотно. Сами россияне находят в наемной работе способ самореализации, возможность приобретения новых знакомств, дополнительного общения.

5. Общественное мнение негативно воспринимает работу на дому (критикует качество, социальный статус исполнителей).

Однако необходимо отметить социальные преимущества фриланса: свободный график работы и отдыха; возможность выбора и исключение неприятной и рутинной работы; возможность надомной работы с одновременным участием в выполнении семейных функций; независимость от командных действий и ответственности; мотивация на профессиональный рост и другое, о чем говорилось ранее. Имеют место и недостатки социально-экономической направленности: отсутствие выходных и оплачиваемого отпуска; необходимость оплаты расходов (например, транспортных, коммунальных, ремонтных и др.), требующихся для выполнения работы; непредсказуемая длительность рабочего дня; отсутствие гарантий в доходах и оплате труда; необходимость получения юридического статуса (ИП, самозанятый).

Сегодня фриланс-услуги представлены в Интернете, с помощью которого частные лица и организации выражают готовность сотрудничать на удаленной основе. Однако в РФ сдерживает менеджеров от максимального использования сервисов ГЭ ряд обстоятельств: слабое законодательное регулирование работы платформ (20 % опрошенных), сложности с принятием основных идей ГЭ корпоративной культурой (18 %) и ее непонимание топ-менеджментом (18 %) [3]. Следует отметить, что в РФ уже имеется опыт использования локальных бизнес-моделей, относящихся к ГЭ. Схожие черты с

фрилансом имеют аутсорсинг, субконтрактация, удаленная работа, аутстаффинг, B2C и др. Сущность и отличительные особенности локальных моделей систематизированно представлены в табл. 1.

Таблица 1
Сущность близких к фрилансу экономических локаций

Наименование	Сущность	Отличительные (от фриланса) особенности
1	2	3
Аутсорсинг, краудсорсинг	Выражается в отдельных организационных решениях, суть которых состоит в разделении бизнес-процессов на основные и вспомогательные; в реализации вспомогательных, а иногда и основных бизнес-процессов силами специалистов сторонних организаций – аутсорсеров. В краудсорсинге работы выполняются любителями (краудсорсеры) безвозмездно или за символическую плату [12]	Аутсорсер – это подрядчик, который выполнит втроедорога работу со всеми сопроводительными бумагами, печатями, отчетами и гарантиями, а фрилансер сделает ее за меньшую стоимость. Привлечение краудсорсера не сопровождается гарантиями, поручителями
Субконтрактация	Одно промышленное предприятие (контрактор) размещает на другом предприятии (субконтрактор) заказ на разработку либо изготовление некоторой продукции или на выполнение определенного процесса в соответствии с требованиями потребителей, что позволяет компании-контрактору выстроить более действенную и эффективную организационную структуру производства	Субконтрактацию от фриланса отличает то, что между заказчиком и производителем стоит фирма, которая заключает дополнительный контракт с субподрядчиком. Такая цепочка делает дороже стоимость заказа, увеличивается время работы и при этом зачастую ухудшается качество выполняемых работ
Удаленная работа	Это форма занятости, при которой работодатель и наемный работник (заказчик и исполнитель) находятся на значительном расстоянии друг от друга, передавая и получая задание, результаты труда и оплату при помощи интернет-связи	Специалист, работающий удаленно, оформлен в штат компании – это коренное отличие от фриланса. С удаленным сотрудником заключается трудовой договор, он может иметь и определенную степень социальной защищенности, чего нет у фрилансеров. Бонусом для удаленного сотрудника, в отличие от последнего, является гарантированный объем постоянной работы

Окончание табл. 1

1	2	3
Аутстаффинг	Форма найма работника, который фактически является штатным сотрудником другой компании. Это субаренда специалиста у другой компании без проведения его в свой штат. Работодатель заинтересован в занятости специалиста в другой компании, так как выступает его агентом. Компания-заказчик диктует правила по оплате, а арендодатель соглашается на долю по контракту со специалистом	Фриланс подразумевает договорное соглашение с отдельным специалистом для выполнения им определенных функций. Аутстаффинг работает по тому же принципу и подразумевает сотрудничество с тем же фрилансером, но, в отличие от него, предоставляет большие юридические гарантии для нанимающей фирмы
B2C	Заключается в коммерческих взаимоотношениях между хозяйствующим субъектом и частным лицом – так называемым «конечным» потребителем; может быть форма электронной торговли (прямые продажи)	Отличается более коротким циклом продаж, эмоциональным принятием решений о покупке и менее тесными взаимоотношениями продавца и покупателя. Основным рынком продажи является продукт, а у фриланса – услуга

Назовем причины возможного углубления фриланс-отношений в бизнес России:

- следование за тенденциями стран с развитыми экономиками, переход к цифровой экономике;
- стремление работодателей не набирать новый постоянный персонал; сокращение имеющихся работников и перегрузка работой оставшихся сотрудников;
- оптимизация расходов организаций, связанных с персоналом и содержанием рабочих мест;
- избежание социальных конфликтов на производстве;
- негласное применение в предпринимательской среде требований к возрасту и наличию детей;
- отсутствие необходимости обязательного законного трудоустройства;
- «давление» рынка труда;
- снижение реальных доходов населения и др.

По материалам бирж рунета – FreelunctHunt – в табл. 2 представлен спрос на услуги фрилансеров в РФ [13].

Социальные гарантии перестали быть значимыми на фоне снижения зарплат, задержек по выплатам и все увеличивающимися требованиями к работе специалистов. Все больше компаний, включая средние и малые предприятия, стали продвигать свои услуги через Интернет, стараясь при этом максимально сократить расходы.

По некоторым оценкам, до 50 % сотрудников будут работать в формате фриланса к 2020 г. Выделяют следующие причины: технологическое разви-

тие Интернета (ПО, новые сервисы и приложения и др.), что позволяет фрилансерам эффективно работать в удаленном режиме. Мировыми лидерами являются представители IT: разработки мобильных приложений (94 %), администрирование (36 %), продажи и маркетинг (36 %), дизайн и мультимедиа (34 %). Прогнозируемый рост рынка для обслуживания ГЭ – до 63 млрд долл. [14].

Таблица 2

Структура спроса на услуги фрилансеров в РФ

Востребованность фриланс-услуг	Доля в структуре спроса, %
Веб-программирование: PHP; создание сайта под ключ; верстка; системное программирование CSS; CMS; Javascript; прикладное программирование; C/C++; NET; Java; C#; CSS; игровые приложения; Python; ObjectiveC; Ruby	36
Работа с текстами: копирайтинг; рерайтинг; наполнение сайта/форума; рефераты, дипломы, курсовые; написание статей; написание отзывов	19,8
Дизайн: дизайн сайтов; полиграфический дизайн; иллюстрации и рисунки; дизайн выставочных стендов; векторная графика; визуализация и моделирование; дизайн упаковки; дизайн интерфейсов; фирменный стиль; дизайн интерьеров; наружная реклама; живопись и графика; трехмерная графика; ландшафтный дизайн; пиксельная графика; баннеры; логотипы	19,5
Продвижение и реклама в Интернете: поисковое продвижение (SEO); продвижение в социальных сетях; поисковое управление репутацией; контекстная реклама; реклама в социальных медиа; SEO – аудит сайтов; e-mail маркетинг; тизерная реклама (SERM)	9,1
Бизнес-консультирование; управление проектами; маркетинговые исследования	2,3
Переводы: английский язык; немецкий язык; итальянский язык; испанский язык	2,1
Мобильные приложения: перевод текстов; английский язык; немецкий язык; итальянский язык; испанский язык	1,5
Работа с аудио и видео: аудио-, видеомонтаж; видеореклама; обработка видео; музыка; обработка аудио	1,4
Работа с фото: обработка фото; фотосъемка	1,3

Для промышленных компаний интерес в этом направлении представляют проектно-расчетные работы, услуги дизайнеров, финансовых консультантов, транспортные услуги, программные продукты, надомный труд по обработке (изготовлению) основной продукции, клининговые работы, охрана и безопасность, маркетинг, проведение корпоративных мероприятий, конференций, тренингов и т.п.

Работодатели оценили преимущества сотрудничества с удаленными специалистами – это не только более низкие цены на услуги в сравнении со студиями, но и возможность посмотреть портфолио исполнителя, отзывы от других работодателей, рейтинг и статистику в профиле.

Например, на сервисе Freelancehunt.com анализ статистики показал, что успешно завершенных проектов на сервисе в 40 раз больше, чем неудавших-

ся проектов, закрытых по причине невыполнения работы в срок или ее исполнения низкого качества. На 1 тыс. успешных проектов приходится всего 25 неудачных. В 2018 г. на сервисе зарегистрировано более 200 тыс. фрилансеров. Заказчиков в этом же году было зарегистрировано 83 тыс. (для сравнения: в 2015 г. – 45 тыс.), а за первое полугодие 2019 г. – уже более 150 тыс. Среднее количество ставок на проекты по наиболее востребованным направлениям составляет от трех до 12. Самые конкурентные сферы – создание логотипов, визиток, разработка фирменного стиля, дизайн интерьеров, полиграфический дизайн. Среднее количество ставок в подобных проектах – 21–30 [13].

Максимально востребованные направления – программирование, копирайтинг, SEO-продвижение сайтов. Востребованы удаленные специалисты – контент-менеджеры для наполнения интернет-магазинов, также в сферах анимации, фото-, видеосъемки, игровых приложений, рекламы, видео-, инфографики и др.

Таким образом, в ходе плавно распространяемых новых технологий в России, которые вытесняют человека из целых сфер и отраслей, изменится характер трудовых отношений [14]. Очевидно, что большинство наемного персонала в соответствии со своей квалификацией, компетенциями, знаниями и интересами будут формализоваться в качестве индивидуальных предпринимателей, самозанятых или в иных формах реализации.

Значительно возрастут спрос и предложение для дистанционных (удаленных) взаимодействий участников рынков, чему в немалой степени будет способствовать цифровая экономика, которая примет гигантские размеры, т.е. превратится в гиг-экономику (гигономику) – экономику локальных сделок, вовлекая в свое пространство фрилансеров, аутсорсеров и прочих субъектов новых нетрадиционных, нестандартных (для России) трудовых отношений. В этой связи требуется перестройка образования молодого населения (переподготовка среднего и старшего поколения) с ориентацией на гигономику, так как переходный период приведет к значительным проблемам, когда россияне еще не готовы оказывать дистанционные услуги возросшим запросам крупного и среднего бизнеса.

Поскольку фриланс – это прерогатива экономически развитых стран, зарождающаяся в России фриланс-экономика нуждается в подкреплении нормативной и экономической базы. Значительное отставание от современных требований рынка демонстрирует и образование, медленно разворачивающееся в сторону использования современных технологий.

Библиографический список

1. **Лapidус, Л. В.** Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией : монография / Л. В. Лapidус. – Москва : ИНФРА-М, 2018.
2. **Чikuнов, А.** Гиг-экономика: как роботы, фрилансеры и интернет меняют понятие «работы» / А. Чikuнов. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/335049-gig-ekonomika-kak-roboty-frilansery-i-internet-menyayut-ponyatie-raboty>
3. **Кoшкaлдa, И.** Гиг-экономика: как с этим жить? / И. Кошкaлдa. – URL: <https://ucg.in.ua/gig-ekonomika-kak-s-etim-zhit/>
4. **Лapidус, Л. В.** Что такое цифровая экономика и Индустрия 4.0? Принципы трансформации и перспективы для бизнеса. Перспективы развития электронного

- бизнеса и электронной коммерции / Л. В. Лapidус // Материалы IV межфакультетской научно-практической конференции молодых ученых (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, экономический факультет, 13 дек. 2017 г.) : доклады и выступления / под ред. Л. В. Лapidус. – Москва : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018.
5. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2015. – 311 с.
 6. **Голдтроп, Дж.** Социальный класс и дифференциация контрактов занятости / Дж. Голдтроп. – URL: <http://www.sociology/Kharkov.ua/socio/docs/problem>
 7. **Абалтусова, Л. А.** Высшее профессиональное образование как фактор преодоления и воспроизводства социального неравенства в России / Л. А. Абалтусова // Известия ТРТУ. – 2006. – № 13. – С. 55–67.
 8. **Гордон, М. М.** Социальный класс в американской социологии / М. М. Гордон // Социальная стратификация. – Москва : ИНИП РАН, 1992. – Вып. 3. – С. 45–68.
 9. Фриланс по-русски: что мешает россиянам уйти на вольные хлеба? – URL: <http://www.rbc.ru/society/24/08/2011/5703eb359a79477633d36e50>
 10. **Гимпельсон, В.** Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, С. Роцин. – URL: www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf
 11. **Бауман, З.** Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2015. – 500 с.
 12. **Лapidус, Л. В.** Краудсорсинг и краудфандинг. Маркетинговое продвижение проектов, продукции и услуг / Л. В. Лapidус // Вестник Финансового университета. – 2016. – № 4 (94).
 13. **Маркова, О.** Немного цифр. Статистика востребованности фрилансеров по версии FreelanceHunt / О. Маркова. – URL: <https://freelance.today/zhizn/frilans-nemnogo-cifr.html>
 14. **Гришин, Д.** Вместе с журналом РБК. Семь индустрий будущего, которые изменят нашу жизнь. / Д. Гришин. – URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/01/5853e39e9a79475ffbe03884/7.shtml>

References

1. Lapidus L. V. *Tsifrovaya ekonomika: upravlenie elektronnykh biznesom i elektronnoy kommersii: monografiya* [Digital economy: electronic business and electronic commerce management: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2018. [In Russian]
2. Chikunov A. *Gig-ekonomika: kak roboty, frilansery i internet menyayut ponyatie «raboty»* [Gig economics: how robots, freelancers and the Internet are changing the concept of “work”]. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/335049-gig-ekonomika-kak-roboty-frilansery-i-internet-menyayut-ponyatie-raboty> [In Russian]
3. Koshkalda I. *Gig-ekonomika: kak s etim zhit?* [Gig economy: how to live with it?]. Available at: <https://ucg.in.ua/gig-ekonomika-kak-s-etim-zhit/> [In Russian]
4. Lapidus L. V. *Materialy IV mezhfakul'tetskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchennykh (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, ekonomicheskii fakul'tet, 13 dek. 2017 g.): doklady i vystupleniya* [Proceedings of the IV International scientific and practical conference of young scientists (Moscow, Moscow State University, faculty of economics, the 13th of December, 2017)]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 2018. [In Russian]
5. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2015: stat. sb.* [Social status and living standards of the population of Russia. 2015: collected articles]. Rosstat. Moscow, 2015, 311 p. [In Russian]
6. Goldtrop Dzh. *Sotsial'nyy klass i differentsiatsiya kontraktov zanyatosti* [Social class and differentiation of employment contracts]. Available at: <http://www.sociology/Kharkov.ua/socio/docs/problem> [In Russian]

7. Abaltusova L. A. *Izvestiya TRTU* [Bulletin of Taganrog State Radio Engineering University]. 2006, no. 13, pp. 55–67. [In Russian]
8. Gordon M. M. *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: INP RAN, 1992, iss. 3, pp. 45–68. [In Russian]
9. *Frilans po-russki: chto meshaet rossiyanam uyti na vol'nye khleba?* [Freelance in Russian: what prevents Russians from leaving for free bread?]. Available at: <http://www.rbc.ru/society/24/08/2011/5703eb359a79477633d36e50> [In Russian]
10. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Roshchin S. *Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya* [Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Available at: www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf [In Russian]
11. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos, 2015, 500 p. [In Russian]
12. Lapidus L. V. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the University of Finance]. 2016, no. 4 (94). [In Russian]
13. Markova O. *Nemnogo tsifr. Statistika vostrebovannosti frilanserov po versii FreelanceHunt* [A few numbers. FreelanceHunt version of demand statistics for freelancers]. Available at: <https://freelance.today/zhizn/frilans-nemnogo-cifr.html> [In Russian]
14. Grishin D. *Vmeste s zhurnalom RBK. Sem' industriy budushchego, kotorye izmenyat nashu zhizn'* [Together with the magazine RBC. Network industry of the future that will change our lives]. Available at: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/01/5853e39e9a79475ffbe03884/7.shtml> [In Russian]

Лузгина Ольга Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: em@pnzgu.ru

Luzgina Ol'ga Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and finance,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Кузьмина Мария Геннадьевна

доцент, кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: em@pnzgu.ru

Kuz'mina Mariya Gennad'evna

Associate professor, sub-department
of economics and finance, Penza State
University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Лузгина, О. А. Социально-экономические последствия внедрения гига-экономики в промышленном бизнесе / О. А. Лузгина, М. Г. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 107–117. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-11.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕПРИВАЦИИ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЛОЕВ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье обоснованы методологический аппарат и методический инструментарий для исследования возможностей социальной депривации у разных социальных групп, входящих в малообеспеченные слои регионального социума. Актуальность исследования вызвана возникшим противоречием между накоплением социального потенциала, имеющимся у многих представителей малообеспеченных слоев населения, с одной стороны, и отсутствием социологического подхода к реализации этого потенциала в социальных стратегиях, что помогло бы снизить и уровни социальной депривации этих групп, с другой стороны.

Материалы и методы. В качестве методологии исследования выбран сетевой анализ. Анализ социальных сетей позволяет глубже изучить особенности и возможности социальной депривации у представителей таких социальных групп, как безработные, молодые инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные семьи, пенсионеры.

Результаты и выводы. Разработана типология представителей социальных групп, входящих в малообеспеченные слои, по признакам их социального поведения и прогнозам социального поведения в ближайшем будущем. В зависимости от признаков социальных статусов этих групп для них возникают неодинаковые вероятности наступления и развития социальной депривации.

Ключевые слова: социальная депривация, анализ социальных сетей, малообеспеченные слои населения.

L. I. Naydenova, S. A. Barsukova, Sh. G. Seidov

METHODOLOGY OF THE DEPRIVATION RESEARCH OF LOW-BRACKET CATEGORY OF THE REGIONAL SOCIUM

Abstract.

Background. The article substantiates the methodological apparatus and methodological tools for the study of the possibilities of social deprivation in different social groups belonging to low-income strata of regional society. The relevance of the study is caused by the contradiction between the accumulation of social potential, available to many representatives of the poor, on the one hand, and the lack of a sociological approach to the implementation of this potential in social strategies, which would help to reduce the levels of social deprivation of these groups, on the other hand.

Materials and methods. Network analysis was chosen as the research methodology. The analysis of social networks allows to study more deeply features and op-

portunities of social deprivation at representatives of such social groups as unemployed, young disabled people and persons with limited opportunities of health, large families, pensioners.

Results and conclusions. A typology of representatives of social groups belonging to low-income strata, on the grounds of their social behavior and social behavior forecasts in the near future. Depending on the signs of social status of these groups for them there are unequal probability of occurrence and development of social deprivation.

Keywords: social deprivation, analysis of social networks, low-bracket category of the population.

Современное состояние и перспективы стабильного развития российского общества в значительной мере определяются участием в этом процессе всех социальных слоев населения, в том числе и малообеспеченных. От выбора ими своих социальных стратегий (активных или пассивных) и от их типа поведения (от просоциального до асоциального) во многом зависят результаты современных социально-экономических реформ, а также стабильность в российском обществе.

Явно выраженная нестабильность социально-экономической среды современного российского общества потенциально содержит источник различных видов депривации. Определенные категории населения имеют изначально наименьшие шансы реализации своего потенциала из-за того, что менее доступными для них становятся такие социальные вознаграждения, как высокий социальный и экономический статус, власть, престиж. От определения депривации как фактора, влияющего на повседневные практики различных категорий населения, во многом зависит разработка регулятивных мер по сохранению социальной стабильности в региональном социуме.

Актуальность исследования определяется неостребованным социальным потенциалом малообеспеченных групп, который мог бы сыграть важную роль в их полноценной интеграции в социум, во включении их в социальные отношения.

Достаточно исчерпывающее по социологическому содержанию определение депривации приведено в научной работе К. В. Мохнаткиной. Автор понимает данный феномен прежде всего как «многоуровневое индивидуальное или групповое состояние вынужденного лишения, ограничения возможностей, недостаточного удовлетворения своих основных (жизненных) потребностей в достаточной мере в течение длительного времени». При этом исследователь отмечает, что депривация проявляется в отклонении от реальных общепринятых интернализованных норм и стандартов в обществе. Последствием этого состояния выступает ощущение собственной обездоленности [1, с. 54–55].

Российские социологи В. А. Аникин, Н. С. Бабич, М. К. Горшков, Л. Б. Москвин и другие исследуют проблему социальной депривации на основе изучения социального и экономического неравенства [2–5]. Другой важный аспект проблемы депривации – уровни и качество жизни как предпосылки этого социального явления – выбрали С. А. Айвазян, О. А. Воронкова, М. В. Корнилова, Т. Е. Минякова и другие [6–9]. В начале XXI в. появились работы, в которых исследуются формы депривации в конкретных сферах жизнедеятельности общества. Эти проблемы рассматривали А. С. Балабанов,

Е. С. Балабанова, Р. Р. Ишмухаметов, С. Е. Котляров, К. Муздыбаев и другие [10–13].

Модернизационные процессы, вызванные новой стратификацией российского общества, безусловно приводят к появлению новых форм и видов деприваций различных социальных групп населения. В настоящее время нарастающая дифференциация российского общества обнаруживает еще и качественный характер, что можно регистрировать по новым критериям (признакам) дифференциации. К таким признакам дифференциации в современном российском обществе можно отнести не только уровни жизни, доходов, благосостояния, но и показатели качества жизни, характерные для отдельных социальных групп, и также особенности общественного сознания, характерные для представителей отдельных групп. Это требует исследования проблем, являющихся предпосылками для такой дифференциации. В частности, это проблемы различий в социальных возможностях интеграции и в социальных рисках для больших групп социума, а также классификация жизненных шансов и рисков, наиболее важных для формирования неравенств между этими группами.

Н. Е. Тихонова, например, на основе анализа различий по жизненным возможностям и рискам между социальными группами российского общества показала, что массовые слои россиян распадаются сейчас на три разные группы [14]. В первую группу (около 15 % населения) вошла та часть населения России, у которой не наблюдаются признаки депривации, они благополучны с точки зрения материального достатка и удовлетворены своей работой, досугом, самореализацией. Представители ее имеют высшее образование, занимают высокие социально-профессиональные статусы, в основном сосредоточены в крупных городах и располагают хорошими реальными возможностями социального воспроизводства. Однако эта группа имеет тенденцию к сокращению численности. Во вторую и третью группы (около 85 % населения) объединены представители разных социальных страт, их характеризует то, что они постоянно балансируют между типичным для среднего россиянина жизненным стандартом и невозможностью его поддерживать [14, с. 64]. В жизни представителей нижней страты российского общества (около 30 % населения) преобладают разные риски, а их жизненные возможности очень ограничены, они не способны поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни. В опросах респонденты данной группы отмечают у себя такие типичные для них состояния, как чувства тревоги, раздражения, озлобленности и агрессии. Представители средней страты, включающей большую часть россиян (55,3 %), имеют, скорее, позитивное социально-психологическое состояние, но, с другой стороны, они в большинстве своем не считают хорошим ни свой статус в обществе, ни свою жизнь в целом [14, с. 60].

В связи с этим депривацию необходимо рассматривать не только как статичное явление, но и как динамичный процесс, имеющий свойство накапливать социальные проблемы и сохранять порождающие их негативные жизненные условия. Необходимо также учитывать, что в основе социальной депривации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Это в свою очередь предполагает необходимость исследовать представителей разных социальных групп населения страны по таким критериям социальной диффе-

ренциации, которые могут выступать неявно. Именно к таким неявным признакам, или критериям, следует отнести факторы социального поведения, затрудняющие интеграцию в социальное микро- и макроокружение и блокирующие возможности реализации внутренних личностных ресурсов.

Среди факторов, влияющих на депривационные процессы, значительное место занимают такие, как возраст, состояние здоровья, профессиональный и семейный статусы [15–17]. По мнению авторов, различные социальные группы малообеспеченного населения, с разными вероятностями наступления и развития депривации, можно представить следующим образом:

– группы высокой вероятности. Это по возрасту – престарелые и пожилые, по месту жительства – проживающие преимущественно в сельской местности, с низкими социальными статусами. Сюда же относятся многодетные семьи, которые нередко считаются (и действительно оказываются) неблагополучными и программируют асоциальное и даже антисоциальное поведение своих более молодых членов семей;

– группы средней вероятности. Это безработные предпенсионного возраста, большинство индивидов с инвалидностью или с ограниченными возможностями здоровья и более благополучные многодетные семьи, а также индивиды пенсионного возраста (пожилые) с достаточно высоким социальным статусом до выхода на пенсию и еще более молодые инвалиды с тяжелыми заболеваниями, ограничивающими возможности социальных взаимодействий. Проживание – в достаточно крупных центрах регионов (субъектов РФ) или в менее населенных городах, но входящих в состав развитого российского региона;

– группы низкой вероятности. В основном это молодые безработные выпускники профессиональных учебных заведений, которым сразу не удалось по ряду причин устроиться на работу, но реальная возможность трудоустройства имеется. Сюда же можно отнести молодых инвалидов и лиц с ограниченными возможностями по состоянию здоровья, проживающих в крупнейших городах РФ или в менее населенных городах, но в регионах не только с высоким уровнем жизни, но и с развитыми системами здравоохранения, социальной защиты, трудоустройства;

– группы переменной, или неустойчивой, вероятности. Это индивиды, которые могут входит в третью и – реже – во вторую группу, но по ряду объективных причин их социальный статус может снижаться. При наличии высокой активности и активных социальных стратегий поведения, поддерживаемых социальной политикой государства, к ним может вернуться прежний статус или он даже еще более повысится.

Недостаточное внимание к проблеме депривации малообеспеченного населения способно провоцировать дальнейшее углубление социального неравенства за счет воспроизводства и расширения указанных депривированных групп, дезинтеграцию социального пространства и, как следствие, усиление социальной напряженности и протеста, укрепление девиантного/деструктивного поведения в повседневной жизни. Все эти процессы представляют угрозу для современного российского общества как на уровне личности, так и на уровне государственности.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать задачи исследований, связанных с определением закономерностей депривации и возможностей ее регулирования в сторону увеличения стабильности регионального социума:

– уточнение особенностей социальной депривации у разных слоев малообеспеченного населения в современном региональном социуме;

– определение признаков и факторов, влияющих на разные уровни социальной депривации различных социальных групп, входящих в малообеспеченное население;

– определение новых современных методологических подходов к проблеме выявления и преодоления социально-экономической депривации групп населения.

В качестве методологического подхода мы предлагаем сетевой подход к анализу социальных сетей, так как они предполагают социальное взаимодействие, а именно оно является источником любой социальной адаптации и последующей социальной интеграции как отдельных индивидов, так и целых социальных групп и слоев.

Представители этого активно развивающегося направления в западной социологии, такие как Р. Берт, М. Грановеттер, Д. Кракхардт, Э. Лауманн, А. Рапопорт, Б. Веллман, Д. Р. Уайт и Х. Уайт, посвятили свои работы обоснованию более широкого использования систематического анализа социальных сетей. С позиций анализа последних можно предположить, что социальная депривация становится показателем и результатом того, что индивидам не удается с помощью доступного им социального взаимодействия ни интегрироваться в окружающий социум, ни закрепиться в том социальном статусе, в котором они были ранее или хотели бы быть и который устраивал бы их.

Рассмотрим явление социальной депривации с позиций анализа социальных сетей, используя методологический аппарат, обзор которого дан в работе Д. В. Мальцевой [18]. Комплекс объяснительных моделей и аналитических инструментальных средств в данном направлении отличается от методики обычных количественных методов. При анализе в первую очередь изучаются формы и структуры в качестве сетей, куда входят круг знакомых человека и налаженные между ними социальные взаимосвязи [18, с. 7]. В определении источников социального действия при данном подходе источником выступают внешние условия, а не внутренняя природа элементов.

Учитывая тот факт, что крайняя степень депривации характеризуется временной или постоянной, полной или частичной изоляцией от своего круга, социальной среды, а крайней формой проявления депривации является социальная эксклюзия, объектом анализа должны выступать практические отношения как связи между узлами сети. Методика анализа социальных связей предполагает изучение таких основных свойств, как сила связи, показывающая близость акторов, а также продолжительность и частоту контактов между ними, размер сети, центральность, структурную эквивалентность [19]. Социальные структуры способны ограничивать поведение индивида и определять его выбор, так как для регулирования социального поведения существуют нормы, которые проявляются прежде всего через эффекты структурного статуса индивидов в системах социальных отношений [18, с. 8]. В качестве предмета исследования могут быть глубинные социальные структуры, которые либо разрешают, либо не разрешают индивидам получать доступ к ресурсам, поскольку индивиды занимают разные статусы в социальной структуре [19, с. 7].

В процессе исследования необходимо учитывать, что социальная депривация часто носит региональный характер в условиях российской дей-

ствительности. Данное состояние может накапливаться из поколения в поколение и становится устойчивым, закрепляться среди населения определенных географических зон. Ежегодные статистические отчеты свидетельствуют о том, что внутри РФ стабильно бедными регионами являются Алтайский край, Ивановская область, Псковская область, Республика Ингушетия, Смоленская область. В связи с этим появляется необходимость научного осмысления и изучения проблемы преодоления социальной депривации малообеспеченных групп населения в условиях российского региона.

Такой методологический подход, на наш взгляд, позволит по-новому, более глубоко исследовать социальные проблемы депривации, их вероятность во взаимосвязи с современной социальной стратификацией в российском обществе.

Библиографический список

1. **Мохнаткина, К. В.** Экономическая и эмоциональная депривации россиян: корреляционный анализ / К. В. Мохнаткина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». – 2018. – Т. 18, вып. 2. – С. 169–174.
2. **Аникин, В. А.** Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика / В. А. Аникин, Н. Е. Тихонова // Общество и экономика. – 2016. – № 1. – С. 78–114.
3. **Бабич, Н. С.** Статус типологического метода в эмпирических исследованиях социального неравенства / Н. С. Бабич // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 9.
4. **Горшков, М. К.** Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. / М. К. Горшков. – Москва : Новый хронограф, 2016. – Т. 2. – 496 с.
5. **Москвин, Л. Б.** Проблема выравнивания неравенства в современном обществе / Л. Б. Москвин // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 27–45.
6. **Айвазян, С. А.** Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях / С. А. Айвазян. – Москва : ЦЭМИ РАН, 2000.
7. **Воронкова, О. А.** Социальная идентичность в идеологических условиях формирования и изменения / О. А. Воронкова // Социальные изменения в современном обществе : монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. – Ульяновск : Зебра, 2016. – С. 21–33.
8. **Корнилова, М. В.** Инновации и риски мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей: анализ материалов фокус-дискуссии / М. В. Корнилова // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 1. – С. 267–281.
9. **Минякова, Т. Е.** Уровень жизни населения: перспективы и тенденции развития (на примере России и Китая) / Т. Е. Минякова. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – 135 с.
10. **Балабанов, А. С.** Социальное неравенство: факторы углубления депривации / А. С. Балабанов, Е. С. Балабанова // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 34–43.
11. **Ишмухаметов, Р. Р.** Депривация потребности в самореализации как фактор миграционной готовности личности. На примере молодежи Забайкальского края / Р. Р. Ишмухаметов. – Москва : Либроком, 2009. – 216 с.
12. **Котляров, С. Е.** Проблемы классификации и интерпретации социальной депривации в современной социологической теории / С. Е. Котляров // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2006. – № 46. – С. 29–34.

13. **Муздыбаев, К.** Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 5–31.
14. **Тихонова, Н. Е.** Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2018. – № 6. – С. 53–65.
15. **Кошарная, Г. Б.** Методологические аспекты исследования интегрирования в социум молодых инвалидов и лиц с ограниченными возможностями по здоровью / Г. Б. Кошарная, Л. И. Найденова, Н. В. Корж, Е. А. Данилова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 86–96.
16. **Щанина, Е. В.** Основные факторы социальной адаптации пожилых людей в современном обществе / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 138–148.
17. **Тарханова, Е. С.** Социально-экономические аспекты и динамика женской безработицы в современном российском обществе / Е. С. Тарханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1 (42). – С. 88–105.
18. **Мальцева, Д. В.** Сетевой подход как феномен социологической теории / Д. В. Мальцева // Социс. – 2018. – № 4. – С. 3–14.
19. **Градосельская, Г. В.** Сетевые измерения в социологии / Г. В. Градосельская ; под ред. Г. С. Батыгина. – Москва : Новый учебник, 2004. – 248 с.

References

1. Mokhnatkina K. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. «Sotsiologiya. Politologiya»* [Bulletin of Saratov University. New series. Series “Sociology. Political science”]. 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 169–174. [In Russian]
2. Anikin V. A., Tikhonova N. E. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics]. 2016, no. 1, pp. 78–114. [In Russian]
3. Babich N. S. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern researches of social problems]. 2012, no. 9. [In Russian]
4. Gorshkov M. K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki): v 2 t.* [Russian society as it is (experience of sociological diagnosis): in 2 volumes]. Moscow: Novyy khronograf, 2016, vol. 2, 496 p. [In Russian]
5. Moskvina L. B. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2015, no. 3, pp. 27–45. [In Russian]
6. Ayvazyan S. A. *Integral'nye indikatory kachestva zhizni naseleniya: ikh postroyeniye i ispol'zovaniye v sotsial'no-ekonomicheskom upravlenii i mezhregional'nykh sopostavleniyakh* [Integral indicators of the quality of the population life: their construction and use in socio-economic management and interregional comparisons]. Moscow: TsEMI RAN, 2000. [In Russian]
7. Voronkova O. A. *Sotsial'nye izmeneniya v sovremennom obshchestve: monografiya* [Social changes in modern society: monograph]. Ulyanovsk: Zebra, 2016, pp. 21–33. [In Russian]
8. Kornilova M. V. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management]. 2017, no. 1, pp. 267–281. [In Russian]
9. Minyakova T. E. *Uroven' zhizni naseleniya: perspektivy i tendentsii razvitiya (na primere Rossii i Kitaya)* [The standard of living of the population: prospects and development trends (on example of, Russia and China)]. Ulyanovsk: UIGTU, 2012, 135 p. [In Russian]
10. Balabanov A. S., Balabanova E. S. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2003, no. 7, pp. 34–43. [In Russian]

11. Ishmukhametov R. R. *Deprivatsiya potrebnosti v samorealizatsii kak faktor migratsionnoy gotovnosti lichnosti. Na primere molodezhi Zabaykal'skogo kraya* [Deprivation of the need for self-realization as a factor of migratory readiness of a personality. On the example of the youth of the Trans-Baikal Territory]. Moscow: Librokom, 2009, 216 p. [In Russian]
12. Kotlyarov S. E. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University]. 2006, no. 46, pp. 29–34. [In Russian]
13. Muzdybaev K. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2001, no. 1, pp. 5–31. [In Russian]
14. Tikhonova N. E. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2018, no. 6, pp. 53–65. [In Russian]
15. Kosharnaya G. B., Naydenova L. I., Korzh N. V., Danilova E. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2018, no. 2 (46), pp. 86–96. [In Russian]
16. Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2017, no. 2 (42), pp. 138–148. [In Russian]
17. Tarkhanova E. S. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2019, no. 1 (42), pp. 88–105. [In Russian]
18. Mal'tseva D. V. *Sotsis*. [Sotsis journal]. 2018, no. 4, pp. 3–14. [In Russian]
19. Gradosel'skaya G. V. *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network dimensions in sociology]. Moscow: Novyy uchebnik, 2004, 248 p. [In Russian]

Найденова Людмила Ивановна

доктор социологических наук,
профессор, кафедра социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Naydenova Lyudmila Ivanovna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of sociology and personnel
management, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Барсукова Светлана Александровна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра социологии и управления
персоналом, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: em@pnzgu.ru

Barsukova Svetlana Aleksandrovna

Candidate of pedagogic sciences, associate
professor, sub-department of sociology
and personnel management, Penza
State University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич

доктор политических наук, профессор,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Seidov Shakhrutdin Gadzhialievich

Doctor of political sciences, professor,
sub-department of state and law disciplines,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Найденова, Л. И. Методология исследования депривации малообеспеченных слоев регионального социума / Л. И. Найденова, С. А. Барсукова, Ш. Г. Сеидов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 118–126. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-12.

*В. В. Бондаренко, С. В. Полутин,
Е. В. Кузнецова, В. А. Юдина*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ГОССЛУЖАЩИХ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение отечественного и мирового опыта по формированию моделей компетенций персонала, а также понимание необходимости использования компетентностного подхода в среде служащих являются актуальной задачей по совершенствованию не только корпоративной системы управления персоналом, но и системы государственного управления. Цель работы – выявление основных направлений формирования профессиональных компетенций государственных служащих, что особенно актуально в эпоху цифровизации и всесторонней информатизации управления.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в работе использовался метод экспертных оценок в совокупности с анкетным опросом, что позволяет наиболее полно представить диапазон имеющихся мнений по изучаемой проблематике. Также был проведен обзор вторичной информации – специальных источников: трудов отечественных и зарубежных специалистов и ученых, отражающих проблемы реализации компетентностного подхода в кадровой работе.

Результаты. На основе результатов проведенного исследования выявлено несколько уровней компетенций служащих. Первый уровень – компетенции в рамках базовых квалификационных требований. Второй уровень – компетенции, определяемые видом и областью профессиональной служебной деятельности служащих. Ранжированы инструменты для саморазвития и решения производственных проблем, что обусловлено необходимостью выполнения требований к повышению квалификации госслужащих.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, не существует единых подходов к оформлению требований к профессиональным знаниям и навыкам, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий для должностей государственной службы, необходимых в условиях цифровизации экономики и решения соответствующих задач. Важно отметить, что отсутствует единый методологический подход к формированию модели компетенции в условиях цифровизации экономики и государственного управления. В этой связи предлагается свести к единому стандарту квалификационные требования, предъявляемые к компетенциям государственных гражданских служащих в сфере применения информационно-коммуникационных технологий с учетом современных требований.

Ключевые слова: компетентностный подход, информационно-коммуникационные технологии, служащие, административный регламент, квалификационные требования.

V. V. Bondarenko, S. V. Polutin, E. V. Kuznetsova, V. A. Yudina

THE MAIN DIRECTIONS OF PROFESSIONAL COMPETENCIES' FORMATION OF STATE EMPLOYEE

Abstract.

Background. Studying the essence, domestic and world experience in the formation of personnel competency models, as well as understanding the need to use a competency-based approach among employees is an urgent task to improve not only the corporate personnel management system, but also the public administration system. The purpose of the work is to identify the main directions of the formation of professional competencies of civil servants, which is especially important in the era of digitalization and comprehensive management informatization.

Materials and methods. To achieve this goal, the method of expert assessments was used in conjunction with a questionnaire survey, which allows us to most fully present the range of available opinions on the problems being studied. A review was also conducted of secondary information – special sources: the works of domestic and foreign specialists and scientists, reflecting the problems of implementing the competency-based approach in personnel work.

Results. Based on the results of the study, several levels of competencies of employees were identified. The first level is competencies within the framework of basic qualification requirements. The second level is competencies defined by the type and area of professional performance of employees. The tools for self-development and solving production problems are ranked, due to the need to fulfill the requirements for advanced training of civil servants.

Conclusions. The analysis allows us to conclude that, firstly, there are no unified approaches to formalizing the requirements for professional knowledge and skills, especially in the field of information and communication technologies for public service positions necessary in the context of digitalization of the economy and solving the corresponding problems. It should be noted that there is no single methodological approach to the formation of a competency model in the digitalization of the economy and public administration. In this regard, it is proposed to reduce to a single standard the qualification requirements for the competencies of civil servants in the application of information and communication technologies, taking into account modern requirements.

Keywords: competency-based approach, information and communication technologies, employees, administrative regulations, qualification requirements.

Компетентностный подход стал основой формирования профессиональных компетенций госслужащих практически во всех странах. Для профессиональной деятельности важными считаются не все компетенции, а лишь тот набор знаний, умений и навыков, личный опыт и мировоззрение, которые позволят сотруднику качественно и эффективно выполнить ряд поставленных задач.

Становление ориентированного на компетенции образования (competence-based education – CBE) началось в 1970-х гг. в Америке. Российская образовательная система в настоящее время реализует основные положения компетентностного обучения (Competence-based Learning – CBL), в основе которого – ориентация на обучающегося, а не на предыдущую профориентационную систему [1].

Компетентностное обучение представляет собой процесс обучения, в центре которого находятся развитие его самостоятельности, а также потенци-

ал и ответственность каждого учащегося. Эта система преподавания и обучения ориентирована на студента. Задачами СВЛ являются формирование у студента общих (трансверсальных) компетенций и специфических компетенций, относящихся к каждой профессии, и возможность применять такие знания в различных сложных контекстах.

Так, в классификации понятий компетентного обучения Европейского пространства высшего образования все компетенции могут быть разделены на три основных блока:

– инструментальные компетенции. Требуют сочетания навыков и когнитивных способностей, необходимых для профессиональной компетентности. К ним относятся ремесленные и физические навыки, когнитивное понимание, языковые способности и академические достижения;

– межличностные компетенции. Определяются в основном индивидуальными способностями и относятся к способности, умению выражать свои чувства и эмоции наиболее подходящим образом, этично вести себя по отношению к чувствам других людей, что делает возможным командную работу для достижения поставленных целей. Межличностные компетенции связаны со способностью действовать с великодушием и пониманием по отношению к другим, для чего в первую очередь необходимо познать себя. Эти навыки подразумевают способность объективировать, идентифицировать и информировать чувства и эмоции, будь то собственные или чужие, способствовать социальному взаимодействию и сотрудничеству;

– системные компетенции. Включают навыки и способности, связанные с целой системой. Они требуют сочетания воображения, чувствительности и способности, т.е. выполнения принципа когерентности. Такие компетенции включают в себя способность планировать изменения, которые внесут улучшение в общие системы, и способность проектировать новые системы. Эти компетенции основаны на ранее приобретенных инструментальных и межличностных компетенциях [2].

Для развития инструментальных компетенций важно приобретение следующих качеств: способности к интеграции; ориентация на знания; познавательные способности мышления, анализа, оценки, аргументации. Необходимы также компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии.

Для формирования межличностных компетенций следует развивать навыки разрешения конфликтов, уважение к культуре других народов, общие познания, ответственность, этикет и хорошие манеры, учтивость, чувство собственного достоинства, общительность, честность [3].

Аффективный (эмоционально окрашенный) аспект сотрудничества требует признания вклада других, признания того, что сотрудничество дает нам возможность познакомиться с другими людьми и другими точками зрения, что будет способствовать завершению нашего собственного вклада.

Для формирования и развития компетенций, связанных с совершенствованием существующих систем, важно развивать следующие качества:

- ответственность за самообразование, личное и социальное развитие;
- формирование компетентности в тайм-менеджменте и планировании, выполнение бездефектной работы, соблюдение правил работы в команде, соблюдение сроков сдачи работы и т.д.;
- бизнес-навыки [4].

К специфическим профессиональным относят также компетенции, связанные с такими видами деятельности, как планирование, проектирование, исследовательская деятельность и т.п., а также с деятельностью в сфере информационных технологий (прием, обработка, передача информации, в том числе посредством интернет-технологий) и познавательной [5].

Так, британский психолог Дж. Равен приводит несколько десятков видов компетенций, среди которых для нашего исследования подходят такие, как: использование обратной связи; готовность и способность обучаться самостоятельно; ясно понимать ценности, концентрировать внимание на проблеме, связанной с достижением поставленных целей; быть уверенным в себе и адаптивным к неопределенным условиям; обладать критическим мышлением, самостоятельностью мышления, оригинальностью; быть готовым к решению сложных вопросов и к инновациям; владеть самоконтролем, навыком абстрагироваться и размышлять о будущем, способностью принимать решения; быть персонально ответственным за совместную работу ради достижения цели и т.п. [6, с. 281–296].

Принимая во внимание специфику деятельности госслужащих, выделим наиболее эффективный метод исследования – метод экспертных оценок в сочетании с анкетным опросом. В нашем исследовании приняли участие эксперты пяти групп четырех категорий должностей госслужащих. Всего в опросе участвовал 101 эксперт из 13 органов государственной власти: 46 % составили служащие Гохрана России; 43 % – государственных организаций Пензенской области; 4 % – Минэкономразвития России; 4 % – администрации губернатора Санкт-Петербурга и других организаций. Служащие, принявшие участие в опросе, были разных возрастных групп: 28 % – представители молодого поколения (до 30 лет); 52 % – средняя возрастная группа (от 31 года до 50 лет); 21 % – от 51 года и старше. Большая часть опрошенных (72 %) – женщины. Уровень образования респондентов соответствует различным ступеням, включая магистратуру (11 %), аспирантуру и докторантуру (по 1 % соответственно). 13% опрошенных подтвердили наличие второго высшего образования или степень магистра делового администрирования (МВА).

Также был проведен обзор вторичной информации – трудов отечественных и зарубежных специалистов и ученых, отражающих проблемы реализации компетентностного подхода в кадровой работе в системе управления. На основе результатов проведенного исследования были выявлены закономерности и тенденции формирования компетенций служащих в условиях цифровизации.

Базовые квалификационные требования к знаниям и умениям, необходимым для замещения должностей государственных гражданских служащих, включают такие подуровни, как общепрофессиональные, нормативно-правовые, информационно-коммуникативные компетенции [7].

Таким образом, можно выделить два уровня ключевых компетенций служащих. Первый уровень – компетенции в рамках базовых квалификационных требований, к которым относятся: знание русского языка; знание основ Конституции РФ, законодательства о гражданской службе, законодательства о противодействии коррупции; знания и умения в области информационно-коммуникационных технологий; общие и управленческие умения, сви-

детельствующие о наличии необходимых профессиональных и личностных качеств (компетенций), что соответствует содержанию групп общепрофессиональных, нормативных и правовых, информационно-коммуникативных компетенций рассматриваемой модели [8].

Второй уровень – компетенции в зависимости от профессиональной сферы и вида служебной деятельности служащих, что можно наблюдать в рамках профессионально-функциональных квалификационных требований. Мы предлагаем проводить оценку уровня компетенций госслужащих в соответствии с п. 3 «Методического инструментария по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы», а также с разделами П1–П32 Справочника квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, необходимых для замещения должностей государственной гражданской службы [9].

Профессиональная служебная деятельность гражданского служащего осуществляется в соответствии с должностным регламентом. Положения должностного регламента учитываются при проведении конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы, аттестации, квалификационного экзамена, при планировании профессиональной служебной деятельности.

Результаты исполнения служащим вышеуказанного должностного регламента учитываются при проведении конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы или включении служащего в кадровый резерв, оценке его профессиональной служебной деятельности при проведении аттестации, квалификационного экзамена либо поощрении гражданского служащего [10].

Подробную информацию о вакансиях в органах государственной власти с указанием квалификационных требований к кандидатам можно найти на созданном в 2015 г. федеральном портале государственной службы и управленческих кадров. Здесь также по некоторым вакансиям представлены и должностные регламенты.

Наиболее интересным для исследования стал анализ требований к профессиональным знаниям и навыкам в области цифровых технологий, которые в настоящий момент предъявляются к кандидатам. Был проведен анализ должностных регламентов различных органов государственной власти нескольких субъектов Российской Федерации, размещенных на портале «Госслужба». В результате анализа было выявлено, что 1/2 из рассматриваемых регламентов содержит самое общее описание профессиональных навыков, которыми необходимо обладать претенденту на вакантную должность. Особое внимание в вышеуказанных документах уделяется знаниям систем взаимодействия между различными ведомствами и умениям пользоваться государственными информационными ресурсами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, не существует единых норм или шаблонов по оформлению требований к профессиональным знаниям и навыкам для должностей государственных гражданских служащих. Также нет и общего подхода к полноте раскрытия данных требований. В одном документе это занимает буквально несколько строк, в других – целую страницу.

Для структурирования требований, предъявляемым к кандидатам, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации подготовлен

«Справочник квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и государственным гражданским служащим», включающий базовые и функциональные квалификационные требования [11].

Субъектно-ориентированный подход в управлении кадрами также подразумевает создание карьерного лифта. Более того, в систему управления кадрами государственной гражданской службы необходимо внедрять новые формы развития компетенций (спич-сессии с ключевыми экспертами из разных функций, мастер-классы экспертов по креативу, инженерии, по продвижению в соцсетях и постановке шоу и т.п.), а также новые форматы коммуникаций (регулярный онлайн townhall с топ-менеджерами на тему изменений; дайджест новостей об изменениях от департаментов для всех сотрудников; ролики с agile-командами; отраслевое обучение, корпоративный университет (опыт «Сбербанка», КРОК), в том числе курсы по digital skills (онлайн-курсы по развитию цифровых навыков); микрообучение по VR, BIGDATA, Blockchain; CustDev; Scrum и KanBan; UX/UI) [14]. Укреплению системы профессиональной ориентации, наряду с новой стратегией обучения и повышения квалификации, будет способствовать переход к компетентностно-ориентированному подходу, который из тенденции уже превратился в мейнстрим развития систем управления кадрами во всем мире, как в частном бизнесе, так и на государственной службе [12].

Результаты экспертного опроса госслужащих показывают наиболее значимые инструменты для саморазвития и решения возникающих в профессиональной деятельности проблем (рис. 1).

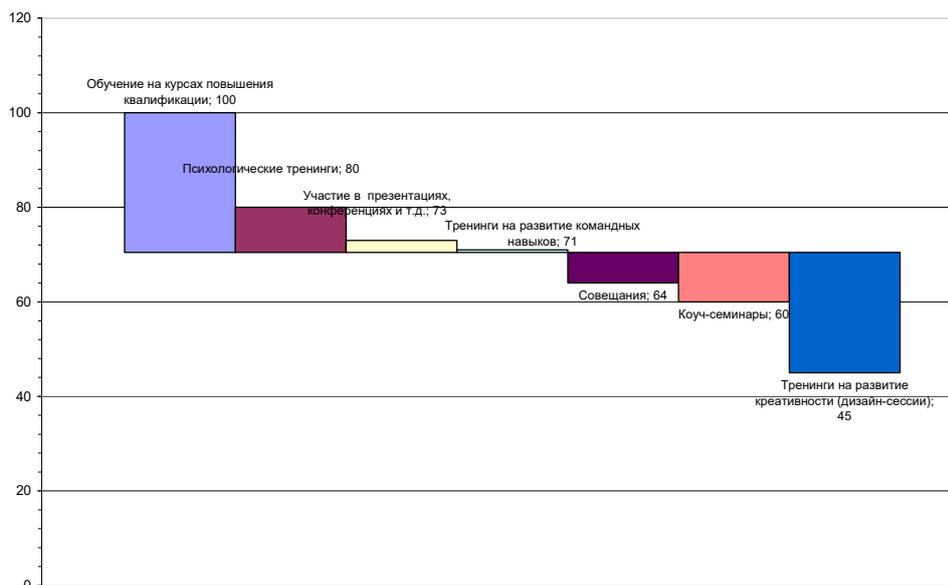

Рис. 1. Средняя априорная диаграмма инструментов саморазвития (в баллах; $T_{cp} = 70,42857$ балла)

Таковыми инструментами являются обучение на курсах повышения квалификации и психологические тренинги. Это обусловлено тем, что в соответствии с существующей нормативной правовой базой данные инструменты

саморазвития обеспечивают выполнение предписаний и требований к профессиональному развитию государственных гражданских служащих.

Если ранее действовавшая система предусматривала только профессиональную переподготовку и повышение квалификации госслужащих, причем исключительно в рамках госзаказа, что сужало возможности госорганов при организации дополнительного профобразования, то сегодня к мероприятиям по профразвитию, помимо дополнительного профобразования, могут относиться семинары, тренинги, мероприятия по обмену опытом [13].

Тем не менее отсутствие единого методологического подхода к разработке мероприятий в системе управления развитием кадрового потенциала государственных гражданских служащих приводит к тому, что в большинстве органов местного самоуправления не работают программы развития, управления талантами, критериев оценки результатов обучения; процедуры повышения квалификации не систематизированы и слабо используются в аналитической деятельности кадровых служб.

Таким образом, анкетирование госслужащих и экспертные оценки позволили идентифицировать основные проблемы, существующие в области развития карьеры на государственной гражданской службе:

- отсутствие универсального трекинга карьеры госслужащих в органах государственного и муниципального управления (39 %);
- разбалансированность нормативно-правовой базы, касающейся вопросов подготовки и развития государственных служащих (22 %);
- слабая оценка результатов работы госслужащего с использованием системы ключевых показателей эффективности деятельности (14 %);
- недостаточно сформированная система менторинга и коучинга на государственной службе (14 %);
- прием в организацию претендентов из внешних источников набора, который препятствует реализации мотивационных установок служащих внутри организации (8 %);
- большая степень участия влиятельных руководителей, заинтересованных и других лиц в процессе служебно-профессионального продвижения «нужных» и лояльных сотрудников (3 %) [14].

Итак, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в современных условиях информатизации и цифровизации необходимо формирование адаптивной модели профессиональных компетенций государственных гражданских служащих, в основе которой будут спроектированы навыки и умения, ориентированные прежде всего на поддержку функционирования и совершенствование взаимодействия интеллектуальных систем общества, бизнеса и органов государственной власти по всем направлениям оказания государственных услуг, а также на создание модели индивидуального трекинга карьеры государственных гражданских служащих, позволяющую идентифицировать свое место в структуре государственного управления, сформировать систему мотивации госслужащих к максимально полному раскрытию профессионального, делового и личностного потенциалов.

Библиографический список

1. **Васильева, Е. В.** Human-Oriented Approach in Forming of Key Competences of Civil Servants in the Conditions of Digital Transformation of the Economy /

- Е. В. Васильева, В. Н. Пуляева, В. А. Юдина // *Управленческие науки*. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 76–95.
2. **Правдин, А. А.** Зарубежный опыт профессиональной подготовки государственных служащих / А. А. Правдин // *Вестник экспертного совета*. – 2016. – № 2. – С. 92–94.
 3. **Верников, В. А.** Стратегическое планирование и управление производительностью труда в сфере цифрового предпринимательства путем развития предпринимательских компетенций / В. А. Верников, Ш. Б. Хамбазаров // *Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС*. – 2019. – № 2 (18). – С. 38–46.
 4. Competence-based Learning. A proposal for the assessment of generic competences (Компетентностное обучение. Предложение по оценке общих компетенций) / A. V. Sanchez, M. P. Ruiz, other. – University of Deusto, 2008. – 335 p.
 5. **Lane, D. C.** Jay Wright Forrester Chapter 20 in Profiles in Operations Research: Pioneers and Innovators / David C. Lane, John D. Sterman. – New York : Springer, 2011. – P. 363–386.
 6. **Равен, Дж.** Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация : практ. пособие / Дж. Равен ; пер. с англ. – Москва : Когито-Центр, 2002. – 396 с.
 7. Эффективность управления кадрами государственной гражданской службы в условиях развития цифровой экономики и общества знаний : монография / под ред. Е. В. Васильевой, Б. Б. Славина ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет). – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 266 с.
 8. О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы : Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 16 (в ред. Указа Президента РФ от 12.10.2017 № 478). – URL: <http://base.garant.ru/71587648/>
 9. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/
 10. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 (в ред. Указа Президента РФ от 10.09.2017 № 419). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51515/
 11. Методический инструментарий по установлению квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и государственным гражданским служащим. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/11>
 12. **Пантелева, М. В.** Компетентностный подход в образовании: российский и зарубежный опыт / М. В. Пантелева, А. С. Сухристина // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Образование. Педагогические науки*. – 2016. – № 4. – С. 100–104.
 13. **Алтухова, Н. Ф.** Компетентностный подход в управлении кадрами государственной службы на основе онтологий / Н. Ф. Алтухова, Е. В. Васильева, М. В. Мирзоян // *Бизнес-информатика*. – 2018. – № 1 (43). – С. 17–27.
 14. **Бондаренко, В. В.** Повышение эффективности в системе госуправления на основе разработки квалификационных требований к замещению должностей государственных гражданских служащих / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, М. А. Танина // *Теоретико-методологические подходы к формированию системы развития предприятий, комплексов, регионов : монография / под общ. ред. В. В. Бондаренко, Ф. Е. Удалова*. – Пенза : МНИЦ ПГСХА, 2015. – 134 с.

References

1. Vasil'eva E. V., Pulyaeva V. N., Yudina V. A. *Upravlencheskie nauki* [Administrative sciences]. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 76–95. [In Russian]
2. Pravdin A. A. *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the expert council]. 2016, no. 2, pp. 92–94. [In Russian]
3. Vernikov V. A., Khambazarov Sh. B. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy vysshey shkoly biznesa MIRBIS* [Bulletin of Moscow International Higher Business School MIRBIS]. 2019, no. 2 (18), pp. 38–46. [In Russian]
4. Sanchez A. V., Ruiz M. P., other *Competence-based Learning. A proposal for the assessment of generic competences (Kompetentnostnoe obuchenie. Predlozhenie po otsenke obshchikh kompetentsiy)*. University of Deusto, 2008, 335 p.
5. Lane D. C., Sberman J. D. *Jay Wright Forrester Chapter 20 in Profiles in Operations Research: Pioneers and Innovators*. New York: Springer, 2011, pp. 363–386.
6. Raven Dzh. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitie i realizatsiya: prakt. posobie* [Competence in modern society: identification, development and implementation: practical aid]; transl. from Engl. Moscow: Kogito-Tsentr, 2002, 396 p. [In Russian]
7. *Effektivnost' upravleniya kadrami gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki i obshchestva znaniy: monografiya* [The effectiveness of personnel management of the civil service in the conditions of development of the digital economy and knowledge society: monograph]. Eds. E. V. Vasil'eva, B. B. Slavin; Finansovyy universitet pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii (Finansovyy universitet). Moscow: INFRA-M, 2018, 266 p. [In Russian]
8. *O kvalifikatsionnykh trebovaniyakh k stazhu gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby ili stazhu raboty po spetsial'nosti, napravleniyu podgotovki, kotoryy neobkhodim dlya zameshcheniya dolzhnostey federal'noy gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby: Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 16 (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 12.10.2017 № 478)* [On qualification requirements for the experience of the state civil service or the length of service in the specialty, the direction of training, which is necessary to fill the posts of the federal state civil service: Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No.16 (revised by Decree of President of the Russian Federation of October 12, 2017 No.478)]. Available at: <http://base.garant.ru/71587648/> [In Russian]
9. *O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204* [On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024: Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018 No.204]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ [In Russian]
10. *O konkurse na zameshchenie vakantnoy dolzhnosti gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 01.02.2005 № 112 (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 10.09.2017 № 419)* [On the competition for filling the vacant position of the state civil service of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of September 10, 2017, no. 419]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51515/ [In Russian]
11. *Metodicheskiy instrumentariy po ustanovleniyu kvalifikatsionnykh trebovaniy k pretendentam na zameshchenie dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby i gosudarstvennym grazhdanskim sluzhashchim* [Methodological tools for establishing qualification requirements for applicants for filling the positions of the state civil service and state civil servants]. Available at: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/11> [In Russian]
12. Panteleva M. V., Sukhristina A. S. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogic sciences]. 2016, no. 4, pp. 100–104. [In Russian]

13. Altukhova N. F., Vasil'eva E. V., Mirzoyan M. V. *Biznes-informatika* [Business Informatics]. 2018, no. 1 (43), pp. 17–27. [In Russian]
14. Bondarenko V. V., Yudina V. A., Tanina M. A. *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k formirovaniyu sistemy razvitiya predpriyatiy, kompleksov, regionov: monografiya* [Theoretical and methodological approaches to the formation of the development system of enterprises, complexes, regions: monograph]. Penza: MNITs PGSKhA, 2015, 134 p. [In Russian]
-

Бондаренко Владимир Викторович

доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, директор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Пензенский филиал) (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

E-mail: vvbondarenko@fa.ru

Полутин Сергей Викторович

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: polutin.sergei@yandex.ru

Кузнецова Елена Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Пензенский филиал) (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

E-mail: elena_myskina@mail.ru

Юдина Вера Александровна

кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Пензенский филиал) (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

E-mail: veraluzgina@yandex.ru

Bondarenko Vladimir Viktorovich

Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management, informatics and humanities, director of Financial University under the Government of the Russian Federation (branch in Penza) (33B, Kalinina street, Penza, Russia)

Polutin Sergey Viktorovich

Doctor of sociological sciences, professor, head of the sub-department of sociology, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Kuznetsova Elena Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate professor, head of the sub-department of management, informatics and humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (branch in Penza) (33B, Kalinina street, Penza, Russia)

Yudina Vera Aleksandrovna

Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of management, informatics and humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (branch in Penza) (33B, Kalinina street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Бондаренко, В. В. Основные направления формирования профессиональных компетенций госслужащих / В. В. Бондаренко, С. В. Полутин, Е. В. Кузнецова, В. А. Юдина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 127–137. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-13.

УДК 378.664.04

DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-14

С. П. Бурланков, С. А. Кузьмин, В. М. Володин, В. А. Скворцова

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена классификации факторов, влияющих на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия. Авторы анализируют имеющиеся и приводят свою классификацию факторов на основе современных тенденций развития промышленных предприятий. Целью работы является выявление групп факторов инновационного развития промышленных предприятий.

Материалы и методы. При написании работы были использованы научные труды, описывающие классификацию факторов, влияющих на систему управления инновационным потенциалом, а в качестве материалов – результаты собственных статистических исследований и исследований других авторов для подтверждения достоверности предложенной классификации. Применялись методы анализа, синтеза, аналогии, декомпозиции и др.

Результаты. Выделено несколько классификаций факторов, влияющих на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия. При этом факторы рассматриваются в нескольких аспектах: как факторы, влияющие на формирование и развитие инновационного потенциала; как факторы, влияющие на систему управления в целом, или факторы управления организацией; как факторы управления инновационным развитием.

Выводы. Подчеркивается, что факторы, влияющие на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия, – многоаспектные и могут быть отнесены к разным категориям в зависимости от объекта. При этом нужно стараться учитывать латентные факторы, а также важно максимизировать количество управляемых факторов.

Ключевые слова: инновационный потенциал, факторы системы управления, управляемость факторов, промышленные предприятия.

S. P. Burlankov, S. A. Kuz'min, V. M. Volodin, V. A. Skvortsova

FACTORS INFLUENCING THE MANAGEMENT SYSTEM OF INNOVATIVE POTENTIAL OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

¹ Исследование выполнено в рамках государственного заказа Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 1.9544/2017/БЧ).

© Бурланков С. П., Кузьмин С. А., Володин В. М., Скворцова В. А., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. The article is devoted to the classification of factors affecting the system for managing the innovative potential of an industrial enterprise. The authors analyze the available and give their classification of factors based on current trends in the development of industrial enterprises. The aim of the work is to identify groups of factors of innovative development of industrial enterprises.

Materials and methods. When writing the work, we used scientific papers describing the classification of factors affecting the system for managing innovative potential, and as materials, the results of our own statistical studies and studies of other authors to confirm the reliability of the proposed classification. The methods of analysis, synthesis, analogy, decomposition, etc. were used.

Results. Several classifications of factors affecting the system of managing the innovative potential of an industrial enterprise are highlighted. Moreover, factors are considered in several aspects: as factors influencing the formation and development of innovative potential; as factors affecting the management system as a whole, or factors of organization management; as factors of innovation development management.

Conclusions. It is emphasized that the factors affecting the system of managing the innovative potential of an industrial enterprise are multidimensional and can be assigned to different categories depending on the object. In this case, you should try to take into account latent factors, and it is also important to maximize the number of controlled factors.

Keywords: innovative potential, factors of the management system, controllability of factors, industrial enterprises.

Как известно, факторы – это движущие силы развития инновационной деятельности, причины, определяющие характер инновационных процессов, а условия – предпосылки, обязательные обстоятельства, определяющие побуждение к инновационной деятельности [1]. В качестве фактора управления могут выступать процесс, явление, событие в различных сферах человеческой жизни и деятельности, которые оказывают влияние на различные аспекты деятельности организации.

Мы считаем, что целесообразно разделить факторы, влияющие на систему управления инновационным потенциалом, на три группы (категории):

- факторы, влияющие на формирование и развитие инновационного потенциала;
- факторы, влияющие на систему управления в целом, или факторы управления организацией;
- факторы управления инновационным развитием.

При этом один и тот же фактор может принадлежать сразу трем группам.

К первой группе относятся те факторы, которые формируют условия, изменяющие состояние инновационного потенциала на предприятии. Вся совокупность факторов, влияющих на формирование и развитие инновационного потенциала промышленных предприятий, классифицируется по признакам, представленным на рис. 1.

Необходимо отметить, что внутренние факторы, как правило, относятся к контролируемым, а внешние – к слабо- и неконтролируемым. Согласно данной классификации, внутренние и внешние факторы можно распределить по сферам возникновения. Остановимся на этой классификации подробнее.

Так, организационно-управленческий фактор характеризуется гибкостью организационной структуры, стилем управления (авторитарным и демо-

кратическим), наличием процессно-ориентированных организационных структур, качеством стратегического планирования инновационной деятельности, формированием целевых проблемных групп, реинжинирингом бизнес-процессов, готовностью предприятий к управленческим и технологическим новшествам, межотраслевыми и межорганизационными взаимодействиями, преобладанием вертикальных или горизонтальных потоков информации и т.д. Производственно-технологический фактор характеризуется этапом жизненного цикла предприятия, динамикой объемов инновационной деятельности, степенью износа и обновления основных фондов, уровнем дебиторской и кредиторской задолженности, в том числе просроченной, использованием передовых технологий, наличием резервных мощностей и т.д. Научно-технический фактор проявляется наличием/отсутствием научно-исследовательского отдела, ростом/снижением создания патентов и их коммерциализации, долей инновационной продукции в общем объеме производства и т.д.

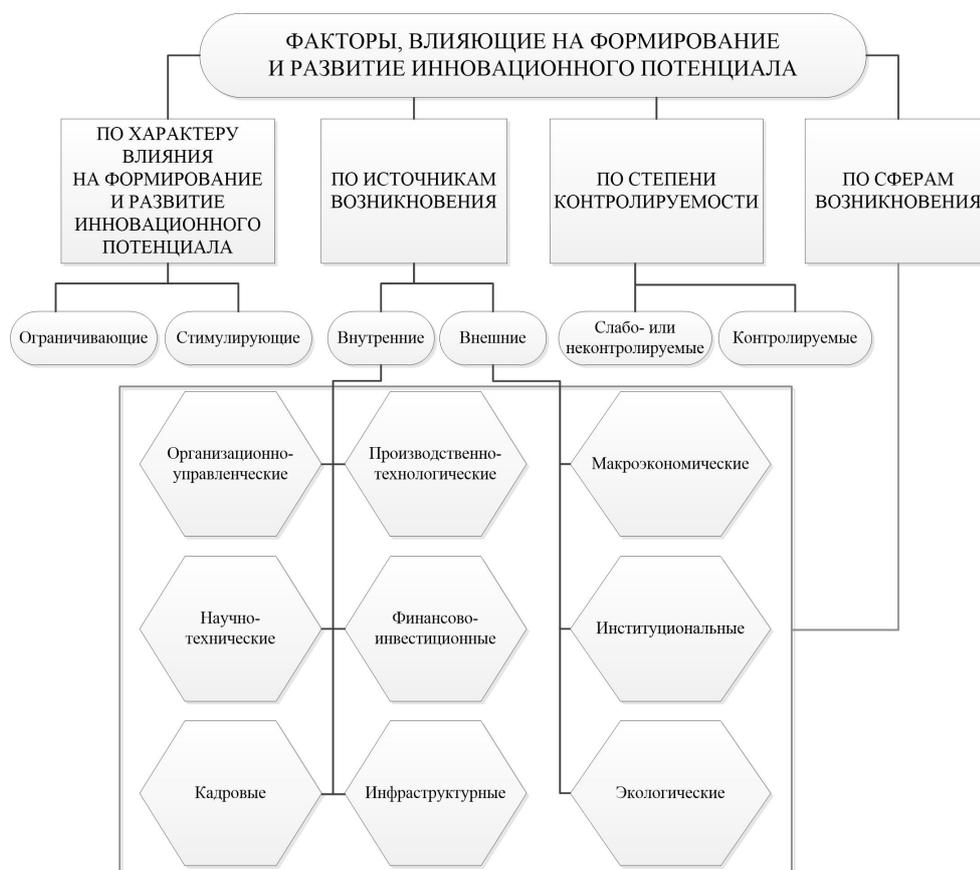

Рис. 1. Основные факторы, влияющие на формирование и развитие инновационного потенциала

Финансово-инвестиционный фактор характеризуется поддержкой со стороны государства и частных инвесторов, наличием собственных средств для инвестирования инновационных проектов и программ, эффективностью, рисками и сроками окупаемости инновационных проектов и т.д. Кадровый

фактор проявляется в устойчивости кадрового состава, уровне образования персонала, подготовке и переподготовке кадров, уровне заработной платы, моральной удовлетворенности персонала условиями работы, возможности творческого развития и самореализации в коллективе, здоровом психологическом климате в коллективе. Инфраструктурный фактор определяется качеством технологической, консалтинговой, информационной, финансовой, сбытовой инфраструктуры и инфраструктурой подготовки кадров предприятия, наличием той или иной степени эффективности связей между ними. Институциональный фактор определяется нормативно-законодательной базой, регулирующей и стимулирующей инновационную деятельность, несовершенством законодательства, непрозрачностью системы государственных институтов. Макроэкономический фактор характеризуется уровнем инфляции, ставки рефинансирования, занятости/безработицы в стране, состоянием фондового рынка, наличием/отсутствием кризиса экономики. Экологический фактор проявляется в состоянии окружающей среды, влиянии на окружающую среду выбросов в атмосферу, объемом сброса загрязненных сточных вод, уровнем экологической напряженности по виду экономической деятельности, к которому относится предприятие, и т.д. [2].

Другой составляющей факторов, влияющих на систему управления инновационным потенциалом, являются факторы, влияющие на систему управления в целом, или факторы управления организацией. Данная категория факторов оказывает влияние на деятельность организации в целом, чем вызывает необходимость принятия управленческих решений. Классификация факторов данной категории представлена на рис. 2.

Рис. 2. Факторы управления организацией

Таким образом, по масштабу значимости факторы управления организацией подразделяются на общие и частные. Общие оказывают влияние на все сферы деятельности организации и присущи всем ее структурным подразделениям, в то время как частные факторы имеют значение лишь для некоторых направлений организации или отдельных ее подразделений.

По степени объективности (субъективности) факторы подразделяются на объективные, возникающие независимо от воли, представлений и действий субъектов, и субъективные, обусловленные текущей деятельностью субъектов. Объективные факторы могут представлять собой результаты кристаллизовавшихся условий предшествовавшей деятельности людей и их организаций. Субъективные же факторы могут представлять собой результат деятельности, направленной на изменение, развитие или сохранение существующих условий среды.

По характеру оценки факторы управления организацией подразделяются на сравнительные и автономные. Первые требуют сравнения с другими субъектами (регионами, конкурентами), так как их оценка имеет смысл лишь в сопоставлении с аналогичными аспектами деятельности подобных организаций. Для полноценной оценки автономных факторов достаточно знать их проявление внутри организации без сравнения с другими.

По источникам возникновения данная категория факторов, как и предыдущая, делится на внутренние и внешние. Внутренние факторы зависят прежде всего от организации работы самого предприятия, отражают культуру организации, ее ресурсный потенциал и его состояние, в частности кадровый состав организации, уровень его профессиональной подготовки. Практически все сравнительные факторы являются внутренними. Внешние факторы характеризуют влияние среды, в условиях которой организация осуществляет свою деятельность. Как мы уже выяснили, внешние факторы практически не поддаются влиянию со стороны организации.

Кроме того, внешние факторы классифицируются по характеру воздействия на факторы фона, факторы косвенного воздействия и факторы прямого воздействия. Фоновые факторы, или факторы фона, присущи стране, большинству социальных групп населения, они присутствуют всегда, являются общими для всех или большинства сфер экономической деятельности и хозяйствующих субъектов. Именно фоновые факторы определяют общую социально-экономическую ситуацию – формируют фон. Фоновые факторы, как правило, трудно учитывать, но чем сильнее кризисные явления в экономике, в социальной сфере и т.д., тем более сильным становится их влияние. Факторы косвенного воздействия предполагают рассмотрение деятельности организации главным образом в территориальном и (или) отраслевом разрезе. Факторы косвенного воздействия, с одной стороны, под действием различных обстоятельств могут превратиться в факторы прямого воздействия, а с другой – могут перейти в фоновые факторы. В свою очередь факторы прямого воздействия связаны с деятельностью непосредственного окружения организации – ее поставщиков, партнеров, потребителей, обслуживающего банка, аудиторской фирмы, различного рода консультативных организаций [3].

Третьей категорией мы выделяем факторы управления инновационным развитием. Она объединяет первые две. Дадим определение данной категории. Факторы управления инновационным развитием – это явления и процессы, оказывающие влияние на инновационное развитие предприятия, что влечет за собой необходимость принятия управленческих решений в области инновационной политики. Классификация факторов представлена на рис. 3. По уровню выявляемости выделяем явные и латентные (скрытые) факторы. Явные факторы, как и вероятность их влияния на предприятие, легко выяв-

ляются. Основная задача при оценке данных факторов – определение степени влияния таковых на организацию и ее инновационное развитие. Примером явного фактора может послужить материально-техническое обеспечение предприятия. Латентные факторы не имеют выраженной причинно-следственной связи с инновационным развитием предприятия, поэтому их трудно отследить. Основной задачей управления по данным факторам является своевременное их выявление, а также оценка вероятности и степени влияния на инновационное развитие.

Рис. 3. Факторы управления инновационным развитием

Как правило, со временем латентные факторы могут стать явными. И если руководство предприятия вовремя не приняло правильное управленческое решение, то данные факторы становятся либо угрозой инновационному развитию (в случаях, когда они носят ограничивающий характер), либо считаются упущенной возможностью (в случаях, когда они носят стимулирующий характер).

По возможности использования мы выделяем разовые и многоразовые факторы управления инновационным развитием. Разовые факторы встречаются значительно реже. Их особенность состоит в том, что они могут быть использованы только один раз и только одной компанией. Данные факторы имеют два основания – рыночное и правовое. Рыночное основание разовых факторов заключается в том, что компания, использовавшая возможности, предоставляемые факторами, формирует новый рынок и становится монополистом на нем на правах первопроходца. Другие компании уже не смогут использовать эти возможности, так как у них какое-то время не будет доступа на образовавшийся монопольный рынок. Такая стратегия активно использу-

ется компанией «ЗМ». Правовое основание связано с защитой авторских прав. Как правило, разовые факторы являются стимулирующими. Также разовые факторы со временем могут перейти в многоразовые, например в процессе рутинизации инноваций.

По характеру управленческих решений факторы делятся на факторы адаптивного подхода, факторы реактивного подхода и факторы превентивного подхода. Факторы адаптивного подхода требуют решений, связанных исключительно с приспособлением организации к новым условиям. Эти факторы возникают во внешней среде. Примером может послужить изменение национального законодательства, напрямую связанного с инновационной деятельностью предприятий. Факторы реактивного подхода подразумевают решения, направленные на изменение степени влияния данного фактора уже после того, как это влияние станет очевидным. Факторы превентивного подхода связаны с решениями, которые либо направлены на формирование этих факторов, либо позволяют предугадать их и принять необходимые меры заранее. Разделение факторов реактивного и превентивного подходов является субъективным. Так, для компаний, имеющих необходимые ресурсы и навыки для выявления латентных факторов инновационного развития, определенные факторы будут являться факторами превентивного подхода. В то же время для компаний, не имеющих данных преимуществ, те же факторы будут являться факторами реактивного подхода.

По характеру влияния и управляемости факторы управления инновационным развитием делятся на абсолютно ограничивающие, относительно ограничивающие, стимулирующие, переменные неуправляемые и переменные управляемые. Абсолютно ограничивающими факторами являются те факторы, которые носят исключительно негативный для инновационного развития характер и их преодоление невозможно усилиями отдельной компании. Абсолютно ограничивающими факторами можно считать различные стихийные бедствия, а также значительное отставание государства в экономическом и технологическом развитии. Относительно ограничивающие факторы носят как негативный, так и позитивный характер для инновационного развития. Соотношение позитивного и негативного характера, как правило, субъективно. Примером может послужить экономический кризис. Стимулирующие факторы носят положительный характер для инновационного развития. От отдельной компании зависит лишь то, смогут ли они эффективно использовать возможности, предоставляемые этим фактором, или нет. Примером является увеличение государством финансовой поддержки инноваций на предприятиях.

Переменные факторы сами по себе являются довольно зависимыми, поэтому, для того чтобы судить о характере их влияния на инновационное развитие, необходимо узнать, в каких условиях эти факторы действуют. Причем если эти условия создаются внешней средой, то эти факторы являются переменными неуправляемыми, а если они создаются самой организацией, то такие факторы носят название переменных управляемых. Разделение на управляемые и неуправляемые также зависит от субъекта управления. Примером переменных факторов может послужить эффективный механизм подготовки интеллектуальных кадров в стране. С одной стороны, этот фактор может считаться стимулирующим, однако он зависим от текущего социаль-

но-экономического положения в стране. Если уровень социально-экономического развития низкий, то высококвалифицированные кадры будут покидать страну, тем самым создавая еще больший социально-экономический и технологический разрыв между государствами. При этом государство в силах изменить такую ситуацию, и этот фактор с точки зрения государства как субъекта управления будет считаться переменным управляемым. Для отдельного же предприятия этот фактор будет являться переменным неуправляемым. Однако если компания имеет достаточно ресурсов для привлечения и удержания у себя «собственных», т.е. выращенных на предприятии, интеллектуальных кадров, то в масштабах данного предприятия фактор переходит в группу управляемых.

Библиографический список

1. **Валинурова, Л. С.** Инновационное развитие российской экономики: проблемы и перспективы : монография / Л. С. Валинурова, О. Б. Казакова, Н. А. Кузьминых, Н. З. Мазур. – Уфа : БАГСУ, 2013. – 132 с.
2. **Смольянинов, К. В.** Формирование и оценка инновационного потенциала промышленного предприятия : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Смольянинов К. В. – Москва, 2014. – 175 с.
3. **Холостова, Е. И.** Управление в социальной работе / Е. И. Холостова, Е. И. Комаров, О. Г. Прохорова. – Москва : Дашков и К°, 2018. – 300 с.

References

1. Valinurova L. S., Kazakova O. B., Kuz'minykh N. A., Mazur N. Z. *Innovatsionnoe razvitie rossiyskoy ekonomiki: problemy i perspektivy: monografiya* [Innovative development of the Russian economy: issues and prospects: monograph]. Ufa: BAGSU, 2013, 132 p. [In Russian]
2. Smol'yaninov K. V. *Formirovanie i otsenka innovatsionnogo potentsiala promyshlennogo predpriyatiya: dis. kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Formation and assessment of the innovative potential of an industrial enterprise: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences: 08.00.05]. Moscow, 2014, 175 p. [In Russian]
3. Kholostova E. I., Komarov E. I., Prokhorova O. G. *Upravlenie v sotsial'noy rabote* [Social work management]. Moscow: Dashkov i K°, 2018, 300 p. [In Russian]

Бурланков Степан Петрович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра ресторанного бизнеса,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова (Россия,
г. Москва, Стремянный переулок, 36)

E-mail: spbur1@mail.ru

Burlankov Stepan Petrovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of restaurant business,
Plekhanov Russian University
of Economics (36, Stremyanny lane,
Moscow, Russia)

Кузьмин Сергей Анатольевич

аспирант, Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова
(Россия, г. Москва, Стремянный
переулок, 36)

E-mail: kuzminsergeyanat@yandex.ru

Kuz'min Sergey Anatol'evich

Postgraduate student, Plekhanov
Russian University of Economics
(36, Stremyanny lane, Moscow, Russia)

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
director of the Institute of Economics
and Management, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Скворцова Валентина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economic theory
and international relations, Penza State
University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Бурланков, С. П. Факторы, влияющие на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия / С. П. Бурланков, С. А. Кузьмин, В. М. Володин, В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 138–146. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-14.

УДК 332.1

DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-15

В. М. Володин, Г. И. Дубина, А. А. Князькина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сельское хозяйство как отрасль, подверженная высокой степени риска и существенно зависящая от внешних факторов, особо нуждается в государственном регулировании. Отрасль во многом обусловлена уровнем развития сельских территорий как базиса осуществления аграрного производства, так и основы воспроизводства трудового потенциала отрасли. В статье рассмотрена действующая система государственного регулирования развития отрасли и сельских территорий в Пензенской области в 2014–2017 гг.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были реализованы путем применения следующих научных методов: научной абстракции, наблюдения, функционального и статистического анализа, графических изображений. Данная научная основа позволила сопоставить содержание и значение состояния государственного регулирования села для развития аграрного сектора экономики.

Результаты. Выявлены тенденции и приоритеты выделения средств бюджетной поддержки на развитие сельского хозяйства и сельских территорий в Пензенской области; степень эффективности ее использования определена на основе достижения целевых показателей Государственной программы Пензенской области «Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 годы».

Выводы. В структуре государственного регулирования сельского хозяйства и развития сельских территорий в последнее время произошли существенные изменения, позволившие добиться значительных сдвигов, обусловивших успешное развитие как агропродовольственного сектора экономики региона, так и уровня жизни в сельской местности. Дальнейшее совершенствование рассматриваемых направлений будет зависеть от поиска новых путей развития сельских территорий и активизации предпринимательства на них, а также эффективности принимаемых мер.

Ключевые слова: сельское хозяйство, государственное регулирование, бюджетная поддержка, агроформирования, малые формы хозяйствования, сельские территории.

V. M. Volodin, G. I. Dubina, A. A. Knyaz'kina

CURRENT CONDITION OF THE VILLAGE REGULATION STATE SYSTEM IN PENZA REGION

© Володин В. М., Дубина Г. И., Князькина А. А., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. Agriculture, as an industry exposed to a high degree of riskiness and substantially dependent on external factors, especially needs government regulation. The industry is largely determined by the level of development of rural areas as the basis for the implementation of agar production, and the basis for the reproduction of the labor potential of the industry. In the presented article, the current system of state regulation of the development of the industry and rural areas in the Penza region for the period 2014-2017 is considered.

Materials and methods. Research tasks were implemented by applying the following scientific methods: scientific abstraction, observation, functional and statistical analysis, graphic images. This scientific basis made it possible to compare the content and significance of the state regulation of the village for the development of the agrarian sector of the economy.

Results. The tendencies and priorities of allocating budget support for the development of agriculture and rural areas in the Penza region are identified, the degree of efficiency of its use is determined on the basis of achieving the target indicators of the State program of the Penza region "Development of the agro-industrial complex of the Penza region for 2014-2020".

Conclusions. The structure of state regulation of agriculture and rural development has recently undergone significant changes, which have led to significant changes that have led to the successful development of both the agri-food sector of the regional economy and the standard of living in rural areas. Further development of the areas under consideration will depend on finding new ways of developing rural areas and enhancing entrepreneurship in them, as well as on the effectiveness of measures taken.

Keywords: agriculture, state regulation, budgetary support, agroformations, small forms of managing, rural territories.

За последнее десятилетие в сельском хозяйстве Пензенской области наметилась устойчивая тенденция улучшения финансово-экономического положения и развития предприятий отрасли. Этому во многом способствовала реализация Государственной региональной программы «Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 годы» [1] (далее – Госпрограмма), реализуемая в рамках федеральных программ поддержки и развития отрасли на периоды 2009–2012 и 2013–2020 гг. Программами предусмотрены меры по повышению экономической эффективности аграрного производства на основе совершенствования его технико-технологической составляющей и улучшения финансового обеспечения. Так, основные мероприятия по поддержке растениеводства ориентированы на максимизацию использования интенсивных технологий, базирующихся не только на освоении новейших моделей тракторов и сельскохозяйственных машин последнего поколения, но и на совершенствовании агроуплотнительных мероприятий, селекционной политике. Стало уделяться больше внимания системной работе по вводу в севооборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель.

Госпрограмма базируется на положениях Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [2], Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 [3], Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р [4], Государственной программы развития сельского хозяйства и

регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., утвержденной Постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 [5].

Основными задачами государственного регулирования развития сельского хозяйства в регионе, согласно Госпрограмме, являются: 1) обеспечение продовольственной безопасности; 2) поддержание приемлемого уровня доходности и инвестиционной привлекательности отрасли; 3) устойчивое развитие сельских территорий.

Целевые показатели Госпрограммы по сути являются критериями эффективности государственного регулирования отрасли. Они обозначены в индексах, определяющих параметры роста как производства сельхозпродукции (в том числе по подотраслям и подкомплексам), пищевых продуктов, так и объема (в стоимостном и физическом выражении) инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, производительности труда. В качестве целевых обозначены также показатели рентабельности сельскохозяйственного производства, уровень среднемесячной номинальной заработной платы, создание высокопроизводительных рабочих мест в сельском хозяйстве (табл. 1). В 2014–2015 гг. все целевые показатели Госпрограммы были выполнены полностью; в 2016 г. на 4,1 пункта не достигнут плановый уровень рентабельности сельскохозяйственных предприятий; в 2017 г. несущественно не достигнуты плановые показатели по производству растениеводческой продукции в связи с неблагоприятными погодными условиями [6]. Существенного роста удалось добиться в отношении уровня заработной платы на селе. Во все годы реализации Госпрограммы он был значительно выше запланированных показателей и немного отставал от средней заработной платы экономики региона. В 2017 г. средняя заработная плата работников сельского хозяйства составила 24,6 тыс. руб., что на 8,6 % выше, чем в 2016 г., однако по-прежнему остается одной из самых низких в регионе.

Приоритетными целями государственного регулирования в регионе являются: развитие основных отраслей сельского хозяйства – растениеводства и животноводства, в том числе мясного скотоводства, поддержка малых форм хозяйствования; техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие, устойчивое развитие сельских территорий, развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения, в рамках которых реализуются соответствующие экономически значимые региональные подпрограммы.

Общий объем бюджетных ассигнований, определяемых в качестве господдержки отрасли, на реализацию Госпрограммы на 2014–2020 гг. составляет 34 467,5 млн руб. Соотношение распределения средств бюджетной поддержки по источникам финансирования отражено на рис. 1.

Из общей суммы направлено на реализацию подпрограмм:

- 1) «Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства» – 21,2 %;
- 2) «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства» – 51,53 %;
- 3) «Развитие мясного скотоводства» – 1,33 %;
- 4) «Поддержка малых форм хозяйствования» – 5,24 %;
- 5) «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» – 0,77 %;
- 6) «Обеспечение реализации Государственной программы развития агропромышленного комплекса Пензенской области на 2013–2020 годы» – 1,34 %.

Таблица 1
Целевые показатели реализации государственной программы Пензенской области
«Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 годы» [1]

Наименование целевого показателя	Единица измерения	Значение целевых показателей								
		2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.		
1. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах)	проценты к предыдущему году	102,9	115,5	101,7	100,4	100,5	100,8	101,0		
2. Индекс производства продукции растениеводства (в сопоставимых ценах)	проценты к предыдущему году	105,5	125,2	101,7	100,1	100,2	100,7	100,8		
3. Индекс производства продукции животноводства (в сопоставимых ценах)	проценты к предыдущему году	99,8	104,1	101,6	100,8	100,9	100,9	101,2		
4. Индекс производства пищевых продуктов, включая напитки (в сопоставимых ценах)	проценты к предыдущему году	105,7	112,8	101,7	101,1	101,5	102,0	102,5		
5. Рентабельность сельскохозяйственных организаций	проценты	15,4	17,6	13,0	13,0	13,9	14,8	14,9		
6. Среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве (по сельскохозяйственным организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства)	рубли	19 972,9	22 548,0	18 334,0	23 195,0	23 790,0	24 628,0	25 326,0		
7. Индекс производительности труда	проценты	101,9	102,7	100,1	100,1	100,3	100,5	100,9		
8. Прирост высокопроизводительных рабочих мест	проценты к предыдущему году	5,3	5,4	5,5	8,5	8,6	8,7	8,8		

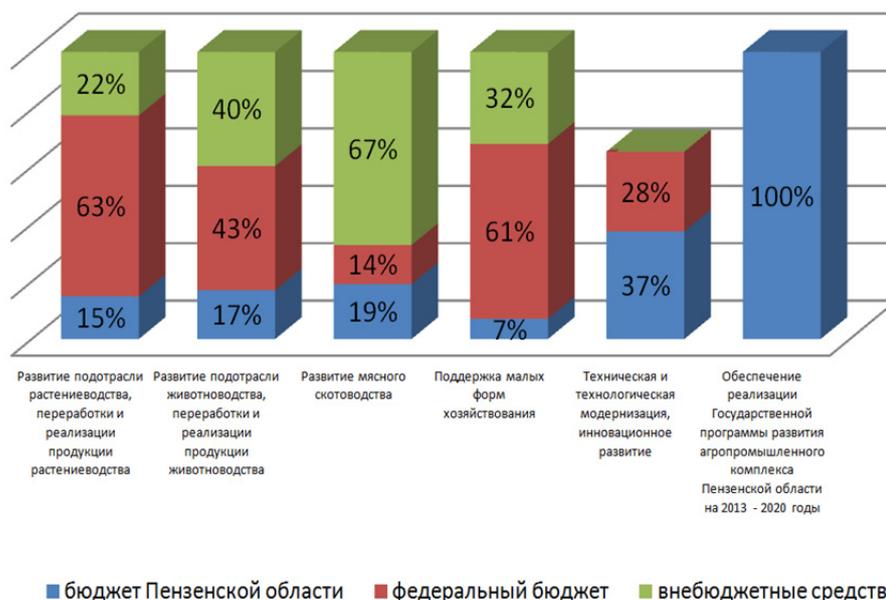

Рис. 1. Структура средств бюджетной поддержки по источникам финансирования Государственной программы развития агропромышленного комплекса Пензенской области на 2013–2020 гг., тыс. руб.

Проанализировав вышеприведенную структуру государственной поддержки отрасли, можно отметить, что в общей сумме средств государственной поддержки, выделенных на техническую и технологическую модернизацию отрасли, вдвое меньше, чем на обеспечение реализации Госпрограммы. Из общей суммы предполагаемых на поддержку технического перевооружения сельского хозяйства бюджетных средств предусмотрено всего 173,7 млн руб., или в среднем по 24,8 млн руб. в год. Данных средств не может хватить на реализацию сколь-либо значимого инвестиционного проекта, даже при условии существенной доли его софинансирования со стороны инвесторов [7]. Основным мероприятием по данной подпрограмме значится «Возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов агропромышленного комплекса, а также на приобретение техники и оборудования». При условии, что отрасль региона нуждается в обновлении машинно-тракторного парка как минимум на 1,8 млрд руб., данная сумма не может покрыть даже десятой части потребностей предприятий в инвестициях на покупку техники [8].

В разрезе отдельных направлений государственного регулирования можно отметить, что задачи первой подпрограммы («Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства») определяются прежде всего интересами обеспечения конкурентоспособности растениеводческой продукции, произведенной в регионе, на внутреннем и внешнем рынках, что будет способствовать не только наращиванию объемов производства и переработки основных видов продукции, но и экспортного потенциала подотрасли растениеводства [9]. Кроме того, эта подпрограмма, включающая направления по развитию элитного семеноводства, садовод-

ства, тепличного и плодово-ягодного хозяйства, инфраструктуры и логистического обеспечения рынков, по стимулированию производства картофеля, овощей, по уменьшению рисков, обусловленных природно-климатическими условиями, по поддержке кредитования товаропроизводителей, характеризуется следующими параметрами размеров и структуры бюджетных ассигнований на реализацию основных мероприятий.

Почти 40 % выделяемых средств направляется на государственную поддержку кредитования подотрасли растениеводства, что включает не только производство растениеводческой продукции, но и ее переработку, развитие инфраструктуры специализированных рынков и их логистическое обеспечение. Менее пятой части всех выделяемых средств (17 %) направлено на поддержку доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в области растениеводства; 11 % – на оказание несвязанной поддержки товаропроизводителям в области растениеводства; 10 % – на создание логистических распределительных центров; 15 % – на достижение целевых показателей Госпрограммы в области растениеводства; 5 % – в целях управления рисками в подотраслях растениеводства; 3,5 % – на элитное семеноводство и закладку многолетних насаждений.

Учитывая роль региона в аграрном производстве страны (25-е место), следует отметить, что по объему представленных из федерального бюджета средств на оказание государственной поддержки Пензенская область находится на 39-м месте среди других субъектов Российской Федерации. По объемам сельскохозяйственного производства в ПФО регион занимает 4-е место, а по финансированию отброшен на 10-е. В расчете на 1 га посевных площадей совокупный объем государственных ассигнований за весь период реализации Госпрограммы составляет 4010 тыс. руб., или 445,5 руб. в год (соответственно 42-е место в России и 9-е место в ПФО). Для сравнения приведем показатели по некоторым странам мира на основе данных Департамента агропромышленной политики и Федеральной службы статистики РФ [10]. В Израиле на 1 га посевных площадей выделяется 4862 долл., в США – 962,7 долл., в Евросоюзе – 1731 евро, в Таиланде – 197,3 долл., или около 14 тыс. руб. Таким образом, несмотря на ежегодный рост государственной поддержки отрасли, мы существенно отстаем от развитых и некоторых развивающихся стран мира.

Подпрограмма «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства» ориентирована на развитие и повышение эффективности подотрасли, а также импортозамещение и расширение экспорта отечественной животноводческой продукции. Целевые мероприятия подпрограммы направлены на сохранность и расширение племенного маточного поголовья сельскохозяйственных животных и сельскохозяйственной птицы, рост их продуктивности, увеличение удельного веса молока высшей сортности в общем объеме реализованного молока, рост производства пищевого яйца, наращивание поголовья нетелей и телок при комплектовании дойных стад, привлечение инвестиций в животноводство региона, повышение доли застрахованных сельскохозяйственных животных в общей их численности, обеспечение доступности кредитов.

Одним из направлений регулирования развития отрасли в 2013–2016 гг. стало стимулирование развития прудового рыбоводства. В настоящее время

обеспечено наиболее эффективное использование искусственно созданных водоемов, за пять последних лет привлечено более 1 млрд руб. инвестиций на ремонт и реконструкцию гидротехнических сооружений, что способствовало развитию малого и среднего предпринимательства и созданию новых рабочих мест в рыбопродуктовом подкомплексе региона.

Почти 3/4 бюджетных средств по данному направлению выделяется на государственную поддержку кредитования товаропроизводителей, задействованных в производстве продукции животноводства, ее переработке, на инфраструктурное обеспечение подотрасли.

Рост продукции сельского хозяйства, производимой крестьянскими (фермерскими) и личными подсобными хозяйствами Пензенской области, во многом обусловлен реализацией подпрограммы «Поддержка малых форм хозяйствования», представляющей собой ряд направлений в области поддержки малого предпринимательства и включающей мероприятия по поддержке начинающих фермеров и развитию семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х), а также сельскохозяйственных потребительских кооперативов (по развитию их материально-технической базы). Часть средств выделяется на обеспечение доступности кредитных ресурсов малым формам хозяйствования, а также оформление К(Ф)Х земельных участков в собственность.

Если в 2014–2015 гг. почти 70 % общей суммы средств предусматривалось на развитие семейных животноводческих ферм на базе К(Ф)Х (табл. 3), то с 2016 г. приоритетным стало стимулирование начинающих фермеров [11].

Таблица 3

Распределение средств бюджетной поддержки по мероприятиям подпрограммы «Поддержка малых форм хозяйствования», тыс. руб.

Мероприятия	2014–2015 гг.		2016 г.		2017 г.	
	Средства федерального бюджета	Средства бюджета Пензенской области	Средства федерального бюджета	Средства бюджета Пензенской области	Средства федерального бюджета	Средства бюджета Пензенской области
Гранты на создание и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств	24 424,0	1060,9	53 582,0	2820,1	56 704,7	3541,6
Гранты на развитие семейных животноводческих ферм	45 147,3	1961,0	45 592,0	2399,6	39 063,2	2439,8
Гранты на развитие материально-технической базы сельскохозяйственных потребительских кооперативов	4440,7	192,9	33 515,0	1764,0	30 242,5	1888,8
ИТОГО	74 012,00	3214,70	109384,00	6219,70	126010,4	7870,2

Реализация указанных мероприятий позволила достичь определенных результатов. На территории Пензенской области за 2016 г. было создано 40 крестьянских (фермерских) хозяйств; за 2017 г. – 26; всего на 1 января 2018 г. в области функционировало 1887 К(Ф)Х. Производство продукции в них в 2017 г. по отношению к предыдущему году выросло на 7,7 %, посевные площади увеличились на 8 %. Прирост производства зерна в крестьянских (фермерских) хозяйствах за 2017 г. составил 41,7 %, сахарной свеклы – 9,4 %, картофеля и овощей – 24 %, молока – 8,76 %, скота и птицы на убой в живом весе – 33,3 %. Индекс инвестиций в основной капитал К(Ф)Х составил за 2017 г. 4,4 %, в том числе по молочно-товарным фермам – 3,6 % [6].

По подпрограмме «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» основным направлением расходования средств бюджетной поддержки стало субсидирование затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на реализацию бизнес-проектов в целях технической и технологической модернизации сельского хозяйства в соответствии с ежегодными приказами Минсельхоза России, касающимися отбора инвестиционных проектов по строительству новых и (или) модернизацию существующих объектов АПК, а также распоряжениями Правительства РФ в отношении распределения субсидий, предоставляемых ежегодно из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование аналогичных расходов.

Одним из направлений государственной поддержки в регионе является также обеспечение устойчивого развития сельских территорий, задачи которого связаны со строительством жилья, дорог, обустройством территорий, созданием предприятий, производств, развитием села в целом. Кроме Госпрограммы, мероприятия по поддержке развития сельских территорий прописаны в Инвестиционной стратегии Пензенской области на период до 2021 г. (и на перспективу до 2030 г.) [12]. В то же время следует отметить, что ни одно мероприятие Госпрограммы и указанной Стратегии не касается развития сельских территорий прямо; об опосредованном влиянии на развитие села тоже не приходится говорить. Достаточно того факта, что среди исполнителей мероприятий ни разу не упоминается Министерство сельского хозяйства Пензенской области.

В рамках функционирования подпрограммы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Пензенской области на 2014–2022 годы» одним из мероприятий значилось субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, связанных с приобретением оборудования в целях создания и (или) развития либо модернизации производства товаров (работ, услуг), на что было выделено 43,3 млн руб. в 2016 г. В качестве целевого показателя было определено число субъектов малого и среднего предпринимательства, получивших данный вид субсидии. Показатель был выполнен на 83 %, среди получателей поддержки не оказалось ни одного предприятия, действующего на сельской территории. Таким образом, все мероприятия Госпрограммы касаются только бытовых проблем селян. В 2017 г. 35 сельских семей получили возможность улучшить свои жилищные условия, на что было выделено 64,5 млн руб.; на мероприятие программы, связанное с развитием водоснабжения в сельской местности, направлено более 48,6 млн руб. из бюджетов всех уровней. В текущем году в

рамках данного программного мероприятия планируется провести работы по строительству 12,6 км водопроводных сетей в пяти населенных пунктах. В рамках мероприятия по развитию газификации в сельской местности планируется строительство 3,1 км внутриквартальных газопроводных сетей на территории жилищной застройки в нескольких населенных пунктах. На выполнение данных работ направлены денежные средства в размере 3,7 млн руб. из бюджетов всех уровней. На реализацию мероприятий по строительству направлено 10 894 тыс. руб. из бюджетов всех уровней. В рамках программы по устойчивому развитию сельских территорий в 2018 г. в сельских поселениях будут реализованы 22 общественно значимых некоммерческих проекта местных инициатив. На данное программное мероприятие по грантовой поддержке местных инициатив направлено около 4 млн руб. из бюджетов всех уровней.

В то же время весь арсенал средств государственной поддержки развития сельских территорий, известный мировой практике, который находит применение в большинстве регионов России, используется не в полной мере, что существенно ограничивает возможности и отечественного агропродовольственного комплекса, и его производственно-экономического потенциала [13, 14].

Несмотря на положительные результаты развития сельского хозяйства, определенно обусловленного существенными объемами государственной поддержки, следует указать, что отмечаются отдельные случаи нецелевого использования выделенных средств, невозможности получателей оправдать взятые на себя обязательства вплоть до случаев банкротства организаций, замедления темпов прироста в зависимости от получаемой финансовой помощи. Все это требует поиска действенных методик оценки эффективности системы государственного регулирования сельского хозяйства и поиска путей ее повышения.

Библиографический список

1. Об утверждении Государственной программы «Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2022 годы»: Постановление Правительства Пензенской области от 18 сентября 2013 г. № 691-пП. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/424055925>
2. О развитии сельского хозяйства: Федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
3. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/
4. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-п (ред. от 13.01.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/
5. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717. – URL: <http://base.garant.ru/70210644/>
6. Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 гг.: годовой доклад о выполнении Государственной программы Пензенской области. – URL: <http://www.mcx-penza.ru/govhelp/gosprogramma>

7. **Пронина, Ю. Ю.** Анализ системы государственного регулирования развития сельского хозяйства и сельских территорий региона / Ю. Ю. Пронина, Г. И. Дубина, А. А. Князькина // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – № 10. – С. 1929–1940.
8. **Якимова, О. Ю.** Сравнительный анализ процессов воспроизводства материально-технической базы сельского хозяйства Республики Мордовия и Пензенской области / О. Ю. Якимова, М. Р. Бахтеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1. – С. 125–137.
9. **Бахтеев, Ю. Д.** Импортозамещение-2016: перспективы развития отечественного производства в Пензенской области и по России в целом / Ю. Д. Бахтеев, Г. Ю. Куряева, В. А. Папшева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. – 2017. – № 1. – С. 77–85.
10. **Пашкевич, О. А.** Зарубежный опыт развития сельских территорий / О. А. Пашкевич, В. О. Левкина // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2017. – № 8. – С. 9–14.
11. Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 годы : протокол № 1 заседания конкурсной комиссии при Правительстве Пензенской области по отбору участников мероприятий по поддержке начинающих фермеров и развитию семейных животноводческих ферм крестьянских (фермерских) хозяйств Государственной программы Пензенской области от 17, 18, 22 мая 2018 г. – URL: <http://mcs.pnzreg.ru/gospodderzhka-apk/podderzhka-mfkh/dokumenty/>
12. Об Инвестиционной стратегии Пензенской области на период до 2021 года (и на перспективу до 2030 года). – URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW021&n=12156#06091187463368022>
13. **Полушкин, Н. А.** Проблемы и перспективы развития сельских территорий России / Н. А. Полушкин // Региональная экономика и управление. – 2017. – № 1 (49). – URL: <https://eee-region.ru/article/4918/>
14. Комментарий. Ушачев: финансирование сельских территорий сократилось в пять раз! // Крестьянские ведомости. – 2018. – 28 февр. – URL: <http://kvedomosti.ru/news/kommentarij-ushachev-finansirovanie-selskix-territorij-sokratilos-v-pyat-raz.html>

References

1. *Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy «Razvitie agropromyshlennogo kompleksa Penzenskoy oblasti na 2014–2022 gody»*: *Postanovlenie Pravitel'stva Penzenskoy oblasti ot 18 sentyabrya 2013 g. № 691-pP* [On the approval of the State program “Development of the agro-industrial complex of the Penza region for 2014-2022”. Decree of the Government of the Penza Region of September 18, 2013 No. 691-pP]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/424055925> [In Russian]
2. *O razvitiy sel'skogo khozyaystva* : *Feder. zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 264-FZ* [On the development of agriculture: Federal Act of December 29, 2006 No. 264-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ [In Russian]
3. *Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 № 120* [On approving the Doctrine of food security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ [In Russian]
4. *Ob utverzhdenii Strategii ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.02.2015 № 151-r (red. ot 13.01.2017)* [On approval of the Strategy for sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period until 2030: Ordinance of the Government of the Russian Federation of February 2, 2015 No. 151-r (revised on the 13th of January, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/ [In Russian]

5. *O Gosudarstvennoy programme razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produkcii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gg.: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 iyulya 2012 g. № 717* [On the state program for the development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2013–2020: Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717]. Available at: <http://base.garant.ru/70210644/> [In Russian]
6. *Razvitie agropromyshlennogo kompleksa Penzenskoy oblasti na 2014–2020 gg.: godovoy doklad o vypolnenii Gosudarstvennoy programmy Penzenskoy oblasti* [Development of the agricultural complex of the Penza region for 2014–2020: annual report on the implementation of the State program of the Penza region]. Available at: <http://www.mcx-penza.ru/govhelp/gosprogramma> [In Russian]
7. Pronina Yu. Yu., Dubina G. I., Knyaz'kina A. A. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice]. 2018, no. 10, pp. 1929–1940. [In Russian]
8. Yakimova O. Yu., Bakhteeva M. R. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2019, no. 1, pp. 125–137. [In Russian]
9. Bakhteev Yu. D., Kuryaeva G. Yu., Papsheva V. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskie nauki* [University proceedings. Volga region. Economic sciences]. 2017, no. 1, pp. 77–85. [In Russian]
10. Pashkevich O. A., Levkina V. O. *Vestnik Belorusskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of Belarusian State Agricultural Academy]. 2017, no. 8, pp. 9–14. [In Russian]
11. *Razvitie agropromyshlennogo kompleksa Penzenskoy oblasti na 2014–2020 gody: protokol № 1 zasedaniya konkursnoy komissii pri Pravitel'stve Penzenskoy oblasti po otboru uchastnikov meropriyatiy po podderzhke nachinayushchikh fermerov i razvitiyu semeynykh zhivotnovodcheskikh ferm krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv Gosudarstvennoy programmy Penzenskoy oblasti ot 17, 18, 22 maya 2018 g.* [Development of the agricultural sector of the Penza region for 2014–2020: protocol No.1 of the meeting of the competitive commission under the Government of the Penza region on the selection of participants in activities to support novice farmers and the development of family livestock farms of peasant (farmer) farms of the State program of the Penza region of May 17, 18, 22, 2018]. Available at: <http://mcx.pnzreg.ru/gospodderzhka-apk/podderzhka-mfkh/dokumenty/> [In Russian]
12. *Ob Investitsionnoy strategii Penzenskoy oblasti na period do 2021 goda (i na perspektivu do 2030 goda)* [On the Investment strategy of the Penza region for the period until 2021 (and for the future until 2030)]. Available at: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW021&n=12156#06091187463368022> [In Russian]
13. Polushkin N. A. *Regional'naya ekonomika i upravlenie* [Regional economics and management]. 2017, no. 1 (49). Available at: <https://eee-region.ru/article/4918/> [In Russian]
14. *Krest'yanskie vedomosti* [Peasant bulletin]. 2018, 28 Febr. Available at: <http://kvedomosti.ru/news/kommentarij-ushachev-finansirovanie-selskix-territorij-sokratilos-v-pyat-raz.html> [In Russian]

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
director of the Institute of Economics
and Management, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Дубина Гульсина Ислямовна
старший преподаватель, кафедра
менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gylja0302@yandex.ru

Князькина Альбина Александровна
старший преподаватель, кафедра
менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: albinakna@yandex.ru

Dubina Gul'sina Islyamovna
Senior lecturer, sub-department
of management and economic security,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Knyaz'kina Al'bina Aleksandrovna
Senior lecturer, sub-department
of management and economic security,
Penza State University (40, Krasnaya
street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Володин, В. М. Современное состояние системы государственного регулирования села в Пензенской области / В. М. Володин, Г. И. Дубина, А. А. Князькина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 147–158. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-15.

РЫНОК ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА: МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена обоснованию необходимости применения маркетингового подхода в процессе формирования рынка гостиничного бизнеса. Авторы рассматривают проблемы и противоречия развития этого рынка на примере г. Екатеринбурга.

Материалы и методы. Методом исследования выбраны анализ статистических данных Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, а также анализ документов государственных и муниципальных органов власти в области регулирования рынка бытовых услуг.

Результаты. Исследование позволило систематизировать и описать факторы, определяющие направленность выбора маркетинговой стратегии предприятий индустрии гостеприимства города, выявить барьеры и противоречия, тормозящие развитие этой отрасли в целом.

Выводы. Определены основные тренды развития гостиничного бизнеса, а также представлены рекомендации по выделению базовых опорных направлений этого бизнеса.

Ключевые слова: гостиничный бизнес, индустрия гостеприимства, бизнес-туристы, качество обслуживания, маркетинговая стратегия.

A. A. Kirillov, T. E. Radchenko

MARKET OF HOSPITALITY INDUSTRY IN EKATERINBURG: A MARKETING APPROACH

Abstract.

Background. The article is dedicated to justification of a marketing approach to the formation of a hotel business market. The author considers certain problems and contradictions in the development of this market, using the city of Ekaterinburg as an example.

Materials and methods. The analysis of statistical information provided by the branch of Federal State Statistics Service in Sverdlovsk region was chosen as the main research method along with the analysis of state and municipal authorities documentation in the field of regulation in the market for personal services.

Results. Our research allowed to systematize and describe the factors which define the choice of a marketing strategy in the hospitality industry of the city. It also helped to reveal the barriers and contradictions which restrict the development of the industry in general.

Conclusions. The conclusion defines main trends in development of the hotel business and includes recommendations for identifying the foundational directions of the hotel business.

Keywords: hotel business, hospitality industry, business travelers, quality of service, marketing strategy.

Екатеринбург является не только крупным промышленным, но и культурным и деловым международным центром. Проведение матчей Чемпионата мира по футболу в 2018 г., международной выставки «Иннопром» и участие в заявке на проведение «Экспо-2025» определяют большой поток российских, иностранных туристов и болельщиков, а также деловых людей. И хотя город занял почетное второе место в заявке на проведение «Экспо», уступив японской Осаке, само участие в конкурентной борьбе привлекло внимание к городу, повысило его известность на международной арене и среди возможных гостей. Для создания конкурентного преимущества в формировании позиции г. Екатеринбурга как международного бренда гостиницы города ориентированы на создание современного гостиничного комплекса, обеспечивающего предоставление всего спектра услуг, необходимого для функционирования делового и туристического центра.

Для исследования данной сферы жизни города важно определить теоретико-методологический подход к развитию индустрии гостеприимства. Основными подходами являются экономический [1, 2], социальный [3] и маркетинговый [4, 5]. Экономический подход основан на анализе финансовой устойчивости, рентабельности, структуре затрат и ценовой политике гостиничного предприятия и отрасли в целом. Социальный подход ориентирован на роль данной сферы в развитии человеческого капитала через появление новых возможностей в обеспечении качества жизни, занятости и образования. Маркетинговый подход, который традиционно трактуется как процесс изучения и удовлетворения потребностей людей, является инструментом для достижения как социальных, так и экономических целей индустрии гостеприимства. Современный маркетинг – это не только маркетинг потребностей, но и маркетинг ценностей, социальный маркетинг. Маркетинговый подход может быть органично использован и в политике публичного управления сферой услуг государственными и муниципальными органами власти. Так, Л. И. Воронина в своей работе отмечает «наиболее важные причины заимствования маркетинга и его адаптации в некоммерческой сфере»: благодаря применению всего комплекса маркетинга формируются устойчивые связи, лояльные и доверительные отношения с потребителями услуг, удовлетворяются их потребности посредством услуг, повышается социальный эффект деятельности такого типа организаций [6, с. 155]. Это особенно важно в то время, когда государство определяет приоритеты развития туризма, поддерживает инновационные проекты в сфере туристического бизнеса [7, с. 152].

По состоянию на 1 января 2018 г. на территории г. Екатеринбурга расположено 119 средств размещения на 10 742 места (5894 номера).

Структура гостей Екатеринбурга по целям въезда выглядит следующим образом: 70 % гостей посещают город с деловыми поездками, 30 % – как туристы (рис. 1). То есть основная часть предприятий гостиничного бизнеса может позиционировать себя как отели для деловых людей, приезжающих в Екатеринбург в бизнес-командировки.

Какие же требования предъявляют деловые туристы при выборе места проживания? Прежде всего это удобство бронирования. Большинство бизнес-туристов осуществляют онлайн-бронирование через туристические агентства

(например, Booking). Отель должен быть достойно представлен на этом и других онлайн-ресурсах, здесь очень важно хорошо презентовать свои конкурентные преимущества. При этом лицами, принимающими решение о выборе отеля, подчас являются не сами командировочные, а люди, занимающиеся организацией поездки. Они, как правило, заходят на сайт отеля и проверяют информацию, полученную о нем ранее. Но и данная группа потребителей высоко ценит удобное и надежное бронирование. Поэтому сайты отелей должны быть адаптированы под все виды гаджетов, что требует от отельеров определенных усилий и затрат. Сайт должен отвечать на все основные вопросы деловых клиентов: где? как? сколько? Чувствительность к цене для этой категории потребителей несколько ниже, чем для тех, кто приобретает проживание за свой счет, но обычно эта цена находится в пределах 100 евро.

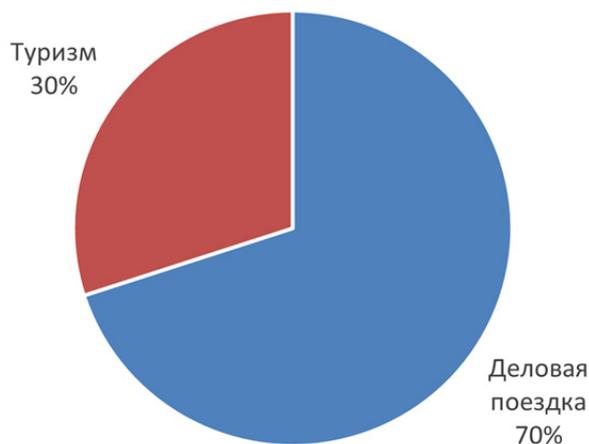

Рис. 1. Структура потока гостей Екатеринбурга по целям визита [8]

Также для выбора маркетинговой стратегии имеет значение длительность пребывания в отеле (рис. 2). Продолжительность пребывания в деловой командировке гостей Екатеринбурга, как правило, не превышает трех дней. Следовательно, очень важным фактором качества услуг является мобильность в предоставлении гостиничных услуг. Мобильность можно рассматривать как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Высокоскоростной Интернет, удобный Wi-Fi – первоочередное требование делового человека. Но мобильность – это также быстрая реакция персонала на потребности клиента, оперативное предоставление информации о новом для гостя месте: его инфраструктуре, трафике и городских пробках, возможности посетить уникальные культурные объекты и мероприятия, если основная программа поездки уже выполнена. Хорошо, если у гостя есть возможность общаться с персоналом отеля и получать поддержку по телефону или онлайн, когда он не находится в отеле.

На рис. 3 видно, что около четверти въезжающих – это граждане иностранных государств. В 2018 г., после проведения Чемпионата мира по футболу, этот процент стал еще выше. В связи с этим перед руководителями индустрии гостеприимства стоит задача по обучению персонала иностранным языкам, кроме того, проводится корпоративное обучение службы приема и размещения гостей и горничных.

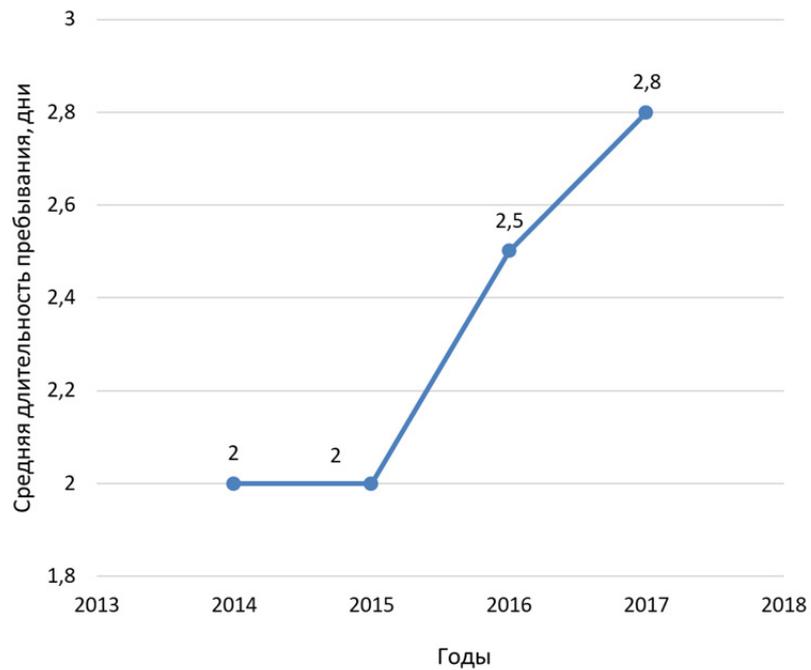

Рис. 2. Средняя продолжительность пребывания гостей Екатеринбурга в отеле [8]

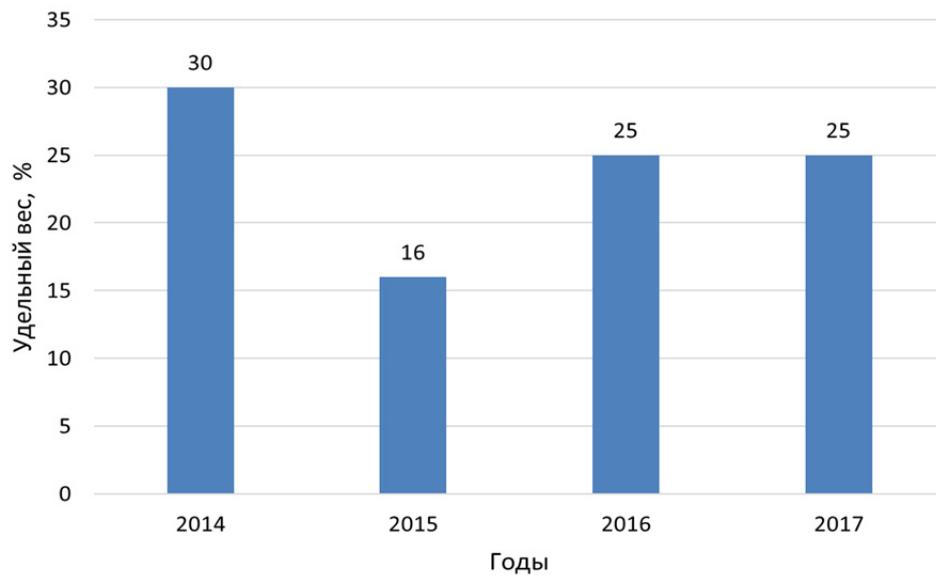

Рис 3. Удельный вес иностранных гостей Екатеринбурга от общего количества гостей города [8]

Для граждан иностранных государств особое значение во время пребывания в городе имеет безопасность – Россия часто позиционируется в сознании иностранных туристов как небезопасная страна. Хотя каждый турист, который отправляется в незнакомый город, обязан сам позаботиться о своих вещах, деньгах и физической безопасности. Здесь большое значение имеет регулирующая функция государства.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2017 г. № 447 подлежит категорированию и паспортизации большинство средств размещения г. Екатеринбурга. До руководителей всех средств размещения доведена информация по требованиям к обеспечению антитеррористической защищенности, категорирования, разработки паспорта безопасности.

Огромной проблемой для гостиничного рынка является неравномерность спроса, предъявляемого на гостиничные услуги. Средний коэффициент загрузки номерного фонда района составляет 55 % (рис. 4), однако во время проведения в городе значимых мероприятий он значительно увеличивается (например, во время проведения выставки «Иннопром-2017» $K = 100\%$).

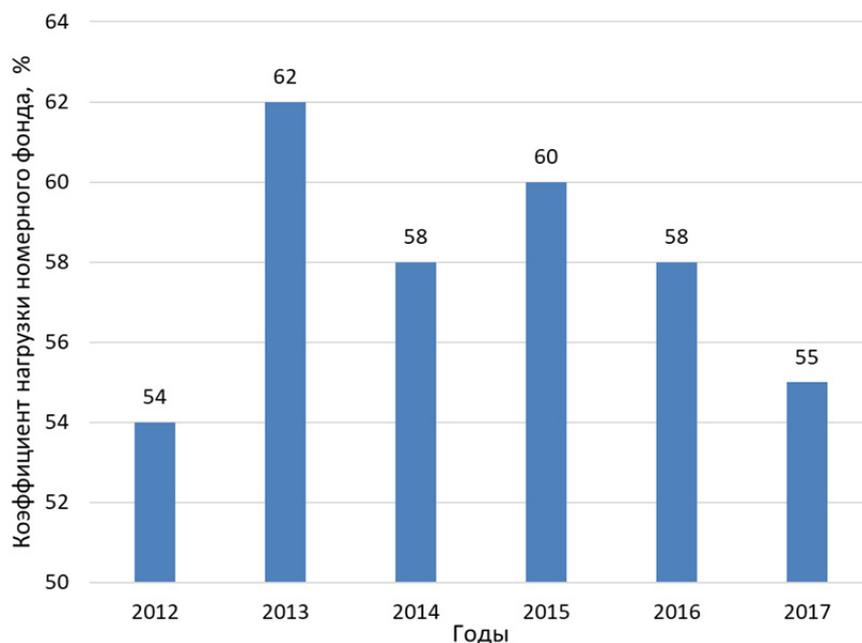

Рис. 4. Коэффициент загрузки номерного фонда [8]

С открытием за последние два-три года множества гостиниц, наконец, можно увидеть на рынке то, что называется конкуренцией. С одной стороны, все это идет на пользу бизнесу, создаются специальные программы лояльности клиентов, отели развивают собственную развлекательную инфраструктуру, дополнительные услуги, но именно на период этого развития пришелся мировой финансовый кризис и введение санкций против нашей страны. Из-за этого резко упала загрузка отелей, предложение стало превышать спрос. И, к сожалению, некоторые игроки туристического рынка, в том числе и сетевые мировые компании, для привлечения клиентов не просто разумно понизили цены, но и начали предоставлять скидки на проживание, доходящие до 60 % от стоимости услуги. Сетевые компании, являясь финансово устойчивыми организациями, могут позволить применить стратегию ценового вытеснения. Началась ценовая война. Регулярно проводимый мониторинг цен и услуг показал, что ряд четырехзвездочных гостиниц целенаправленно снижает цены [7].

Отели, чьи цены и услуги были исследованы, в большинстве своем являются сертифицированными. Это значит, что они обязаны оказывать услуги в соответствии со стандартами, принятыми для четырехзвездочных гостиниц. Однако предлагаемые цены не могут обеспечить все обязательные расходы на содержание персонала и оснащение номеров всем необходимым. Расходы, обязательные для производства и реализации услуги, остались неизменными или существенно возросли; налогообложение, тарифное регулирование остались неизменными, а в некоторых случаях возросли; профиль потребителей остался неизменным, а их численность уменьшилась. Следовательно, можно сделать вывод, что уровень услуг, оказываемых в данных гостиницах, не соответствует уровню услуг четырехзвездочных отелей. Потребитель предполагает, что по цене, соответствующей отелю уровня «четыре звезды», ему окажут услугу, соответствующую отелю уровня «четыре звезды», а это не так. С данной точки зрения, гостиницы, занижающие свои цены, могут вызвать интерес со стороны органов по сертификации.

Кроме того, низкая цена на услугу не позволяет этим организациям выплачивать среднерыночную заработную плату персоналу, что приводит к его сокращению, повышению напряженности на рынке труда, потере квалифицированных сотрудников и общему снижению качества оказания услуги. Помимо этого, последнее наносит серьезный ущерб имиджу города. А ведь для создания образа Екатеринбурга как делового центра Урала администрациями города и Свердловской области постоянно предпринимается множество усилий.

В 2016 г. принята муниципальная программа «Развитие рынка товаров и услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы» [8]. В этой программе уделено внимание в основном качеству работы предприятий торговли, общественного питания, а также парикмахерским услугам, но ничего не сказано про развитие предприятий гостиничного бизнеса. А именно эти предприятия и качество обслуживания в них определяют имидж города и участвуют в формировании как внутреннего, так и международного бренда г. Екатеринбурга. Снижение репутационного капитала города неизменно приведет к тому, что он не будет рассматриваться как потенциальное место проведения крупных конгрессов и встреч государственного и мирового уровня. Дабы не возникало таких проблем, следует включить следующие задачи в муниципальную программу развития рынка товаров и услуг: обеспечение соответствия международным требованиям в работе гостиниц (увеличение номерного фонда города); повышение качества обслуживания; использование стратегии целевого маркетинга с учетом особенностей целевых групп потребителей; привлечение инвестиций в сферу гостиничных услуг города. Ожидаемые результаты от всех этих мероприятий – это увеличение количества и качества объектов материально-технической базы деловой инфраструктуры Екатеринбурга, числа крупных международных и иностранных компаний, присутствующих в городе, укрепление его образа как места проведения качественных деловых встреч (рост количества иностранных гостей, прибывающих в город), увеличение числа мероприятий международного уровня.

Библиографический список

1. **Брашнов, Д. Г.** Экономика гостиничного бизнеса / Д. Г. Брашнов. – Москва : Флинта, 2013. – 224 с.
2. **Скобкин, С. С.** Экономика предприятия в индустрии гостеприимства и туризма : учебник и практикум для академического бакалавриата / С. С. Скобкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 432 с.
3. **Червова, Н. В.** Социальная направленность развития системы бытового обслуживания населения / Н. В. Червова // Вестник ТОГУ. – 2007. – № 3 (6). – С. 171–184.
4. **Баумгартен, Л. В.** Маркетинг гостиничного предприятия : учебник для академического бакалавриата / Л. В. Баумгартен. – Москва : Юрайт, 2016. – 338 с.
5. **Турковский, М.** Маркетинг гостиничных услуг / М. Турковский. – Москва : Финансы и статистика, 2014. – 295 с.
6. **Воронина, Л. И.** Теоретические аспекты применения маркетингового подхода в публичном управлении / Л. И. Воронина // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 152–159.
7. **Никитина, А. С.** Профессиональная деятельность государственных служащих: традиции и инновации : монография / А. С. Никитина, Н. Г. Чевтаева. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 176 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36348270> (дата обращения: 01.02.2019).
8. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 20.11.2018).

References

1. Brashnov D. G. *Ekonomika gostinichnogo biznesa* [Hospitality Economics]. Moscow: Flinta, 2013, 224 p. [In Russian]
2. Skobkin S. S. *Ekonomika predpriyatiya v industrii gostepriimstva i turizma : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Business economics in the hospitality and tourism industry: textbook and practical book for the academic bachelor programme]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow: Yurayt, 2017, 432 p. [In Russian]
3. Chervova N. V. *Vestnik TOGU* [Bulletin of Pacific National University]. 2007, no. 3 (6), pp. 171–184. [In Russian]
4. Baumgarten L. V. *Marketing gostinichnogo predpriyatiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Hotel marketing: textbook for the academic bachelor programme]. Moscow: Yurayt, 2016, 338 p. [In Russian]
5. Turkovskiy M. *Marketing gostinichnykh uslug* [Hotel marketing]. Moscow: Finansy i statistika, 2014, 295 p. [In Russian]
6. Voronina L. I. *Vestnik YuUrGU. Ser. «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of South Ural State University. Series “Economics and management”]. 2018, vol. 12, no. 1, pp. 152–159. [In Russian]
7. Nikitina A. S., Chevtaeva N. G. *Professional'naya deyatel'nost' gosudarstvennykh sluzha-shchikh: traditsii i innovatsii: monografiya* [Professional activities of public servants: traditions and innovations: monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2018, 176 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36348270> (accessed Febr. 01, 2019). [In Russian]
8. *Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sverdlovskoy oblasti i Kurganskoy oblasti* [Office of the Federal State Statistics Service of the Sverdlovsk region and Kurgan region]. Available at: <http://sverdl.gks.ru> (accessed Nov. 20, 2018). [In Russian]

Кириллов Андрей Александрович

государственный таможенный инспектор
Таможенного поста Аэропорт Кольцово
(пассажирский) Кольцовской таможни
имени В. А. Сорокина;
магистрант, Институт государственного
управления и предпринимательства,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург,
проспект Ленина, 51)

E-mail: andr477@yandex.ru

Kirillov Andrey Aleksandrovich

State customs inspector, Customs post
Koltsovo Airport (passenger) of Koltsovo
Customs named after V. A. Sorokin;
master's degree student, Institute
of Public Administration and
Entrepreneurship, Ural Federal
University named after the first
President of Russia B.N.Yeltsin
(51, Lenina avenue, Ekaterinburg, Russia)

Радченко Татьяна Евстафьевна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра теории, методологии
и правового обеспечения государствен-
ного и муниципального управления,
Институт государственного управления
и предпринимательства, Уральский
федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, г. Екатеринбург, проспект
Ленина, 51)

E-mail: T.E.Radchenko@urfu.ru

Radchenko Tat'yana Evstaf'evna

Candidate of philosophical sciences,
associate professor, sub-department
of theory, methodology and legal support
of state and municipal administration,
Institute of Public Administration
and Entrepreneurship, Ural Federal
University named after the first
President of Russia B.N.Yeltsin
(51, Lenina avenue, Ekaterinburg, Russia)

Образец цитирования:

Кириллов, А. А. Рынок индустрии гостеприимства г. Екатеринбурга: маркетинговый подход / А. А. Кириллов, Т. Е. Радченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 159–166. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-16.

УДК 005

DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-17

Л. В. Рожкова, Г. Н. Тугускина, О. В. Сальникова

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация.

Актуальность и цели. Управление персоналом – часть стратегии любой организации. Международные компании имеют ряд особенностей в реализации базовых компонентов системы управления персоналом: подбора, адаптации, развития, оценки, мотивации и стимулирования персонала. При ведении международного бизнеса следует также учитывать страновую дифференциацию в правовой и социально-экономической системах, различия в рынках труда и кросс-культурные компоненты. Исследование особенностей деятельности международных организаций по вопросам управления персоналом позволяет грамотно и эффективно выстроить эту систему. Актуальность эта проблема приобретает в условиях роста на современном этапе числа международных компаний. Цель исследования состоит в изучении специфики построения системы управления персоналом международных компаний.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения правовых актов в отношении сущности международных компаний, научных источников информации при анализе форм и методов построения системы управления персоналом международных компаний. Методология исследования базируется на системном подходе.

Результаты. Проведен теоретический анализ понятия «международные компании», раскрыта их специфика, рассмотрены подходы к управлению персоналом международных компаний, представлена система управления персоналом с учетом особенностей ее построения в рамках международных организаций, проанализированы данные статистики и исследований по особенностям системы управления персоналом международных компаний.

Выводы. Управление персоналом в международных компаниях имеет свои особенности, связанные как с особым ее правовым статусом, так и с особенностями территории – места деятельности. Кроме того, персонал международных компаний требует особого отношения в аспекте управления, в том числе в сфере разных компонентов в системе управления персоналом.

Ключевые слова: международные компании, управление персоналом, экспаты, подбор, адаптация, развитие, оценка, мотивация, высвобождение персонала.

L. V. Rozhkova, G. N. Tuguskina, O. V. Sal'nikova

HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Abstract.

Background. Human resource management is part of any organization strategy. International companies have a number of features in the implementation of basic

© Рожкова Л. В., Тугускина Г. Н., Сальникова О. В., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

components of human resource management system: recruitment, adaptation, development, evaluation, motivation and incentives for staff. When conducting international business, country differentiation in legal and socio-economic systems, differences in labor markets and cross-cultural components should also be taken into account. The research of international organizations activities features on human resource management allows this system to be built competently and effectively. This problem becomes relevant in the conditions of international companies growing number at the present stage. The purpose of the research is to study the building specifics of human resource management system in international companies.

Materials and methods. Realization of research tasks was achieved on the basis of studying legal acts regarding the essence of international companies, scientific sources of information when analyzing the forms and methods of building the human resource management system of international companies. The methodology of the research is based on system approach.

Results. The theoretical analysis of “international companies” concept has been carried out, specifics of international companies have been disclosed, approaches to human resource management of international companies have been reviewed, human resource management system is presented taking into account the peculiarities of its construction within the framework of international organizations, statistics and researches on human resource management systems of international companies have been analyzed.

Conclusions. Human resource management in international companies has the features connected both with its special legal status, and with features of the territory – place of activity. In addition, the staff of international companies requires special treatment in the aspect of management, including the cross-section of various components in human resource management system.

Keywords: international companies, human resource management, expats, recruitment, adaptation, development, evaluation, motivation, personnel release.

От национальных юридических лиц, в основе создания которых лежат правовые основы одного государства, необходимо отличать иностранные лица. В российском законодательстве иностранное лицо рассматривается как юридическое лицо или организация, которые не являются российскими лицами [1]. Исследователь Ю. И. Еремина в качестве основных отличительных признаков иностранного лица указывает следующие. Во-первых – образование иностранного лица на основе другого, нероссийского правового порядка. Во-вторых, следует отличать понятие «иностранная организация» от более узкого понятия «иностранное юридическое лицо»: первое включает и международные организации, и другие корпоративные образования, не обладающие статусом юридического лица (в том числе представительства и филиалы) [2, с. 111].

Исследователи К. А. Бартлетт и С. Гошал рассматривают различные типы международных организаций в зависимости от разных подходов к определению их сущности и системы управления персоналом (рис. 1).

Персонал международных компаний по критерию принадлежности к стране пребывания подразделяется на две группы:

1) граждане страны размещения подразделений и филиалов международной организации («местные работники», работающие в своей стране на международную компанию);

2) экспаты, или экспатрианты (от лат. *ex patria* – «вне родины», работник предприятия, который работает за границей; иностранный специалист).

М. А. Бурчаков подчеркивает, что к группе экспатов относятся специалисты, переведенные по их согласию в другую страну для выполнения временной работы / выполнения определенного проекта (1–5 лет). Выделяются три подкатегории в этой группе: собственно экспатрианты (граждане страны, где размещена материнская компания, переведенные в другую страну); инпатрианты (переведены из другой страны в место размещения материнской компании); граждане «третьих стран» (специалисты, которые временно арендованы международной организацией для работы в стране, которая географически близка и является культурно сходной с их родной (один культурно-географический регион; например, польский гражданин во французской компании в России)) [5, с. 65].

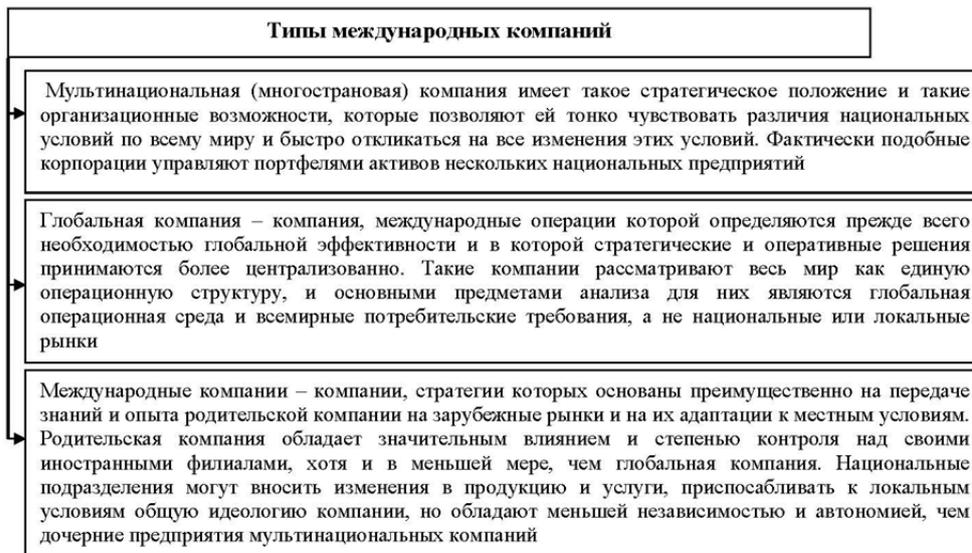

Рис. 1. Типы международных компаний [3, 4]

Для международных компаний выбор стратегий ведения бизнеса и управления компанией в принимаемой стране является особенно важным направлением в силу конкурентной борьбы как с национальными компаниями на внутреннем рынке, так и на мировом рынке с другими международными организациями [6].

Исследователи Н. С. Рычихина, М. М. О. Элххидер определяют управление персоналом международной компании как сферу деятельности, основными задачами которой являются обеспечение головной компании, филиалов, дочерних подразделений кадрами необходимого количества, качества, а также их расстановка и стимулирование труда [7, с. 63].

Основными элементами любой системы управления персоналом выступают базовые: разработка кадровой стратегии, подбор, адаптация, оценка, развитие, мотивация персонала. На рис. 2 показаны элементы системы управления персоналом, их типы, которые могут использоваться в международной организации.

Следует подчеркнуть, что система управления персоналом международной компании имеет свои особенности, которые обусловлены многонаци-

ональностью международных коллективов, а потому поиском культурной и психологической совместимости, объединением и обменом знаниями и опытом [7, с. 63].

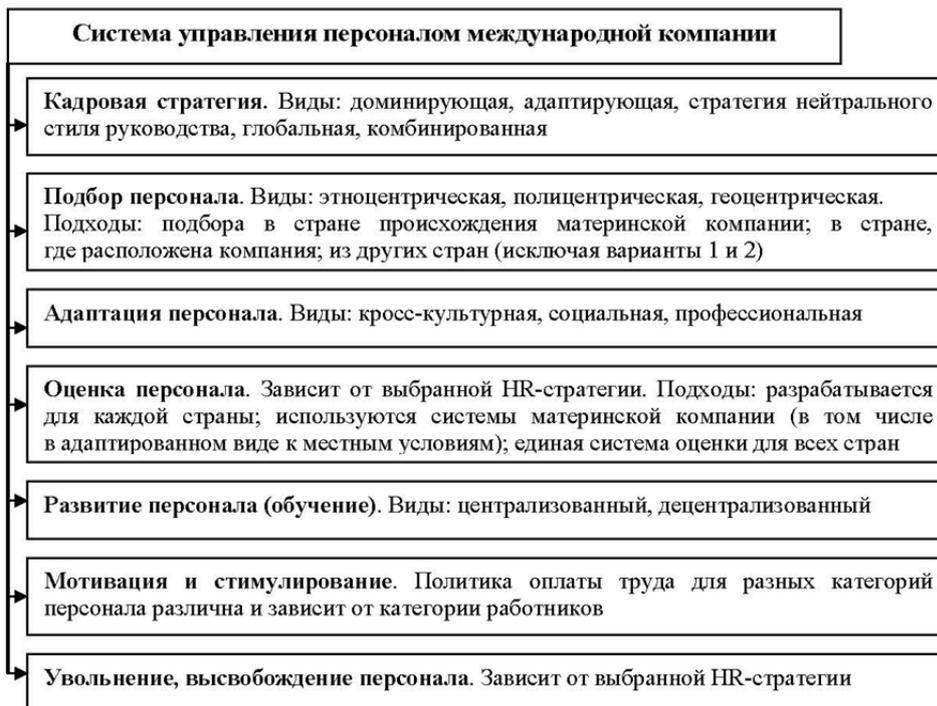

Рис. 2. Система управления персоналом международной компании [7]

1. *Кадровая стратегия международных компаний.* Работающие на международных рынках компании, как правило, используют три подхода к управлению персоналом (рис. 3).

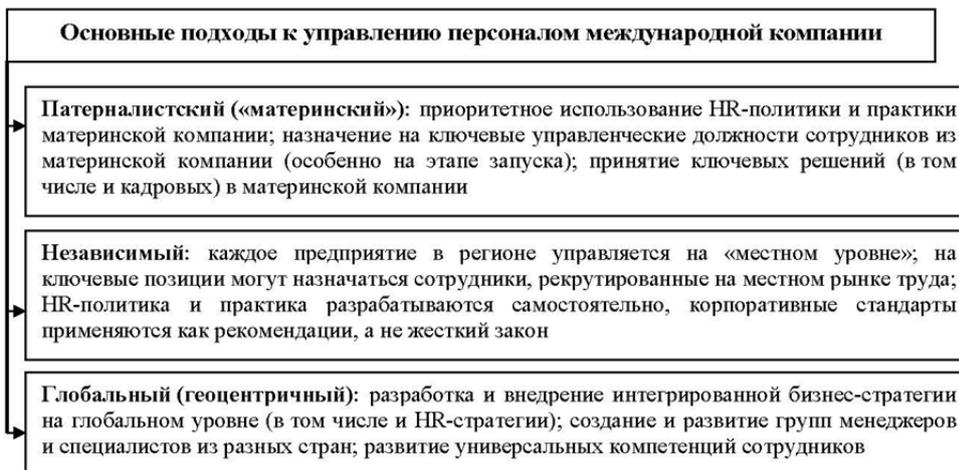

Рис. 3. Основные подходы к построению системы управления персоналом международной компании [8]

Следует подчеркнуть, что в «чистом» виде представленные стратегии не реализуются; чаще на практике присутствует комбинация особенностей в рамках разных подходов [3, с. 12]. Разные стратегии, соответственно, определяют и разные методы и технологии управления персоналом международных компаний.

В табл. 1 показаны основные кадровые стратегии для международных организаций, представленные в работах отечественных ученых.

Таблица 1
Типы кадровых стратегий в международных организациях [7, с. 64; 3, с. 13]

ФИО	Типы кадровых стратегий
Н. С. Рычихина, М. М. О. Элхидер	<ul style="list-style-type: none"> – Доминирующая стратегия (используется стиль управления материнской, головной компании в зарубежных филиалах, подразделениях); – адаптирующая стратегия (приспособление к местным условиям); – стратегия нейтрального стиля руководства (в странах с незначительными культурными отличиями); – глобальная стратегия (разные стили управления персоналом); – комбинированная стратегия (совокупность компонентов нейтральной и глобальной стратегий)
В. С. Половинко, Р. А. Кузьменков	<ul style="list-style-type: none"> – Адаптивная (в зарубежных филиалах, подразделениях максимально учитывается национальная, локальная специфика); – экспортная (трансфер лучших практик HR, прошедших эффективную апробацию в материнской компании); – интегративная (трансфер лучших практик HR вне зависимости от места их разработки)

Стратегия развития международной компании (ее тип) определяет стратегию управления персоналом этой компании. Так, международные организации с многострановой стратегией чаще используют адаптивные кадровые стратегии для зарубежных подразделений и филиалов. Глобальные и многоцентровые компании реализуют интегративную и (или) экспортную кадровые стратегии (часто последние комбинируются) [3, с. 13–14].

2. *Найм персонала: подбор и отбор.* Выделяют три основные стратегии подбора руководителей зарубежных подразделений международных компаний: этноцентрическую (головной офис направляет в зарубежные отделения управленцев с целью переноса стиля менеджмента и опыта функционирования головной компании); полицентрическую (на ключевые посты в управлении зарубежными подразделениями назначаются местные менеджеры, более адаптированные к местной бизнес-среде); геоцентрическую (на руководящие должности назначают специалистов, которые обладают лучшей квалификацией) [7, с. 64]. Выбор в качестве модели этноцентрической стратегии привлечения руководящих кадров обусловлен отсутствием в стране-реципиенте достаточного количества квалифицированных топ-менеджеров. Однако масштабы использования этой модели в последние годы уменьшаются, что связано с тем, что в этом случае, во-первых, происходит ограничение возможностей продвижения для местных менеджеров, что может вызывать их недо-

вольство, влиять на снижение производительности, текучесть кадров в этой профессиональной группе; во-вторых, следует учитывать факт больших затрат на содержание зарубежных топ-менеджеров, в отличие от местных управленцев, и их достаточно длительный период адаптации к особенностям местного рынка, что может приводить к принятию ошибочных решений и снижению эффективности производства [9].

Инструментарий международного подбора отличается в зависимости от рынка, страны поиска, возможностей международной организации и других факторов. Как правило, используются три вида рекрутинга:

1) Международные агентства, которые имеют широкую базу вакансий по всему миру. Стоимость услуг этих компаний отличается в зависимости от страны, уровня позиции и степени сложности поиска. Так, например, стоимость подбора менеджера среднего звена в США, Англии составит 20–23 %, в Китае – 18–21 %, в некоторых странах СНГ – 15–18 % от его годового дохода или в зависимости от фиксированного оклада [10].

2) Местные рекрутинговые порталы могут размещать вакансии через свои партнерские сети в разных странах мира, взимая свою комиссию. Также возможен вариант самостоятельного размещения на местном портале (проще всего это реализовать в Америке, Европе, СНГ, сложнее – в Азии и Латинской Америке). Третий вариант предполагает использование глобальных сервисов, обладающих возможностями отключения локации по географии (сервис *linkedin Jobs*; в этом случае вакансия доступна и для претендентов из конкретной страны, и для кандидатов из других стран, готовых к переезду). Стоимость размещения вакансии зависит от страны, срока размещения и количества вакансий в пакете (в Восточной Европе за одну вакансию – 60–150 евро, в Западной Европе – до 1000 евро, в США – 200–400 долл.) [10].

3) Международные профессиональные сети (*linkedin.com*, *viadeo.com*, *xing.com*) позволяют войти в профильные группы и сообщества, подбирая их по стране и интересующему рынку, дают возможность бесплатного размещения вакансий и прямой связи с представителями индустрии в интересующей стране [10]. Одним из направлений поиска также являются рекомендации.

В отношении подбора рядовых сотрудников для международной организации, ее зарубежных подразделений также выделяют три варианта: подбор в стране происхождения материнской компании (используется при патерналистском подходе в управлении персоналом, чаще на этапе стартапа (*start up*)); подбор в месте расположения компании (используется при независимом подходе к управлению персоналом); привлечение из других стран, исключая первый и второй подходы (характерно для глобальных корпораций) [11].

Важным направлением в системе найма персонала является отбор персонала. По данным исследований, только 10 % (50 из 500) фирм используют при найме работников психологические тесты, которые оценивают возможности культурной восприимчивости работника, его интерактивные навыки, адаптивные качества и гибкость. Остальные 90 % в основном оценивают технические способности [9]. Вместе с тем это направление становится одним из ключевых при отборе персонала в международную компанию. Данные статистики свидетельствуют: 20–40 % экспатов возвращаются в свою страну или начинают реализовывать другие задания, не завершив первоначальный про-

ект. Это грозит потерями инвестиций для компаний. Поэтому при подборе экспатов необходимо учитывать следующие аспекты: предыдущий опыт участия в международных проектах (возможно, и опыт работы в различных областях деятельности и сегментах рынка), семейную ситуацию (работающие супруги, малолетние дети), направленность индивида на результат. В последнем случае при отборе необходимо использовать интервью по компетенциям [11].

Исследователь Т. Петрук отмечает, что зарубежных специалистов лучше всего использовать на этапе стартапа (запуска проекта) или в стремительно развивающихся бизнес-направлениях. В других случаях лучше привлекать «местных работников» с соответствующим отбором и подготовкой [11].

Кроме того, при подборе в международную компанию необходимо учитывать и знание одного, а лучше нескольких, иностранных языков, подтвержденных международными сертификатами по языковой подготовке. Причем некоторые как из национальных, так и международных компаний предпочитают принимать на работу специалиста с хорошим знанием иностранного языка, а затем обучить его специфике работы компании, считая, что для этого потребуются меньше временных и финансовых затрат [12].

2. Адаптация персонала. Выделяют следующие виды адаптации, определяющие успешность работы в международной компании: кросс-культурная, социальная и профессиональная. Следует подчеркнуть, что на процесс профессиональной адаптации оказывает влияние ряд факторов: во-первых, организационная культура страны пребывания; во-вторых, культурологические особенности своей страны; в-третьих, индивидуальные личностные качества. В программу адаптации можно включить и информирование о будущей работе (цели, задачи проекта, ожидаемые результаты, сроки работы, корпоративная политика в отношении перемещенного персонала и т.п.). Значительным потенциалом в вопросе адаптации зарубежных специалистов обладает система наставничества (назначение наставника более высокого ранга, его предшественника, «местного» сотрудника компании) [11].

Кросс-культурная адаптация к новой культурной среде выступает важным фактором в системе управления персоналом зарубежных компаний. Первоначально работа в новой стране, как правило, нравится, воодушевляет, вызывает интерес. Через три месяца начинается следующая стадия – «культурный шок» (разочарование, чувство потерянности и т.п.), продолжающаяся от трех до шести месяцев. После этой стадии зарубежный специалист может благополучно встроиться в социум. Однако может присутствовать и ситуация, когда сотрудник зарубежного подразделения так и не сможет пройти кросс-культурную адаптацию и вернуться на родину [11].

Важным в системе адаптации зарубежных специалистов является первичное обучение. С целью смягчения адаптации проводятся различные кросс-культурные и региональные тренинги по развитию навыков межкультурной восприимчивости и адаптивности [13] (ознакомление со страной, политической обстановкой, экономическими условиями, климатом, особенностями проживания, традициями, религией, правилами поведения в разных культурных средах и пр.); тренинги для членов семей зарубежных специалистов; языковые курсы; ознакомительные визиты в страну [7, с. 64]. Культурная адаптация зарубежного специалиста проходит более эффективно в случае,

если экспат начинает работать в стране с близкой культурой, традициями, национальными и религиозными особенностями своей страны [13].

Некоторые из исследователей предлагают использовать программу систематического интеркультурного тренинга, который является востребованным и для экспатов, и для сотрудников, направляемых в регулярные заграничные командировки. Для последней категории это особенно важно, во-первых, в силу снижения временной и трудовой затратности (уже подготовленный сотрудник); во-вторых, при необходимости экстренного замещения работника за рубежом; в-третьих, для повышения культурной компетентности часто привлекаемых к зарубежным контактам сотрудников [14].

В ряде западных исследований приводятся причины, которые препятствуют успешной адаптации зарубежных специалистов. R. L. Tung выделяет следующие причины (в порядке важности): невозможность семьи приспособиться к новым условиям жизни (отмечается только одна среди европейских менеджеров); неспособность работника адаптироваться как управленцу; различные семейные проблемы; неспособность справиться со значительными проблемами зарубежного филиала. Для японских менеджеров к числу вышеперечисленных добавляются сложности, обусловленные новым окружением; проблемы культурного различия и нехватка технических компетенций [9].

Полезным для международных компаний является опыт социально-профессиональной адаптации персонала в *Toyota*. Все новые сотрудники проходят через четко отработанную систему знакомства со спецификой работы. С этой целью организуется пятидневный период вхождения сотрудника в курс. При этом соблюдаются основные правила: ознакомление с основными принципами составляет три дня; все дни расписаны по часам (эффективность использования времени и понимание его ценности) в рамках трех компонентов (физическая подготовка к условиям труда, ознакомление с политикой компании и основными производственными процедурами, обучение на производстве конкретным операциям) [15]. Последний элемент – начальный этап трехмесячного испытательного срока (составляется график, представляется ежедневный отчет о его выполнении).

3. *Развитие, обучение персонала.* В международных компаниях могут использовать два подхода к обучению и развитию персонала: централизованный (разработка типовых программ в материнской компании и реализация в зарубежных подразделениях и филиалах); децентрализованный (необходимые программы разрабатываются «на местах») [7, с. 65]. В числе наиболее эффективных методов обучения в международных компаниях – тренинги, наставничество и др.

Развитие персонала включает в себя ряд подсистем: обучение персонала, профессиональное развитие, управление карьерой и формирование кадрового резерва. Для международных компаний преимущество создания «мобильного» резерва кадров помогает снизить риски в отношении локальных рынков труда. Подготовленные на резервные места специалисты могут оперативно включиться в работу любого зарубежного подразделения или международного проекта. Однако для этого требуются дополнительное обучение, развитие необходимых компетенций и приобретение кросс-культурного опыта [11] (последний рассматривается как значительно актуальный в среде деятельности международных компаний). При этом возможно формировать раз-

ные виды резервов, использовать этих подготовленных специалистов в системе перемещений и ротации персонала.

На современном этапе с целью повышения управления персоналом международных компаний все чаще идет подготовка транскультурных менеджеров [11]. В отличие от экспатриантов, они готовы работать в нескольких разных культурах (свободно владеют несколькими языками, имеют низкий уровень этноцентризма, высокие показатели межкультурной восприимчивости и адаптивных способностей). Их специальная подготовка помогает эффективно налаживать межкультурное взаимодействие, способствуя росту эффективности деятельности компании.

Исследователи Д. Майер, Дж. Лайкер описывают дешевую и быструю методику к обучению и развитию персонала, созданную в *Toyota* [16]. Этот подход был заимствован из американской Программы обучения в промышленности. Она включает в себя четыре этапа: общая подготовка организации (увязка целей компании и целей обучения сотрудников); выявление ключевого знания («...любая работа имеет ключевые аспекты, которые единообразны и доступны для усвоения. Выявите такие аспекты и научитесь эффективно доносить данную информацию до других, и вы сумеете развить у своих людей непревзойденные таланты»); передача ключевых знаний с помощью производственного инструктажа; проверка уровня знаний.

В *Toyota* используются разные виды обучения: в аудитории, индивидуальное обучение, развитие сотрудника на рабочем месте (приобретение опыта выполнения операций и плана, критическая оценка своей работы, повышение качества и эффективности, формирование способности обучать других сотрудников), обучение основным навыкам (до начала выхода на работу сотрудники выполняют учебные задания, близкие к их настоящей работе, в постоянно возрастающем темпе), которое проводится в Глобальном производственном центре во всех странах *Toyota*. Обучение проводится с учетом должностного уровня, с использованием аудиовизуальных материалов на национальных языках по одной и той же программе в любой точке мира [15].

4. *Оценка персонала.* При проведении оценки персонала в международных компаниях важными критериями выступают: обеспечение стандартизации (единообразие методологии, преемственность, последовательность процедур) для сравнения результативности работы в разных странах, а также учет культурной специфики каждой страны. Рассматривая систему оценки международных компаний, Т. Петрук выделяет два противоречия. С одной стороны, определенные ограничения накладывает культурная специфика стран (невозможность оценки по компетенциям в странах Ближнего Востока в силу того, что публичная оценка другого рассматривается как оскорбление). С другой стороны, типовые подходы (общие показатели) к оценке персонала для всех стран, где действует международная компания, влекут ее размытость и необъективность в силу отсутствия учета местных особенностей (например, объемы задач, ответственности по одной и той же позиции в разных странах отличны). Исследователь Т. Петрук предлагает использовать комбинацию оценки по компетенциям и оценку эффективности (по индивидуальным KPI). При этом оценка персонала соотносится с HR-стратегией компании [7, 11].

5. *Мотивация и стимулирование персонала.* Анализ системы мотивации и стимулирования труда персонала международных компаний показывает отличие политики оплаты труда в зависимости от категорий персонала («местные работники»; сотрудники, нанятые на международном рынке; «перемещенные сотрудники»):

1) «Местные работники». Компенсационный пакет соответствует корпоративной политике и ситуации на рынке труда конкретной страны.

2) Международный/межрегиональный найм (нанятые на международном рынке сотрудники, которые готовы переехать в другую страну). Компенсационный пакет устанавливается следующим образом. При переезде из более «дешевой» в более «дорогую» страну имеются разные надбавки (за переезд, компенсация разницы в стоимости жизни, компенсация более высоких налогов и т.д.); при переезде из более «дорогой» в более «дешевую» страну (как правило, только надбавка за переезд). Кроме того, этим работникам в дополнение к стандартному пакету предлагаются особые льготы, которые мотивируют к переезду (например, аренда жилья за счет компании на некоторое установленное время или на время действия контракта; но после определенного времени постепенно отменяются).

3) «Перемещенный персонал». Экспаты, «заточенные» под международные проекты, часто «мигрируют» – от проекта к проекту, из страны в страну. Для них действует привлекательный компенсационный пакет с дополнительными льготами (на весь период контракта) [11].

6. *Увольнение, высвобождение персонала.* В рамках этой кадровой технологии применительно к международной компании следует рассматривать два варианта: во-первых, это экспатриация; во-вторых, репатриация при окончании реализации проекта.

Экспатриация представляет собой отзыв зарубежного сотрудника, который по определенным причинам не справляется со своей работой, в том числе и не может адаптироваться к работе.

Данные американских исследований показывают, что 16–40 % американцев, посланных на работу за рубеж в развитые страны, и более 70 % – в развивающиеся страны, возвращаются значительно раньше срока. В настоящее время это универсальная проблема для международных компаний. Вместе с тем стоимость экспатриации в любой международной организации значительно высокая: затраты, связанные с экспатриацией одного работника, в международном бизнесе в три раза превышают годовую заработную плату аналогичного работника в стране репатрианта (плюс расходы на переезд), оцениваются от 250 тыс. до 1 млн долл. Кроме того, от 30 до 50 % американских экспатов со среднегодовым содержанием в 250 тыс долл., оставаясь на работу в зарубежных филиалах, считаются слабоэффективными или вообще неэффективными менеджерами [9].

При завершении проекта происходит репатриация (возвращение сотрудника в свою страну). Этот процесс требует специальной подготовки, поскольку связан с переходом в культурных средах. В этом случае разрабатываются программы помощи, включающие материальную компенсацию, планирование обучения, карьеры и направленные на снижение негативных последствий культурного шока [13].

Статистические данные свидетельствуют, что около 25 % сотрудников, которые возвращаются после международного проекта, покидают компанию

в течение года. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, развитием «вторичного» культурного шока при изменении ситуации в компании и стране за время отсутствия сотрудника. Во-вторых, вернувшийся сотрудник озадачен поиском «своего места» в компании (перспектива, востребованность, должностная позиция). В-третьих, в большинстве случаев менеджеры просто не готовы «забирать» экспатов обратно [11].

В заключение следует выделить ряд факторов, отличающих управление персоналом в международном масштабе [17] (рис. 4).

Особенности управления персоналом в международных компаниях	
→	Различие рынков труда (отличие по структуре, квалификации рабочей силы, затратам на ее оплату в разных странах). Международные компании, во-первых, могут использовать для несложных операций низкоквалифицированный персонал в принимающих странах, во-вторых, для функций, требующих высокой квалификации, могут привлекать квалифицированный персонал в развитых странах
→	Проблемы перемещения рабочей силы. Дефицит специалистов в той или иной области международные компании компенсируют путем их перемещения в необходимое подразделение. Однако при этом возникают трудности – определенные правовые, экономические, индивидуальные проблемы и культурные барьеры
→	Стиль и практика управления (нормы взаимоотношений между головной компанией и зарубежными подразделениями, стиль взаимоотношений руководства и подчиненных) связаны с кадровой стратегией. В обязательном порядке следует учитывать такие важные аспекты, как недопустимость расовой, половой, религиозной дискриминации, учет мотивационных принципов, наиболее распространенных в принимающей стране
→	Национальная или интернациональная ориентация. В зависимости от типа реализуемой кадровой стратегии международная компания может делать больший акцент на национальных подходах в управлении персоналом либо проповедовать интернациональный, глобальный подход
→	Контроль. Большинство международных компаний придерживается принципа единства кадровой политики для всех подразделений. Головная компания контролирует выполнение этого принципа. Однако удаленность от центра и страновая специфика могут осложнить применение компанией той кадровой политики, которой она отдает предпочтение, и заставить ее использовать разнообразную политику

Рис. 4. Особенности управления персоналом в международных компаниях [17]

Библиографический список

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : Федер. закон РФ от 08.12.2003 № 164-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 15.12.2003. – № 50. – Ст. 4850.
2. **Еремина, Ю. И.** О понятии иностранного юридического лица / Ю. И. Еремина // *Juvenis scientia*. – 2015. – № 1. – С. 89–94.
3. **Половинко, В. С.** Стратегия управления персоналом филиала международной компании: теоретический аспект / В. С. Половинко, Р. А. Кузьменков // *Вестник Омского университета*. – 2010. – № 2. – С. 11–15.
4. **Корнелиус, Н.** HR-менеджмент: Поиск, подбор, адаптация, мотивация, дисциплина, этика : пер. с англ. / Н. Корнелиус. – Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005. – 520 с.
5. **Бурчаков, М. А.** Обеспечение персоналом в международном бизнесе / М. А. Бурчаков // *Дайджест-финансы*. – 2008. – № 11. – С. 59–65.
6. **Гузенко, А.** Как иностранные компании выходят на российский рынок? Причины, стратегии, аналитика / А. Гузенко. – URL: <http://вэд24.рф/kak-inostrannye-kompanii-vykhodyat-na-rossijskij-rynok.html>

7. **Рычихина, Н. С.** Управление персоналом международной конгломератной компании / Н. С. Рычихина, М. М. О. Элкхидер // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2018. – № 2. – С. 63–71.
8. Особенности управления персоналом в международной компании. – URL: <https://hr-portal.ru/article/osobennosti-upravleniya-personalom-v-mezhdunarodnoy-kompanii>
9. Управление персоналом в международном бизнесе. – URL: <https://economics.studio/mejdunarodniy-biznes/upravlenie-personalom-mejdunarodnom.html>
10. Основы и методы международного подбора персонала. – URL: <https://hr-portal.ru/blog/osnovy-i-metody-mezhdunarodnogo-podbora-personala>
11. **Петрук, Т.** Особенности управления персоналом в международной компании / Т. Петрук. – URL: <https://hrliga.com/index.php?id=1507&module=profession&op=view>
12. **Орлова, М. А.** Зарубежный опыт оценки и отбора персонала, или как попасть на работу в иностранную копию / М. А. Орлова // Молодой ученый. – 2011. – Т. 1, № 12. – С. 170–174. – URL: <https://moluch.ru/archive/35/3997/>
13. **Бессонова, М. А.** Особенности адаптации многонационального персонала в компании / М. А. Бессонова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 11. – URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/12929>
14. **Хачатрян, А. А.** Механизмы развития и адаптации персонала в международном бизнесе / А. А. Хачатрян, С. А. Савина // Науковедение. – 2014. – № 3. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22285223>
15. Система управления компании Toyota. – URL: http://www.efko.ru/kadry/international_corporate_culture/10578/
16. **Лайкер, Дж. К.** Талантливые сотрудники. Воспитание и обучение людей в духе дао Toyota / Дж. К. Лайкер, Д. Майер. – Москва : Альпина Паблишер, 2014. – 521 с.
17. **Прытков, Р. М.** Международный менеджмент / Н. К. Борисюк, Р. М. Прытков. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2008. – 257 с.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 15.12.2003, no. 50, art. 4850. [In Russian]
2. Eremina Yu. I. *Juvenis Scientia* [Juvenis Scientia]. 2015, no. 1, pp. 89–94.
3. Polovinko V. S., Kuz'menkov R. A. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2010, no. 2, pp. 11–15. [In Russian]
4. Kornelius N. *HR-menedzhment: Poisk, podbor, adaptatsiya, motivatsiya, distsiplina, etika: per. s angl.* [HR management: Search, selection, adaptation, motivation, discipline, ethics: translated from English]. Dnepropetrovsk: Balans Biznes Buks, 2005, 520 p. [In Russian]
5. Burchakov M. A. *Daydzhest-finansy* [Digest finance]. 2008, no. 11, pp. 59–65. [In Russian]
6. Guzenko A. *Kak inostrannye kompanii vykhodyat na rossiyskiy rynek? Prichiny, strategii, analitika* [How do foreign companies enter the Russian market? Reasons, strategies, analytics]. Available at: <http://ved24.rf/kak-inostrannye-kompanii-vykhodyat-na-rossijskij-rynok.html> [In Russian]
7. Rychikhina N. S., Elkhider M. M. *O Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern high technology. Regional application]. 2018, no. 2, pp. 63–71. [In Russian]
8. *Osobennosti upravleniya personalom v mezhdunarodnoy kompanii* [Features of personnel management in an international company]. Available at: <https://hr-portal.ru/article/osobennosti-upravleniya-personalom-v-mezhdunarodnoy-kompanii> [In Russian]

9. *Upravlenie personalom v mezhdunarodnom biznese* [Human resource management in international business]. Available at: <https://economics.studio/mejdunarodniy-biznes/upravlenie-personalom-mejdunarodnom.html> [In Russian]
10. *Osnovy i metody mezhdunarodnogo podbora personala* [Fundamentals and methods of international recruitment]. Available at: <https://hr-portal.ru/blog/osnovy-i-metody-mezhdunarodnogo-podbora-personala> [In Russian]
11. Petruk T. *Osobennosti upravleniya personalom v mezhdunarodnoy kompanii* [Features of personnel management in an international company]. Available at: <https://hrliga.com/index.php?id=1507&module=profession&op=view> [In Russian]
12. Orlova M. A. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2011, vol. 1, no. 12, pp. 170–174. Available at: <https://moluch.ru/archive/35/3997/> [In Russian]
13. Bessonova M. A. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy* [Economics and management of innovative technologies]. 2016, no. 11. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/12929> [In Russian]
14. Khachatryan A. A., Savina S. A. *Naukovedenie* [Sociology of science]. 2014, no. 3. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22285223> [In Russian]
15. *Sistema upravleniya kompanii Toyota* [Toyota management system]. Available at: http://www.efko.ru/kadry/international_corporate_culture/10578/ [In Russian]
16. Layker Dzh. K., Mayer D. *Talantlivye sotrudniki. Vospitanie i obuchenie lyudey v dukhe dao Toyota* [Talented staff. The education and training of people in the spirit of dao Toyota]. Moscow: Al'pina Pabliisher, 2014, 521 p. [In Russian]
17. Prytkov R. M., Borisyuk N. K. *Mezhdunarodnyy menedzhment* [International management]. Orenburg: GOU OGU, 2008, 257 p. [In Russian]

Рожкова Лилия Валерьевна

доктор социологических наук,
заведующий кафедрой экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: matmaeva_lv@mail.ru

Rozhkova Liliya Valer'evna

Doctor of sociological sciences, head
of sub-department of economic theory
and international relations, Penza
State University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Тугускина Галина Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galina066@mail.ru

Tuguskina Galina Nikolaevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management
and economic security, Penza
State University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Сальникова Ольга Владимировна

старший преподаватель, кафедра
экономической теории и международных
отношений, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sova_newm@mail.ru

Sal'nikova Ol'ga Vladimirovna

Senior lecturer, sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Рожкова, Л. В. Управление персоналом в международных организациях / Л. В. Рожкова, Г. Н. Тугускина, О. В. Сальникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 167–180. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-17.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КАДРОВОЙ И ПРАВОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современных условиях объективная и достоверная диагностика экономических угроз является преобладающим фактором для существования предпринимательской деятельности. Действующие методики оценки уровня экономической безопасности предприятий труднореализуемы, а также зависят от субъективного мнения эксперта. Цель работы – изучить методические основы и сформировать модели оценки технико-технологической, интеллектуально-кадровой и правовой составляющих экономической безопасности промышленного предприятия, позволяющие получить наиболее объективный и достоверный результат оценки.

Методы исследования. В работе использовались методы системно-структурного анализа, формально-логические, теоретико-эмпирические, экономико-статистические.

Результаты. На основании проведенной работы созданы математические модели, позволяющие объективно диагностировать состояние функциональных составляющих. В результате исследования автор разработал два показателя, один из которых характеризует защищенность интеллектуальной собственности промышленного предприятия, а второй учитывает риски, связанные с нарушением правовых норм. Обоснованы значимость и перспективы применения диагностики функциональных составляющих экономической безопасности промышленного предприятия.

Выводы. Внедрение адаптированной модели позволит объективно и достоверно диагностировать уровень технико-технологической, интеллектуально-кадровой и правовой составляющих как внутрипроизводственной деятельности промышленного предприятия, так и всех контрагентов, способных или оказывающих влияние на предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: экономическая безопасность; диагностика; объективность; математическое моделирование; технико-технологическая, интеллектуально-кадровая, правовая составляющая.

I. A. Sergeeva, S. Yu. Chunaev

DIAGNOSTICS' METHODS OF TECHNICAL-TECHNOLOGICAL, INTELLECTUAL-PERSONNEL AND LEGAL COMPONENTS OF THE ECONOMIC SAFETY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE

Abstract.

Background. In today's conditions, an objective and reliable diagnosis of economic threats is the predominant factor for the existence of entrepreneurial activity. The existing methods of assessing the level of economic security of enterprises are difficult to implement and also depend on the subjective opinion of the expert. The purpose of the work is to study the methodological foundations and form models of technical-technological, intellectual-personnel and legal components of the economic security of an industrial enterprise, which allow to obtain the most objective and reliable result of the assessment.

Materials and methods. We used the methods of system-structural analysis, formal-logical, theoretical and empirical methods, economic and statistical research methods.

Results. Based on the study, the author created mathematical models that allow to objectively diagnose the state of the functional components. As a result of the study, the author developed two indicators: one of which characterizes the protection of intellectual property of an industrial enterprise, and the second takes into account the risks associated with violation of legal norms. The significance and prospects of the application of diagnostics of the functional components of the economic security of an industrial enterprise are substantiated.

Findings. The introduction of an adapted methodology will allow us to objectively and reliably diagnose the level of technical-technological, intellectual-personnel and legal components of both the internal economic activity of an industrial enterprise and all counterparties capable or influencing business activity.

Keywords: economic security, diagnostics, objectivity, math modeling, technical and technological, intellectual and personnel, legal component.

В условиях высокой внешней зависимости российской экономики и ужесточения экономических санкций создаются серьезные угрозы для ее экономической безопасности. Внутренние угрозы обусловлены состоянием собственной экономики. Из-за нестабильности экономических процессов, ожесточающейся конкуренции, неисполнения договорных обязательств, морального устаревания технологий и оборудования производственной деятельности промышленного предприятия наносится значительный ущерб, что угрожает ее экономической безопасности. В результате этого все больше обостряется необходимость совершенствования моделей диагностики экономической безопасности предприятия и разработки на основе полученных данных действенных механизмов и мер ее обеспечения.

Важность диагностики экономической безопасности предприятия заключается не только в комплексном исследовании финансово-хозяйственной деятельности, обнаружении угроз и закономерностей развития хозяйственного субъекта, но и в выявлении резервов и перспектив развития предпринимательской деятельности. Для обеспечения системы экономической безопасности, кроме финансовой, немаловажное значение при оценке деятельности промышленного предприятия имеют технико-технологическая, интеллектуально-кадровая и правовая составляющие. Разработкой методик оценки указанных составляющих занимались такие ученые, как Л. А. Кормишкина, Л. А. Запорожцева, Е. А. Олейников, В. В. Сыроижко, А. Е. Миллер и другие [1–6]. Основными недостатками существующих методик диагностики функциональных составляющих экономической безопасности являются: наличие показателей, оценка которых зависит от субъективного мнения эксперта, а

также сложность вычисления, прогнозирования и интерпретации конечного результата.

С целью получения точной диагностики состояния деятельности промышленного предприятия установлено, что показатели, характеризующие состояние технико-технологической, интеллектуально-кадровой и правовой функциональной составляющих экономической безопасности, должны формироваться на основе критериев объективности, достоверности, доступности данных и легко интерпретировать результат. Основой для формирования моделей оценки технико-технологической, интеллектуально-кадровой, правовой составляющих экономической безопасности промышленного предприятия является методика рейтингового анализа, используемая для построения модели А. В. Постюшкова. Данная методика позволит определить удовлетворительное состояние каждой функциональной составляющей экономической безопасности промышленного предприятия, соответствующее нормативным минимальным значениям [7]. Математическое моделирование упростит получение конечного результата, его интерпретацию и прогнозирование.

Технико-технологическая составляющая является основой для функционирования промышленности, поэтому наблюдение динамики ее состояния способствует минимизации угроз, а также повышению конкурентоспособности предприятия и своевременному реагированию на колебания спроса.

На основании изучения публикаций ученых, посвященных оценке функциональных составляющих экономической безопасности предприятия, установлено, что основными показателями, соответствующими требованиям и наиболее достоверно отражающими состояние технико-технологической безопасности, являются:

- коэффициент фондоотдачи (K_{ϕ});
- коэффициент обновления основных производственных фондов ($K_{\text{ооф}}$);
- коэффициент годности основных производственных фондов ($K_{\text{годф}}$);
- коэффициент отсутствия брака ($K_{\text{об}}$);
- коэффициент материалоотдачи ($K_{\text{м}}$).

Каждый коэффициент рассчитывается на основании данных бухгалтерской отчетности предприятия, что упрощает систему расчета. Кроме того, выбраны показатели, нормативным требованием которых является удовлетворительное значение, т.е. нижняя граница показателя, удовлетворяющая условию функционирования предприятия. Это условие позволит не исказить результат созданных моделей расчета функциональных составляющих экономической безопасности промышленного предприятия.

Коэффициент фондоотдачи отражает уровень и эффект использования основных средств промышленного предприятия. Нормативное значение зависит от отраслевых особенностей и размера предприятия. Для определения нормативного значения фондоотдачи используем проект сравнительного отраслевого анализа TestFirm.ru, который применяется государственными органами для определения финансового положения предприятия относительно среднего по отрасли. В соответствии с ОКВЭД-28 и размером предприятия нормативное значение фондоотдачи составляет 6,44. Общепринятое нормативное значение $K_{\text{ооф}}$ составляет 0,1 [2]; нормативное значение $K_{\text{годф}}$ –0,7 [6].

Качество производственного процесса предприятия характеризуется наличием или отсутствием брака. В большинстве стран в промышленном производстве существует известный допустимый уровень брака (2–3 % выпускаемых товаров). Коэффициент отсутствия брака рассчитывается следующим образом: коэффициент отсутствия брака = (себестоимости реализованной продукции – стоимость брака) / себестоимости реализованной продукции. Нормативное значение $K_{об}$ составляет 0,97.

Для предприятий с крупным объемом производства особенно важно вести контроль над материальными затратами при помощи коэффициента материалоотдачи. Для роста материалоотдачи продукции требуется модифицировать предметы труда, минимизировать потери, соблюдать правила ведения и организации технологических процессов. Нормативное значение для промышленной отрасли K_m составляет 1,3 [5].

Методику оценки технико-технологической составляющей можно представить графически (рис. 1).

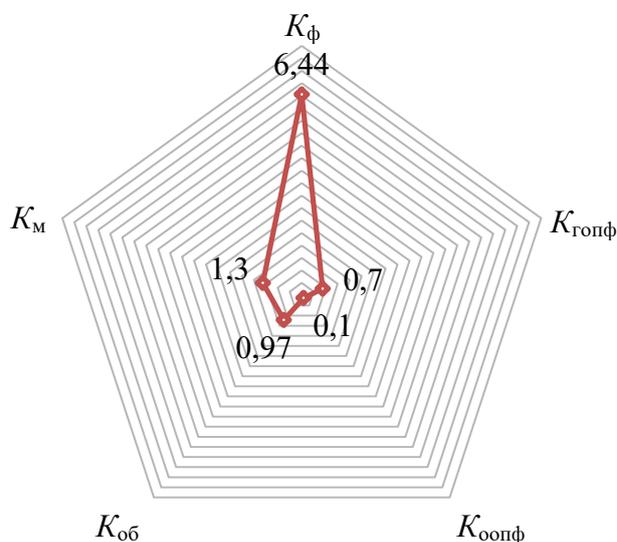

Рис. 1. Нормативные значения предикторов технико-технологической составляющей экономической безопасности промышленного предприятия

Графическое отображение показателей позволит детальнее и нагляднее диагностировать угрозы в обеспечении технико-технологической составляющей экономической безопасности промышленного предприятия.

Математическая модель диагностики технико-технологической составляющей экономической безопасности промышленного предприятия отражена в формуле

$$P_{т-т} = 0,031K_{\phi} + 2K_{оопф} + 0,286K_{Гопф} + 0,206K_{об} + 0,154K_m.$$

При условии $P_{т-т} \geq 1$ состояние уровня технико-технологической составляющей экономической безопасности промышленного предприятия считается высоким.

Уровень обеспечения интеллектуально-кадровой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия формирует рентабельность использования активов, т.е. влияет на все, что может способствовать изменению корпоративной стоимости деятельности промышленного предприятия [8]. Наиболее популярные и объективные количественные методики оценки интеллектуально-кадровой составляющей экономической безопасности предприятия разработали следующие авторы: Л. А. Запорожцева, И. Е. Илякова, О. С. Саушева [6, 9]. Минус предложенных методик заключается в сложности расчета и интерпретации результата.

Анализируя существующие показатели, соответствующие установленным требованиям и характеризующие интеллектуально-кадровую составляющую экономической безопасности промышленного предприятия, были определены следующие предикторы модели:

- коэффициент постоянства кадров ($K_{пк}$);
- коэффициент эффективности организации труда ($K_{эот}$);
- коэффициент роста производительности труда ($K_{рпт}$);
- коэффициент расходов на НИОКР в отношении к прибыли ($K_{ниокр}$);
- коэффициент защищенности интеллектуальной собственности ($K_{зис}$).

Одной из основных угроз кадровой составляющей является частая смена специалистов, менеджеров, рабочих, что приводит к значительным издержкам и потерям потенциальной прибыли промышленного предприятия. Диагностировать наступление ущерба возможно с помощью коэффициента постоянства кадров. Нормативное значение постоянства кадров для промышленной отрасли составляет 0,85 [10]; нормативное значение для $K_{эот}$ – 1 [6].

Одним из ключевых показателей, характеризующих эффективность и состояние кадровой составляющей, является коэффициент роста производительности труда. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» приоритетной целью является оценка состояния и стимулирование роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики. На основании расчета данного показателя выбираются лидеры в проекте Всероссийской премии «Производительность труда: Лидеры промышленности России». Участникам премии предоставляется информационная и финансовая поддержка. Нормативным значением роста производительности труда для крупных и средних промышленных предприятий считается 5 % в год [11].

В современное время интеллектуальный капитал становится определяющим фактором, характеризующим успехи или неудачи в деятельности отдельных предприятий, проявляя себя в качестве генератора научно-технического прогресса. Нормативное значение $K_{ниокр}$ составляет 0,15 [12].

Кроме развития интеллектуальной собственности промышленного предприятия, важно не забывать о защищенности имеющихся активов. В рыночных условиях основным фактором выживания является конкурентоспособность, которая обеспечивается за счет инноваций. Рекомендуем ввести новый показатель $K_{зис}$, который характеризует защищенность интеллектуальной собственности, а также наличие конкурентного преимущества над другими субъектами предпринимательской деятельности. $K_{зис}$ рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{\text{зис}} = \frac{\Pi_{\text{ис}}}{1},$$

где $\Pi_{\text{ис}}$ – наличие патента, у которого срок исключительного права не закончился. Нормативное значение $K_{\text{зис}}$ и его максимальное составляет 1.

В соответствии с Приказом ФНС России от 29 декабря 2016 г. № ММВ-7-14/729@ (ред. от 30.05.2018) сведения о среднесписочной численности работников юридических лиц публикуются на сайте ФНС России в разделе «Открытые сведения». Это позволяет упростить проверку контрагентов и выбрать надежных партнеров для успешной деятельности предприятия.

Методику оценки кадровой составляющей экономической безопасности предприятия можно представить графически (рис. 2).

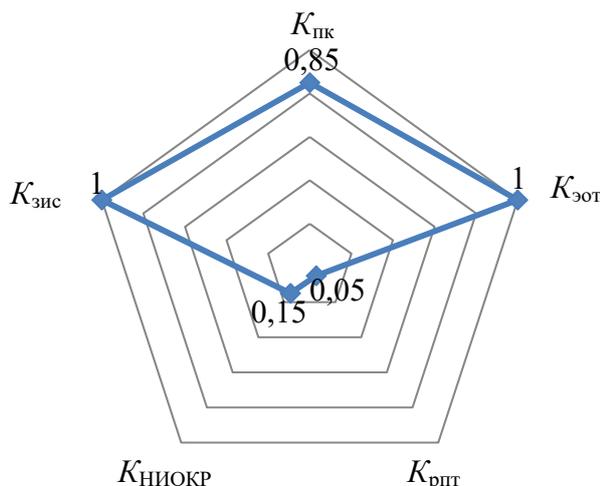

Рис. 2. Нормативные значения предикторов интеллектуально-кадровой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия

Математическая модель диагностики интеллектуально-кадровой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия отражена в формуле

$$P_k = 0,235K_{\text{пк}} + 0,2K_{\text{эот}} + 4K_{\text{рпт}} + 1,33K_{\text{ниокр}} + 0,2K_{\text{зис}}.$$

При условии $P_k \geq 1$, состояние уровня кадровой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия считается высоким.

На основании построенных организационно-экономических отношений между хозяйствующими субъектами формируются риски и угрозы, обусловленные несовпадением интересов. Для решения или минимизации угроз предприятиям необходимо через судебные разбирательства восстанавливать нарушенные права и предотвращать убытки. Нарушение правовых обязательств между юридическими лицами приводит к большим убыткам, вплоть до наступления банкротства. Диагностика состояния правовой составляющей промышленного предприятия заключается в эффективности ведения договорных отношений и соблюдении правовых норм.

Проанализировав показатели правовой составляющей функционального подхода, а также их зависимость от доступности информации и объективности, определим следующие предикторы модели:

– удельный вес непроигранных арбитражных разбирательств в общем их числе ($K_{\text{вар}}$);

– коэффициент платежной дисциплины ($K_{\text{пл}}$);

– коэффициент юридического менеджмента ($K_{\text{юм}}$);

– коэффициент соблюдения законодательных норм ($K_{\text{сзн}}$).

Минимальное значение для показателя $K_{\text{вар}}$ должно быть установлено на уровне не менее 0,5.

Платежная дисциплина подразумевает осуществление предприятиями платежей по финансовым обязательствам при условии ненарушения законодательства, в том числе в полном объеме и в установленные сроки. За нарушение предприятиями расчетно-платежной дисциплины к ним могут быть применены санкции.

Нормативным значением для коэффициента платежной дисциплины считается 1. Нарушение договорных условий или законодательства РФ является отрицательным показателем для имиджа предприятия.

Коэффициент юридического менеджмента ($K_{\text{юм}}$) рассчитывается как отношение дохода от возмещенных штрафных санкций, деленного на доход от начисленных штрафных санкций. Нормативное значение составляет 100 %. Но в случае если в текущем периоде отсутствует решение суда о взыскании сумм задолженности от контрагентов, то показатель равен 100 %.

Использование стандартных коэффициентов не позволит достоверно диагностировать уровень правовой составляющей промышленных предприятий, так как не учитываются в полном объеме результаты проверок государственных органов. Наложение штрафа на юридическое лицо является не единственным видом санкций, а также не самым опасным, в отличие от приостановления или лишения лицензии на определенный вид деятельности промышленного предприятия. Для решения указанной проблемы рекомендуется использовать коэффициент соблюдения законодательных норм.

$K_{\text{сзн}}$ рассчитывается по формуле

$$K_{\text{сзн}} = \frac{\Pi_6}{\Pi_в},$$

где Π_6 – количество проверок без нарушений за последние три года; $\Pi_в$ – количество проверок за последние три года.

Нормативное значение $K_{\text{сзн}}$ составит 1, что позволит исключить правовые риски, не измеряемые в денежном эквиваленте. Информация о количестве проведенных проверок и нарушений доступна на информационном ресурсе ФГИС «Единый реестр проверок» Генеральной прокуратуры РФ.

Методика оценки правовой составляющей экономической безопасности предприятия представлена графически на рис. 3.

Математическая модель диагностики правовой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия отражена в формуле

$$P_{\text{пр}} = 0,5K_{\text{вар}} + 0,25K_{\text{пл}} + 0,25K_{\text{юм}} + 0,25K_{\text{сзн}}.$$

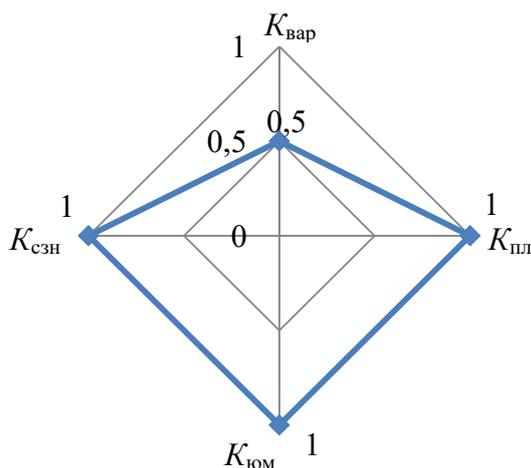

Рис. 3. Нормативные значения предикторов правой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия

При условии $P_{пр} \geq 1$ уровень правовой составляющей экономической безопасности промышленного предприятия считается высоким.

В созданную методику диагностики функциональных составляющих экономической безопасности включены показатели, которые вычисляются на основе фактических данных и не зависят от субъективного мнения эксперта. Кроме того, на основании построенных математических моделей возможно осуществлять прогноз развития состояния функциональных составляющих экономической безопасности промышленного предприятия.

Созданную методику могут эффективно применять при диагностике состояния деятельности промышленных предприятий: арбитражные управляющие, аудиторы, налоговые и другие государственные учреждения.

Библиографический список

1. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. А. Олейникова. – Москва : ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. – 288 с.
2. **Кормишкина, Л. А.** Экономическая безопасность организации (предприятия) : учеб. пособие / Л. А. Кормишкина, Е. Д. Кормишкин, И. Е. Илякова. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2015. – 280 с.
3. **Миллер, А. Е.** Исследование тенденций развития технико-технологических изменений / А. Е. Миллер, Т. И. Реутова // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». – 2017. – № 2. (58). – С. 63–69.
4. **Сыроижко, В. В.** Особенности оценки технико-технологического потенциала отечественных промышленных предприятий / В. В. Сыроижко, А. А. Андреева, А. А. Соляникова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 9–10. – С. 323–329.
5. **Маркарьян, Э. А.** Методика анализа показателей эффективности производства : учеб. пособие / Э. А. Маркарьян, С. Э. Маркарьян, Г. П. Герасименко. – Ростов-на-Дону : МарТ, 2001. – 207 с.
6. **Запорожцева, Л. А.** Стратегическая экономическая безопасность предприятия: методология обеспечения : монография / Л. А. Запорожцева. – Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет, 2014. – 261 с.

7. **Постюшков, А. В.** Методика рейтинговой оценки предприятий / А. В. Постюшков // Имущественные отношения в РФ. – 2003. – № 1. – С. 46–54.
8. **Ткаченко, И. Н.** Об исследовании кадровой составляющей корпоративной стоимости металлургической компании / И. Н. Ткаченко, М. С. Чеснокова // Известия УрГЭУ. – 2012. – № 3 (41). – С. 70–78.
9. **Илякова, И. Е.** Диагностика интеллектуальной и кадровой составляющих экономической безопасности корпорации: угрозы и условия нейтрализации / И. Е. Илякова, О. С. Саушева // Наукovedenie. – 2015. – Т. 7, № 5. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/221EVN515.pdf>
10. **Борисова, А. А.** Регулирование текучести кадров на основе оценки экономического ущерба предприятия / А. А. Борисова // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 11. – С. 1681–1692.
11. Всероссийская премия «Производительность труда: Лидеры промышленности России – 2018»: офиц. сайт. – URL: <http://www.up-pro.ru/specprojects/lidery> (дата обращения: 02.03.2019).
12. **Румянцев, А. А.** Факторы инновационной деятельности промышленных предприятий Санкт-Петербурга / А. А. Румянцев, А. С. Козенко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5. – С. 66–77.

References

1. *Osnovy ekonomicheskoy bezopasnosti (gosudarstvo, region, predpriyatie, lichnost')* [Fundamentals of economic security (state, region, enterprise, person)]. Ed. E. A. Oleynikov. Moscow: ZAO Biznes-shkola «Intel-Sintez», 1997, 288 p. [In Russian]
2. Kormishkina L. A., Kormishkin E. D., Ilyakova I. E. *Ekonomicheskaya bezopasnost' organizatsii (predpriyatiya): ucheb. posobie* [Economic security of the organization (enterprise): teaching aid]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 2015, 280 p. [In Russian]
3. Miller A. E., Reutova T. I. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Ekonomika»* [Bulletin of Omsk University. Series “Economics”]. 2017, no. 2 (58), pp. 63–69. [In Russian]
4. Syroizhko V. V., Andreeva A. A., Solyannikova A. A. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014, no. 9–10, pp. 323–329.
5. Markar'yan E. A., Markar'yan S. E., Gerasimenko G. P. *Metodika analiza pokazateley effektivnosti proizvodstva: ucheb. posobie* [Methodology for the analysis of production efficiency indicators: teaching aid]. Rostov-on-Don: MarT, 2001, 207 p. [In Russian]
6. Zaporozhtseva L. A. *Strategicheskaya ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya: metodologiya obespecheniya: monografiya* [Strategic economic security of an enterprise: methodology for ensuring: monograph]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2014, 261 p. [In Russian]
7. Postyushkov A. V. *Imushchestvennye otnosheniya v RF* [Property relations in the Russian Federation]. 2003, no. 1, pp. 46–54. [In Russian]
8. Tkachenko I. N., Chesnokova M. S. *Izvestiya UrGEU* [Proceedings of Ural State Economic University]. 2012, no. 3 (41), pp. 70–78. [In Russian]
9. Ilyakova I. E., Sausheva O. S. *Naukovedenie* [Sociology of science]. 2015, vol. 7, no. 5. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/221EVN515.pdf> [In Russian]
10. Borisova A. A. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. 2017, vol. 18, no. 11, pp. 1681–1692. [In Russian]
11. *Vserossiyskaya premiya «Proizvoditel'nost' truda: Lidery promyshlennosti Rossii – 2018»: ofits. sayt* [All-Russian Award “Labor Productivity: Russian Industry Leaders - 2018”: official site]. Available at: <http://www.up-pro.ru/specprojects/lidery> (accessed Mar. 02, 2019). [In Russian]
12. Rumyantsev A. A., Kozenko A. S. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2011, no. 5, pp. 66–77. [In Russian]

Сергеева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management
and economic security, Penza State
University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Чунаев Сергей Юрьевич

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: chunaevsergei@mail.ru

Chunaev Sergey Yur'evich

Postgraduate student, Penza State
University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Сергеева, И. А. Методика диагностики технико-технологической, интеллектуально-кадровой и правовой составляющих экономической безопасности промышленного предприятия / И. А. Сергеева, С. Ю. Чунаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 181–190. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-18.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Согласование экономических интересов – неременное условие стабильного состояния социально-экономической системы, перехода на траекторию устойчивого экономического роста. Баланс интересов хозяйствующих субъектов означает создание благоприятных условий для реализации интересов различного уровня (общественных, коллективных, личных) и отсутствие возможностей для социальных конфликтов. Сложность балансирования связана с противоречивым характером взаимосвязей экономических интересов. Результативность процесса согласования интересов определяется использованием апробированных механизмов и инструментов воздействия государственных структур на многообразные группы системных связей экономических интересов. Цель работы – выявление системных связей экономических интересов и механизмов государственного регулирования по согласованию системы интересов экономических субъектов.

Материалы и методы. Достижение цели было осуществлено при анализе различных групп связей системы экономических интересов, условий достижения согласованности, сбалансированности посредством использования механизмов государственного регулирования, направленных на разные группы связей интересов. Методологический потенциал исследования включает общенаучные методы: диалектический, системный, структурно-функциональный, научной абстракции, сравнительного анализа.

Результаты. На основе анализа системы экономических интересов определены основные элементы структуры системных связей функционирования, развития и управления. Показано, что нарушение баланса экономических интересов порождает точки бифуркации, провоцирующие хаотичность, непредсказуемость в функционировании и динамике социально-экономических процессов. Представлены основные механизмы воздействия на разные группы системы экономических интересов.

Выводы. Проведенное исследование позволяет выделить основные группы системных связей экономических интересов, определить механизмы государственного регулирования по согласованию интересов экономических субъектов на основе воздействия на разные уровни их системных связей и по обеспечению устойчивой структуры их системы.

Ключевые слова: экономические интересы, противоречивость и сбалансированность системы интересов, механизмы согласования интересов экономических субъектов.

N. S. Chernetsova, G. B. Novosel'tseva

STATE MECHANISMS OF ACCOMMODATION OF THE ECONOMIC INTERESTS SYSTEM

© Чернецова Н. С., Новосельцева Г. Б., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. Harmonization of economic interests is a prerequisite for the stable state of the socio-economic system, the transition to a sustainable economic growth. Balance between the interests of economic entities is about creating an enabling environment for the realization of the interests of different levels: public, collective, personal-and lack of opportunities for social conflict. The difficulty of balancing the contradictory relationships associated with economic interests. The impact of the process of harmonization of interests is determined by using the proven mechanisms and instruments of State structures on various groups of systemic linkages economic interests. Purpose: to identify systemic linkages economic interests and mechanisms of State regulation on the harmonization of interests of economic entities.

Materials and methods. Achieving the goal of the work was carried out through the analysis of various groups of links economic interests, conditions for achieving coherence, balance through the use of mechanisms of State regulation, imed at different groups of links of interest. Methodological research capacity includes general scientific methods: dialectic, systemic, structural-functional, scientific abstractions, comparative analysis.

Results. Based on the analysis of the system of economic interests identified the main elements of the structure of systemic linkages functioning, development and management. It is shown that the balance of economic interests raises the point of bifurcation, provoking chaos, unpredictability in the functioning and dynamics of socio-economic processes. Presents the basic mechanisms of impact on different groups of economic interests.

Conclusions. The study allows you to allocate the basic group of systemic linkages economic interests, to identify the mechanisms of State regulation to harmonize interests of economic entities based on exposure to different levels of systemic linkages and sustainable structure of their system.

Keywords: economic interests, inconsistency and balance of the system of interests, mechanisms for accommodation the interests of economic entities.

Эффективность функционирования системы государственного управления определяется степенью сбалансированности интересов экономических субъектов. Баланс интересов потребителей, бизнес-структур, государства, общества в целом означает создание благоприятных условий для реализации интересов различного уровня: общественных, коллективных, личных. Сложность балансирования опосредуется противоречивым характером взаимосвязей экономических интересов. Государственные структуры, апробированные механизмы и инструменты регулирования оказывают различного рода воздействия на многообразные, зачастую противоречивые группы системных связей экономических интересов, результат этого воздействия не всегда предсказуем.

На основе общественного разделения труда и процесса общественного воспроизводства происходят обособление и дифференциация экономических субъектов, обладающих собственными потребностями. Удовлетворение потребностей субъектов составляет базу для формирования их личных экономических интересов, требующих реализации в первоочередном порядке. В условиях ограниченности ресурсов отдельного индивида возникает необходимость взаимной деятельности субъектов, обеспечивающей процесс реализации потребностей всех участников с меньшими издержками для каждой стороны. Совместная деятельность принимает форму взаимосвязей интересов, обеспечивающих достижение максимальных результатов с минимальными затратами.

Система связей экономических интересов многогранна. На основе критерия сущности процесса, определяющей данную связь, выделяются связи функционирования, развития и управления. Связи функционирования упорядочивают элементы структуры интересов посредством совместимости, координации и детерминации [1, с. 76].

Выбор механизмов регулирования системы и подсистем интересов зависит от типов связей образующих их интересов. При совместимости интересов, которая достигается благодаря общей направленности и сопряженности, угроза конфликтности более отдалена по сравнению с ситуацией разной направленности интересов. Интересы коллектива организации формируются на основе общих целей и задач данного подразделения, которые определяют связи сотрудников, осуществляемые на различных уровнях. Совместимость интересов каждого с интересами коллектива – непереносимое условие нормального функционирования организации. Однако изменение принципа распределения прибыли или системы распределения всего коллективного дохода в пользу узкой группы, например руководства организации, нарушает связи совместимости и создает условия для конфликта.

Так, введение новой системы распределения фонда оплаты труда в сферах здравоохранения и образования, предполагающей его деление на базовую часть и стимулирующие надбавки, породило массу конфликтов в коллективах. В значительной части учреждений на базовую часть приходилось лишь 30–40 % выделяемых средств на оплату труда, а большая часть фонда шла на надбавки, которые делились между работниками согласно субъективным критериям, личным симпатиям руководства. В настоящее время министерства, курирующие эти сферы, издали распоряжение о доли базовой части не менее 70 %.

Упорядочивание интересов разной направленности обеспечивается благодаря сопряженности. Она означает, что реализация интересов экономических субъектов возможна лишь в результате их совместной деятельности при сохранении взаимосвязей с интересами других экономических субъектов. Сопряженными являются интересы трудового коллектива и отдельного работника, производителя и потребителя и др.

Координация интересов базируется на генетическом, природном сочетании и сознательном согласовании интересов, поскольку каждый интерес находится под воздействием не только непосредственно связанных с ним интересов, но и не имеющих такого типа связи. Выбор инструментария воздействия на данную группу связей должен учитывать, что воздействие на данный тип связей интересов осуществляется через другие элементы системы интересов.

Так, интерес в здоровом образе жизни осуществляется через реализацию интересов в экологически чистых продуктах питания, в доступности спортивных сооружений и в росте дохода, который обеспечит оплату спортивных тренировок, покупку дорогостоящих продуктов, и в умеренных ценах на них. Успешная реализация федеральной программы «Человеческий капитал», делающей упор на формировании здоровой, всесторонне развитой личности, возможна при создании условий для реализации всей группы указанных интересов.

При разработке государственной экономической политики следует учитывать связи детерминации – сложные причинно-следственные связи, в

рамках которых каждый интерес одновременно выступает как следствие одной группы интересов и как причина другой группы. Так, интерес в результативности использования сбережений является следствием интереса в получении дополнительного дохода от эффективного их размещения и фактором реализации интереса в расширении возможностей удовлетворения потребностей. Внутренние закономерности подсистем интересов вносят коррективы в реализацию причинно-следственных связей самой системы, усиливая элементы вероятности.

Ослабление вероятностных моментов обеспечивается посредством корреляционных связей, роль которых двояка. В первую очередь их реализация обеспечивает сохранение самой системы, обеспечивая взаимоприспособление ее элементов. С другой стороны, корреляция причинно-следственных связей обеспечивает развитие самой системы посредством адаптации к изменяющимся внешним условиям. Так, личный интерес в росте дохода может быть реализован в рамках подсистемы коллективных интересов либо в результате роста производительности труда самого работника, либо посредством перераспределения коллективного дохода на основе совершенствования системы стимулирования работников.

При разработке государственной экономической политики и выборе методов и инструментария ее реализации необходима ориентация на согласование интересов различных уровней. Разработчики направлений политики должны учитывать степень совместимости интересов участников процесса: общества, коллективов организаций, фирм и индивидов. При отсутствии такого учета степень противоречивости системы интересов обостряется, возникает возможность перерастания противоречия в конфликтную форму [2, с. 21]. Несовместимость интересов субъектов различного уровня может привести к нарушению законодательно установленного порядка, принятых правил, что негативно скажется на экономических процессах, торможении социально-экономического развития.

Вместе с тем противоречивость – обязательный атрибут любой системы, который обеспечивает процесс развития, разворачиваясь от тождества, через различия и противоположность и нередко до крайней степени – антагонизма. Воздействие на систему интересов в рамках государственной политики возможно через связи управления, которые представлены субординацией, их подчиненностью и соподчиненностью.

Дисбаланс взаимосвязей экономических интересов вызывает конфликты разной социальной направленности и масштабов. Чаще всего они проявляются в противостоянии отдельных социальных групп, например предпринимателей и работников, но иногда расширяются до противоречий между обществом и властью. Игнорирование анализа связей в системе экономических интересов приводит к принятию безответственных, не соответствующих ситуации решений, реализация которых ведет к социально-экономическому ущербу.

Последовательное, непрерывное изменение условий формирования и реализации экономических интересов порождает точки бифуркации, провоцирующие хаотичность, непредсказуемость в функционировании и динамике социально-экономических процессов. Совокупность бифуркаций разрушает установленный порядок, создает условия перехода к хаосу. Такая модель

трансформации социально-экономической системы через последовательность бифуркаций сложилась в России в 1990-е гг.

Непременное условие эффективного согласования экономических интересов – делегирование экономическим субъектом части своих прав коллективу и государству, которые располагают большими возможностями для создания условий их реализации. Научно необоснованное, практически не апробированное действие государства по согласованию экономических интересов отражается в снижении результативности функционирования государственных органов и социально-экономических институтов. В первую очередь это касается законодательной системы – основного механизма регулирования общественных отношений и достижения баланса интересов.

Если закон не отражает состояние системы интересов, не обеспечивает возможности реализации интересов хозяйствующих субъектов, не гарантирует достижение личного успеха, он становится точкой бифуркации, способной повлиять на состояние системы в целом. Так, «сухой закон» – указ «Об усилении борьбы с пьянством», подписанный М. Горбачевым в мае 1985 г., многие экономисты считают началом конца СССР. Следствие этого закона – ликвидация условий реализации интересов производителей, занимавшихся выращиванием плодовых культур и виноделием, вследствие масштабных вырубок виноградников редчайших сортов на Кавказе, в Крыму, Молдавии, прекращения деятельности тысяч заводов по производству вин. Деформация интересов потребителей проявилась в нарушении трудовой дисциплины из-за изменения времени продажи алкогольной продукции, в переходе на суррогат алкоголя и росте числа отравлений со смертельным исходом, активизации незаконного самогонарения. Реализация общественных интересов была нарушена в результате стремительного роста дефицита бюджета, доходная часть которого на 50 % формировалась за счет монополии на продажу виноводочной продукции.

Точки бифуркации, возникшие в результате разрушения законодательной базы, трансформации советских механизмов согласования интересов, создали условия для формирования новых механизмов, активизировали теневую экономику на базе капиталов криминалитета и хозяйственников – «теневиков». Устранение законодательно оформленных государственных, общественных институтов от регулирования социально-экономических процессов, связей поставщиков, производителей и потребителей породило новые формы их связей, обеспечивавших реализацию интересов в изменяющихся условиях. Основу этих форм составили параллельные структуры, неформальные группировки, такие субъекты, как «семья», «землячество», «круг друзей», которые отстаивали интересы входящих в «ближний круг». Практика создания неформальных связей поставщиков с потребителями, а также хозяйствующих субъектов с представителями органов власти сохраняется в России и в настоящее время.

В первоочередном порядке трансформационные процессы, начавшиеся в России в конце прошлого века, коснулись института собственности. Первоначально процесс развивался эволюционно, расширяя возможности реализации интересов индивидов и малых коллективов за счет развития кооперативного движения. Однако процесс разгосударствления в форме «шоковой терапии», ваучерной приватизации, осуществляемой в условиях несформировав-

шегося рынка ценных бумаг, отсутствия действенных механизмов государственного регулирования довел противоречия системы экономических интересов до конфликтной формы. Результатом этого процесса стали:

- разрушение устоявшихся экономических связей;
- приватизация предприятий без учета интересов трудового коллектива;
- массовое банкротство предприятий;
- стремительный рост безработицы с 5,1 % в 1992 г. до 13,4 % в 1998 г.

[3, с. 140];

– рост забастовочного движения: число предприятий, на которых проходили забастовки, выросло в 24 раза – с 260 в 1990 г. до 6273 в 1992 г.

– задержка выплаты заработной платы до полугода и более;

– рост доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: в 2000 г. она составила 42,3 % [3, с. 205];

– потеря населением денежных сбережений в банках: средний вклад в советский период составлял 2 тыс. руб., а в середине 1990-х гг. на эти деньги можно было купить лишь две буханки хлеба и др.

Устранение государства от регулирования связей системы интересов различных субъектов вынуждает собственников искать иные структуры, обеспечивающие защиту их интересов. Эту роль начинают выполнять специально созданные службы безопасности, охраны из бывших сотрудников силовых структур, «посредники», осуществляющие подкуп представителей органов власти, правопорядка в целях получения информации, оказания давления при принятии «нужных» решений. Дополнительные расходы, связанные с финансированием указанных процессов, ведут к увеличению транзакционных издержек, проявляющемуся в росте уровня цен, нарушающем условия реализации интересов всех субъектов хозяйствования.

Среди подобных структур выделяются группы-лобби, способствующие продвижению интересов финансовых, промышленных, аграрных, торговых и других компаний в государственных органах и ставящие групповые интересы в привилегированное положение посредством присвоения функций, ранее выполняемых государством:

– функции согласования интересов посредством нивелирования условий, приводящих к возникновению конфликтов, навязыванию и отстаиванию приоритетов экономической политики, обеспечивающих реализацию интересов определенных, как правило, наиболее влиятельных социальных групп;

– информационной функции, благодаря которой власть получает от различных лоббистских групп информацию о динамике интересов экономических субъектов, обеспечивающую формирование общей картины направленности интересов;

– функции адаптации, уменьшающей риск принятия государством не соответствующих ситуации решений при разработке экономической политики за счет учета множества интересов, отстаиваемых разными лоббистскими группами;

– стабилизирующей функции, нацеленной на сохранение или достижение параметров макросреды, предопределяющих стабильность ситуации, нивелирующих элементы нежелательной вероятности ее развития.

Ряд исследователей рассматривают лоббизм как достаточно эффективную форму контроля за исполнительной властью со стороны различных со-

циальных групп при условии отсутствия его превращенной формы – монополизма ограниченной группы лиц, узурпации ими не только экономической, но и политической власти. Предотвратить возникновение подобного монополизма можно, если с большей степенью эффективности будут представлять интересы различных социальных групп в законодательной и исполнительной ветвях власти уже действующие организации: профсоюзы, союзы предпринимателей, общества защиты прав потребителей. Особая роль в этом процессе принадлежит российскому гражданскому обществу, находящемуся в стадии активного формирования, о чем свидетельствует практическая деятельность Общероссийского народного фронта с мусорными свалками, по борьбе за честные закупки, хорошее качество дорог.

Наметившаяся тенденция к усилению регулирующей роли российского государства неоднозначно оценивается в обществе, в первую очередь в связи с высоким уровнем коррупции в органах власти и с опасением ее дальнейшего распространения. Аргументы представителей либеральной концепции, обосновывающие ограничения государственного вмешательства в экономику на основе опыта западных стран, не выдерживают критики в связи с реальными фактами государственного регулирования, осуществляемого правительствами всех развитых стран или их объединений, например ЕС. Жесткие рекомендации МВФ, принципы торговли, декларируемые ВТО и требующие их неукоснительного исполнения, лишь подтверждают действенность регулирования.

По мнению Ю. Борко, формирование Экономического и валютного союза и введение единой европейской валюты вызвали переход от «управления экономической интеграцией к управлению экономикой» [4, с. 31]. В ЕС жестко контролируется процесс соблюдения торговых правил и исполнения заключенных договоров, состояние госбюджета, своевременное принятие и исполнение мер по ограничению его дефицита. Нарушения пресекаются штрафными санкциями: превышение дефицита госбюджета в 3 % ВВП и непринятие мер по его сокращению влекут введение штрафа в размере 0,2 % национального ВВП; дополнительные санкции вводятся при превышении норматива госдолга в 60 % ВВП [5, с. 105].

Безусловно, ограничения и санкции сокращают возможности экономического роста стран, против которых они принимаются. Более того, политика ряда стран (США, европейских государств) распространяется не только на собственную национальную или интегрированную экономику, но и на экономику независимых стран посредством санкций, торговых войн и других механизмов.

Сторонники активизации регулирующей функции российского государства считают, что страна, добившись серьезных успехов во внешней политике, должна переключиться на совершенствование внутренних социально-экономических процессов, решив одновременно проблемы повышения эффективности функционирования национальной экономики за счет использования адекватных методов и инструментов регулирования и преодоления коррупционных сделок.

Теория социальной рыночной экономики предлагает рецепт борьбы с коррупционными нарушениями, который включает:

– экономическую свободу предпринимательства, обеспечивающую беспрепятственное перемещение рабочей силы, капиталов и товаров через

государственные границы, снижение зависимости хозяйствующих субъектов от неправомερных действий чиновников;

– обеспечение приоритета права в конфликтах субъектов экономики всех уровней, упорядочение взаимодействия государственных органов и хозяйствующих агентов;

– ограничение злоупотребления властью посредством совершенствования форм и методов управления на основе научных принципов, нравственных семейных традиций, религиозных постулатов, партийной дисциплины.

Эффективность функционирования государственных органов, создающих условия для производства общественных благ, обеспечивающих реализацию как общественных, так и личных интересов, в значительной степени определяется состоянием государственного бюджета. Отсутствие значительных успехов в выполнении задач роста благосостояния российского населения во многом объясняется недостаточной эффективностью налоговой системы, проблемами с наполнением доходной части госбюджета. Представляется, что к сдерживающим причинам относятся:

– низкий уровень доходов основной части населения, в первую очередь бюджетников;

– отказ от введения прогрессивной ставки налогов под предлогом сокрытия доходов, их увода в теневую сферу;

– неэффективные механизмы налоговых сборов, о чем свидетельствует значительный масштаб теневой экономики даже при сохранении пропорциональной ставки налогов. По данным МВФ, в 2017 г. доля теневой экономики в России составляла 33,7 % ВВП [6].

Вместе с тем налоговые механизмы регулирования имеют противоречивое воздействие на экономическую ситуацию. С одной стороны, они способны наполнить бюджет в краткосрочном периоде, с другой – сокращают совокупный спрос, объем сбережений, инвестиций и, соответственно, доходов и наполняемость бюджета в будущем периоде.

В современном экономическом мире рост налогооблагаемой базы определяется ростом не только доходов от текущей деятельности, но и фьючерсных доходов от роста уровня образования, культуры, укрепления здоровья. О падении качества образования в нашей стране свидетельствует рейтинг по уровню образования в странах мира, представленный ООН в 2018 г., согласно которому РФ занимает 32-е место, когда в конце 1980-х гг. СССР входил в тройку стран мира по этому показателю [7].

Главная цель государственной политики по согласованию экономических интересов – обеспечение равных возможностей для реализации интересов экономических субъектов всех уровней. Достижение этой цели зависит от степени сопряженности личных интересов с общественными, которая определяется приоритетным развитием социальной сферы: здравоохранения, образования, культуры. Курс на Четвертую промышленную революцию – «Индустрию 4.0», предполагающую цифровизацию производства, управляемого искусственным интеллектом в режиме реального времени, объединение всех производственных структур в глобальную сеть, предъявляет особые требования к подготовке кадров, которая во многом зависит от доступности образования для талантливых детей из семей с низким уровнем дохода. В ряде развитых странах большинство студентов (до 80–90 %) обучаются на бюджетной основе; в странах, где этот показатель ниже, получило развитие образовательное кре-

дитование. В РФ на платной основе обучаются 2/3 студентов при практическом отсутствии возможности получения образовательного кредита [8].

Таким образом, воздействие на интересы субъектов экономических отношений должно осуществляться с учетом сложной структуры взаимосвязей интересов. Связи функционирования предполагают использование механизмов регулирования, не нарушающих совместимость, координацию и детерминацию интересов. На государственном уровне должен обеспечиваться равный доступ к защите интересов всех социальных групп через эффективную деятельность законодательной власти, судебных структур, взаимодействие профессиональных союзов, союзов предпринимателей, потребителей с упором на однонаправленность и сопряженность интересов.

Преодолеть противоречивость системы интересов невозможно, поскольку она – обязательный атрибут системы, обеспечивающий развитие. Основная задача механизмов регулирования – не допустить перерастания противоположности в конфликт посредством принятия опережающих законодательных решений на основе отслеживания ситуации в регионах, реагирования на злоупотребления чиновников различного уровня, проведения прямых линий представителей законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти.

Сложность представляет определение субординации, подчиненности и соподчиненности интересов как проявлений связей управления, их упорядочение для каждой социально-экономической ситуации. События на Украине, в Сирии, Венесуэле позволяют некоторым политологам говорить об ущемлении личных интересов россиян, их подчинении общественным интересам (в их интерпретации: государственным, вернее личным, амбициям руководства). При этом не учитывается, как расширяется возможность реализации всей системы интересов в связи с изменением геополитического положения РФ, налаживанием новых международных отношений, с одной стороны, как создаются условия для наращивания национального производства, совершенствования его структуры в ответ на санкции наших «партнеров» при обеспечении экономической безопасности – с другой. Последнее означает появление новых рабочих мест, рост доходов, преодоление продовольственной, технологической зависимости от западных стран.

В сложной современной геополитической обстановке необходимо доминирование общественных интересов над личными и коллективными, поскольку национальная экономическая безопасность приоритетна по отношению к личной и коллективной экономической безопасности [9, с. 771].

Библиографический список

1. **Чернецова, Н. С.** Теория и методология исследования экономических интересов / Н. С. Чернецова. – Москва : МИЭМ, Учлитвуз, 2001. – 256 с.
2. **Никитов, И. Н.** Экономические интересы: противоречия и согласование на разных уровнях : дис. ... канд. экон. наук / Никитов И. Н. – Кострома, 2005. – 163 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2005 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2005. – 819 с.
4. **Борко, Ю. А.** ЕС: институциональная система экономической интеграции / Ю. А. Борко // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. – Москва : Весь Мир, 2015. – С. 29–54.

5. Сидорова, Е. Пакт стабильности и роста и бюджет Евросоюза: что впереди? / Е. Сидорова // Экономические стратегии. – 2010. – № 6. – С. 104–109. – URL: <https://mgimo.ru/files2/p39/165939/7cfb3c347274a63a7f032ef4f7a9ae92.pdf>
6. Бутрин, Д. Третью экономики вне зоны видимости / Д. Бутрин – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3541266>
7. Рейтинг стран мира по уровню образования. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). – URL : <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>
8. Маслов, В. И. Роль образования в современном мире / В. И. Маслов // Век глобализации. – 2013. – Вып. № 2 (12). – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/162985/>
9. Радюкова, Я. Ю. Согласование экономических интересов в системе обеспечения экономической безопасности страны / Я. Ю. Радюкова, И. Н. Якунина, Е. А. Колесниченко // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 5. – С. 761–771.

References

1. Chernetsova N. S. *Teoriya i metodologiya issledovaniya ekonomicheskikh interesov* [Theory and methodology of the study of economic interests]. Moscow: MIEM, Uchlitvuz, 2001, 256 p. [In Russian]
2. Nikitov I. N. *Ekonomicheskie interesy: protivorechiya i soglasovanie na raznykh urovnyakh: dis. kand. ekon. nauk* [Economic interests: contradictions and coordination at different levels: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Kostroma, 2005, 163 p. [In Russian]
3. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2005: stat. sb.* [Russian Statistical Yearbook. 2005: collected articles]. Rosstat. Moscow, 2005, 819 p. [In Russian]
4. Borko Yu. A. *Evropeyskiy soyuz v poiske global'noy roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in search of a global role: politics, economics, security]. Moscow: Ves' Mir, 2015, pp. 29–54. [In Russian]
5. Sidorova E. *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2010, no. 6, pp. 104–109. Available at: <https://mgimo.ru/files2/p39/165939/7cfb3c347274a63a7f032ef4f7a9ae92.pdf> [In Russian]
6. Butrin D. *Tret' ekonomiki vne zony vidimosti* [A third of the economy is out of sight]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3541266> [In Russian]
7. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2006–2019 (poslednyaya redaktsiya: 23.04.2019)* [Center for humanitarian technologies, 2006–2019 (latest revision: April 23, 2019)]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> [In Russian]
8. Maslov V. I. *Vek globalizatsii* [The century of globalization]. 2013, no. 2 (12). Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/162985/> [In Russian]
9. Radyukova Ya. Yu., Yakunina I. N., Kolesnichenko E. A. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. 2017, vol. 18, no. 5, pp. 761–771. [In Russian]

Чернецова Надежда Сергеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: chernetsovans@mail.ru

Chernetsova Nadezhda Sergeevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economic theory
and international relations, Penza
State University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Новосельцева Галина Борисовна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: Galina-NVS@rambler.ru

Novosel'tseva Galina Borisovna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economic theory
and international relations, Penza
State University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Чернецова, Н. С. Государственные механизмы согласования системы экономических интересов / Н. С. Чернецова, Г. Б. Новосельцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 191–201. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-19.

УДК 338.1

DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-20

Л. А. Гамидуллаева, Е. В. Шкарупета, А. В. Тарасов, О. А. Лузгина

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СЦЕНАРИЕВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена разработке и реализации сценариев цифровой трансформации промышленных экосистем (ПЭ) на основе сквозных технологий.

Материалы и методы. Теоретической и методологической основой исследования послужили сравнительный, факторный и корреляционно-регрессионный анализ, метод прогнозной экстраполяции.

Результаты. Разработана мультивариантная конструкция цифровой трансформации промышленных экосистем, являющаяся результатом селекции альтернативных путей цифровой трансформации ПЭ до 2030 г.

Выводы. Разработан методический подход к оценке уровня технологического развития промышленных экосистем. Представлены сценарии цифровой трансформации на основе использования сквозных технологий с учетом интеграции макроэкономического, инвестиционного, научно-технологического, инновационного, фондового и информационно-коммуникационного доменов, а также создания системы мониторинга и оценки процессов цифровой трансформации ПЭ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, технологическое развитие, сценарный подход, промышленная экосистема.

L. A. Gamidullaeva, E. V. Shkarupeta, A. V. Tarasov, O. A. Luzgina

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF DIGITAL TRANSFORMATION SCENARIOS OF INDUSTRIAL ECOSYSTEMS

Abstract.

Background. The article investigates the problem of developing and implementing scenarios of digital transformation of industrial ecosystems (IE).

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study was a comparative, factorial and correlation-regression analysis, a method of predictive extrapolation.

Results. A multivariate design for digital transformation of IE is developed, which is the result of the selection of alternative ways of digital transformation of IE until 2030.

Conclusions. A methodological approach to assessing the level of technological development of IE is developed. Scenarios of digital transformation based on the use of end-to-end technologies taking into account the integration of macroeconomic, investment, scientific, technological, innovative, stock and information and commu-

© Гамидуллаева Л. А., Шкарупета Е. В., Тарасов А. В., Лузгина О. А., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

nication domains, as well as the creation of a system for monitoring and evaluating the processes of digital transformation of IE are presented.

Keywords: digital transformation, technological development, scenario approach, industrial ecosystem.

Введение

Наблюдаемой в последние годы слабой положительной динамики производительности труда, т.е. объема ВВП, вырабатываемого каждым трудящимся россиянином за один час работы, явно недостаточно для сокращения разрыва с развитыми странами. Уровень производительности труда в России все еще остается гораздо ниже уровня групп стран Европейского союза, «Большой семерки» и Организации экономического сотрудничества и развития.

Следует признать такое положение дел очень опасным как с точки зрения устойчивого экономического роста, цифровизации экономики, так и с позиций обеспечения национального благосостояния населения в целом, и прежде всего повышения уровня и качества жизни населения. Ведь основной задачей постиндустриального общества должно стать именно повышение качества жизни через назревающую сегодня «гуманитарно-технологическую революцию», согласно терминологии В. В. Иванова [1]. Последовательная цифровизация промышленности может выступить платформой для качественного изменения структуры экономики и расширения ее возможностей.

Четвертая промышленная революция предполагает сквозную цифровую трансформацию активов предприятия и их объединение в рамках единой экосистемы. В экономическом смысле экосистема состоит из экзогенно заданных компонентов, окружающей среды и агентов, действующих эндогенно совместно как система, связанная с извлечением выгоды из взаимосвязи [2]. Аналогично природным процессам различные виды компаний, многонациональные организации, малые и средние предприятия и домашние хозяйства сосуществуют и развиваются в рамках своей собственной экосистемы [3].

Цифровая трансформация означает коренные изменения, которые затрагивают способы и методы разработки, производства, поставки и продажи конечной продукции. Эксперты McKinsey рассматривают цифровую трансформацию как почти мгновенную, бесплатную и безупречную возможность подключения людей, устройств и физических объектов в любом месте [4].

Под цифровой трансформацией авторами понимается проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики. Цифровое преобразование – комплекс мероприятий, нацеленных на трансформацию бизнес-процессов в соответствии с их цифровой моделью [5].

В свою очередь цифровая трансформация промышленности представляет собой процесс, отражающий переход промышленного сектора из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий с целью повышения уровня его эффективности и конкурентоспособности [5].

Статья посвящена разработке методического подхода к оценке уровня технологического развития промышленной экосистемы. Представлены сценарии цифровой трансформации на основе использования сквозных технологий.

Материал и методика исследования

Авторами разработан методический подход к оценке уровня технологического развития промышленной экосистемы (ПЭ), включающий следующие этапы (рис. 1).

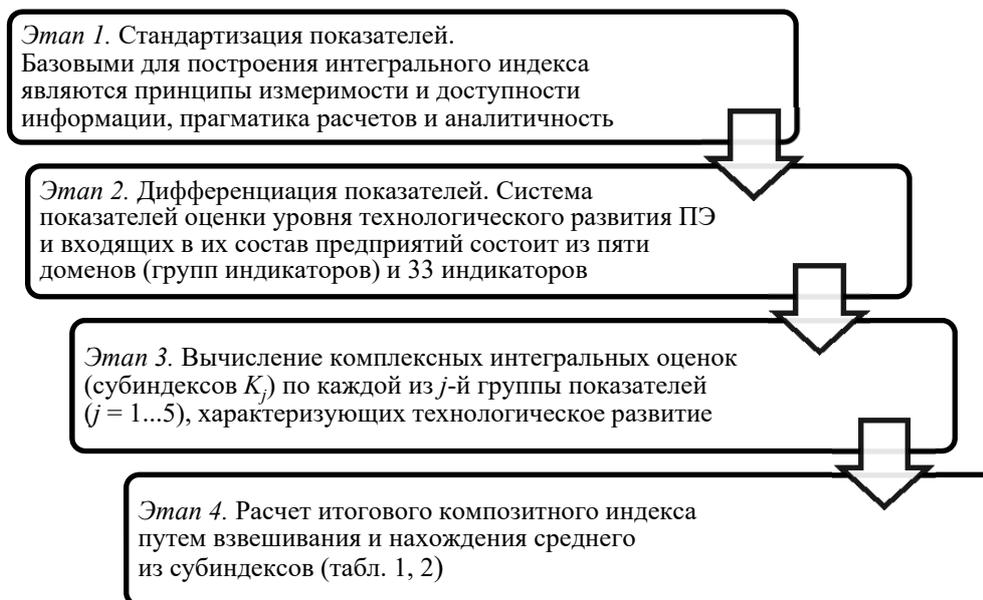

Рис. 1. Методический подход к оценке уровня технологического развития промышленной экосистемы (разработано авторами)

Результаты

Расчет итогового композитного индекса технологического развития промышленной экосистемы на макроуровне представлен в табл. 1.

Таблица 1
Индекс технологического развития ПЭ на макроуровне*

Домены	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Макроэкономический домен	0,524	0,537	0,533	0,526	0,520	0,515	0,476	0,538
Инвестиционный домен	0,519	0,530	0,532	0,542	0,506	0,524	0,526	0,540
Научно-технологический и инновационный домен	0,048	0,047	0,048	0,048	0,046	0,046	0,046	0,046
Фондовый домен	0,348	0,361	0,368	0,347	0,387	0,375	0,417	0,396
Информационно-коммуникационный домен	0,282	0,283	0,284	0,285	0,285	0,286	0,286	0,286
<i>Индекс технологического развития ПЭ РФ</i>	0,344	0,352	0,353	0,350	0,349	0,349	0,350	0,361

* Рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Значение индекса технологического развития ПЭ интерпретируется следующим образом: чем больше интегральный показатель стремится к единице, тем выше уровень технологического развития конкретной ПЭ. Индекс в диапазоне 0–0,3 считается крайне низким, в диапазоне 0,3–0,4 – низким, в диапазоне 0,4–0,6 – средним, в диапазоне 0,6–0,7 – высоким, в диапазоне 0,7–1 – крайне высоким.

Как видно из данных, представленных в табл. 1, уровень технологического развития ПЭ находится на среднем и ниже среднего уровне в зависимости от домена и снижается в период 2012–2015 гг. ежегодно (с 0,353 до 0,35). В 2016–2017 гг. наблюдается прирост индекса технологического развития.

В табл. 2 в качестве наглядного примера показан расчет уровня технологического развития промышленных предприятий Воронежской области. Один из лидеров научно-технологического развития в Воронежской области – АО «Концерн «Созвездие» – располагает ресурсами и компетенциями для успешной деятельности на всех стадиях производства элементов электронной аппаратуры, а также занимается проведением научных исследований, разработкой суперкомпьютеров и программного обеспечения; производством различной инновационной продукции. Концерн также осуществляет деятельность в сфере развития «умной» городской среды, разрабатывает и выводит на рынок новые цифровые продукты. Накопленный опыт и комплексный подход компании к технологическому развитию территорий помогают строить интеллектуальную экономику будущего.

В рамках прогнозирования цифровой трансформации промышленных экосистем целесообразно выделить следующие сценарии цифровой трансформации ПЭ и их условия:

– *целевой форсированный сценарий* прорывного научно-технологического и социально-экономического развития, реиндустриализации (*сценарий 1*). Технологии порождают качественные изменения во всех социально-экономических сферах. В авангард технологического развития выходят сквозные цифровые технологии – это технологии, которые одновременно охватывают несколько отраслей. Под понятие «сквозные цифровые технологии» попадают большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, технологии дополненной и виртуальной реальности и т.д., которые находятся в основе цифровой трансформации в России и во всем мире. Все больше предприятий пересматривают стратегии развития под влиянием технологий «третьей платформы», а именно облачных и мобильных сервисов, социальных технологий, big data, умных устройств, интернета вещей [7];

– *инновационный (сценарий 2)* – вариант догоняющего развития, технологической адаптации и локальной технологической конкурентоспособности. Происходят коренные необратимые изменения культуры, образования, медицины, абсолютно всех сфер жизни. Беспрецедентные темпы технологического прогресса дают толчок ускоренному росту инновационных компаний [8];

– *консервативный (сценарий 3)* – инерционное научно-технологическое развитие, стагнация экономики, деиндустриализация, увеличение цифрового разрыва с развитыми странами.

Индекс технологического развития
промышленных предприятий Воронежской области*

Наименование	ОКВЭД	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЗАО «ВЗПП-Микрон»	26.11.2 – Производство диодов, транзисторов и прочих полупроводниковых приборов, включая светоизлучающие диоды, пьезоэлектрические приборы и их части	0,60	0,63	0,60	0,58	0,57	0,56
АО «Гидрогаз»	28.12 – Производство гидравлического и пневматического силового оборудования	0,57	0,54	0,55	0,55	0,56	0,56
АО «Концерн «Созвездие»	26.11 – Производство элементов электронной аппаратуры	0,42	0,45	0,46	0,48	0,49	0,52
ОАО «Электросигнал»	26.30.15 – Производство радиоэлектронных средств связи	0,55	0,52	0,55	0,54	0,53	0,52
АО «Электроприбор»	26.51.1 – Производство навигационных, метеорологических, геодезических, геофизических и аналогичного типа приборов, аппаратуры и инструментов	0,33	0,40	0,46	0,48	0,50	0,51
ЗАО «Орбита»	30.30.5 – Производство частей и принадлежностей летательных и космических аппаратов	0,46	0,51	0,47	0,55	0,51	0,48
ОАО «Тяжмехпресс»	28.41.2 – Производство кузнечно-прессового оборудования	0,60	0,59	0,53	0,50	0,48	0,47
«ВМЗ» – филиал ГКНПЦ имени М. В. Хруничева	30.30.13 – Производство реактивных двигателей, включая ракетные, и их частей	0,32	0,34	0,36	0,39	0,39	0,42
АО "ВЗПП-С"	26.11.3 – Производство интегральных электронных схем	0,52	0,49	0,46	0,45	0,44	0,42

* Рассчитано авторами на основе данных предприятий.

Заключение

Представленные сценарии позволяют качественно оценить важнейшие аспекты формирования цифровой экономики, драйвером развития которой являются технологии искусственного интеллекта и принятия решений на основе анализа данных, роботизации и промышленного интернета вещей [9]. Это даст возможность наметить направление развития цифрового общества в

условиях растущей глобализации и расширения «горизонтальных» связей как между людьми, так и между компаниями, формирующихся вне географических границ отдельных регионов и государств (табл. 3).

Таблица 3

Реперные точки сценарных условий
для прогнозирования цифровой трансформации ПЭ [10]

Показатель	Период	Сценарии		
		3	2	1
Валовой внутренний продукт, среднегодовые темпы прироста, %	2016–2020 гг.	3,6	4,4	6,8
	2021–2025 гг.	4,2	6	8,9
	2026–2030 гг.	4,8	7	10,0
Промышленность, среднегодовые темпы прироста, %	2016–2020 гг.	2,0	3,4	5,3
	2021–2025 гг.	2,3	4	6,1
	2026–2030 гг.	2,3	4,9	7
Инвестиции в основной капитал, среднегодовые темпы прироста, %	2016–2020 гг.	5,1	6,6	12,6
	2021–2025 гг.	4,3	5,5	7,1
	2026–2030 гг.	3,6	4,8	4
Инвестиции в транспортную инфраструктуру, технологичные отрасли и науку, всего, в п.п., в среднем в год	2021–2025 гг.	0,6	1,4	1,8
	2026–2030 гг.	0,4	1,1	1,4
Инвестиции в развитие технологичных отраслей, в п.п., в среднем в год	2021–2025 гг.	0,3	0,5	0,7
	2026–2030 гг.	0,2	0,3	0,4
Инвестиции в научные исследования и разработки, в п.п., в среднем в год	2021–2025 гг.	0,1	0,4	0,5
	2026–2030 гг.	0,1	0,5	0,7
Инвестиции в развитие технологичных отраслей из бюджетной системы, в п.п., в среднем в год	2021–2025 гг.	0,1	0,2	0,3
	2026–2030 гг.	0,1	0,3	0,4
Высокотехнологичный и наукоемкий сектор, % ВВП	2018 г.	–	–	29
	2020 г.	–	–	35
Производительность труда, % роста по отношению к 2015 г.	2018 г.	131	136	150
	2020 г.	141	149	170
Внутренние затраты на исследования и разработки, % ВВП	2025 г.	1–1,1	3	7
	2030 г.	1,3	3,5	10
Доля частных расходов, % от внутренних затрат на исследования и разработки	2025 г.	>30	>30	–
	2030 г.	<40	>35	50
Доля расходов на оплату труда, % от расходов на науку	2030 г.	36–34	<30	<30

В процессе цифровой трансформации ПЭ возможно возникновение *точек бифуркации* (перегибов трендов цифровой трансформации) и *аттракторов* как устойчивых состояний, притягивающих к себе множество траекторий цифровой трансформации после прохождения точек бифуркации. Точкой бифуркации совершения прорыва может стать оптимальное и эффективное соединение различных из числа лучших в мире технологий с добавлением оригинальных межотраслевых РИД (результатов интеллектуальной деятельности), сформированных в процессе работы с различными промышленными компаниями – мировыми лидерами в рамках международной системы разделения труда, а также в результате участия в глобальных технологических цепочках [10].

При растущих требованиях к повышению «скорости» внедрения инноваций в бизнесе и разработке продуктов производственные бизнес-модели, основанные на замыкании всего цикла в рамках одной ПЭ, уже не оправдывают себя в должной мере [11, 12]. В это же время активное распространение новых сетей взаимодействия и выходящие за рамки отдельных структур формы кооперации становятся объектом пристального внимания по всему миру.

Библиографический список

1. **Иванов, В. В.** Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы / В. В. Иванов // *Инновации*. – 2017. – № 6 (224). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gumanitarno-tehnologicheskaya-revolutsiya-predposylki-i-perspektivy> (дата обращения: 30.07.2019).
2. **Acs, Z. J.** National systems of entrepreneurship / Z. J. Acs, D. B. Audretsch, E. E. Lehmann, G. Licht // *Small Business Economics*. – 2016. – Vol. 46. – P. 527–535.
3. **Moore, J. F.** The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. – New York : Harper Collins, 1997.
4. **Бугин, Ж.** Почему цифровые стратегии не работают / Ж. Бугин, Т. Кэтлин, М. Хит, П. Уилмотт // *McKinsey Quarterly*. – 2018. – Янв. – URL: <https://www.mckinsey.com/quarterly/overview/html> (дата обращения: 19.04.2018).
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/
6. **Толстых, Т. О.** Ключевые факторы развития промышленных предприятий в условиях Индустрии 4.0 / Т. О. Толстых, Л. А. Гамидуллаева, Е. В. Шкарупета // *Экономика в промышленности*. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 11–19.
7. **Deligianni, I.** Non-linear effects of technological competence on product innovation in new technology-based firms: Resource orchestration and the role of the entrepreneur's political competence and prior start-up experience / I. Deligianni, I. Voudouris, Y. Spanos, S. Lioukas // *Technovation*. – 2019. – Vol. 88. – P. 134–145. – DOI: 10.1016/j.technovation.2019.05.002
8. **Kim, J.** Technological diversification, core-technology competence, and firm growth / J. Kim, Ch.-Y. Lee, Y. Cho // *Research Policy*. – 2016. – Vol. 45, iss. 1. – P. 113–124.
9. **Morkovina, S. S.** Labor market regulation policy: Methodological aspects / S. S. Morkovina, N. A. Serebryakova, N. V. Sirotkina, N. V. Dorokhova // *European Research Studies Journal*. – 2018. – Vol. XXI, special iss. 2. – P. 234–247.
10. **Шкарупета, Е. В.** Управление развитием промышленных комплексов в условиях реиндустриализации : дис. ... д-ра экон. наук / Шкарупета Е. В. – Воронеж, 2018. – 356 с.
11. **Tolstykh, T.** Key factors of manufacturing enterprises development in the context of industry 4.0 / T. Tolstykh, E. Shkarupeta, Y. Kostuhin, A. Zhaglovskaya // *Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference: Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020*. – Seville, Spain, 2018. – P. 4747–4757.
12. **Vasin, S.** Emerging trends and opportunities for industry 4.0 development in Russia / S. Vasin, L. Gamidullaeva, E. Shkarupeta, I. Palatkin, T. Vasina // *European Research Studies Journal*. – 2018. – Vol. XXI, iss. 3. – P. 63–76.

References

1. Ivanov V. V. *Innovatsii* [Innovations]. 2017, no. 6 (224). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gumanitarno-tehnologicheskaya-revolutsiya-predposylki-i-perspektivy> (accessed Jul. 30, 2019). [In Russian]

2. Acs Z. J., Audretsch D. B., Lehmann E. E., Licht G. *Small Business Economics*. 2016, vol. 46, pp. 527–535.
3. Moore J. F. *The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York: Harper Collins, 1997.
4. Bugin Zh., Ketlin T., Khit M., Uilmott P. *McKinsey Quarterly*. 2018, Jan. Available at: <https://www.mckinsey.com/quarterly/overview/html> (accessed Apr. 19, 2018).
5. *Reshenie Vysshego Evraziyskogo ekonomicheskogo soveta ot 11.10.2017 № 12 «Ob Osnovnykh napravleniyakh realizatsii tsifrovoy povestki Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 goda»* [Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of October 11, 2017 No.12 “On the Main directions for the digital agenda implementation of the Eurasian Economic Union until 2025”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/ [In Russian]
6. Tolstykh T. O., Gamidullaeva L. A., Shkarupeta E. V. *Ekonomika v promyshlennosti* [Industrial economics]. 2018, vol. 11, no. 1, pp. 11–19. [In Russian]
7. Deligianni I., Voudouris I., Spanos Y., Lioukas S. *Technovation*. 2019, vol. 88, pp. 134–145. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.05.002
8. Kim J., Lee Ch.-Y., Cho Y. *Research Policy*. 2016, vol. 45, iss. 1, pp. 113–124.
9. Morkovina S. S., Serebryakova N. A., Sirotkina N. V., Dorokhova N. V. *European Research Studies Journal*. 2018, vol. XXI, special iss. 2, pp. 234–247.
10. Shkarupeta E. V. *Upravlenie razvitiem promyshlennykh kompleksov v usloviyakh reindustrializatsii: dis. d-ra ekon. nauk* [Management of the industrial complexes development in the context of reindustrialization: dissertation to apply for the degree of the doctor of economic sciences]. Voronezh, 2018, 356 p. [In Russian]
11. Tolstykh T., Shkarupeta E., Kostuhin Y., Zhaglovskaya A. *Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference: Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020*. Seville, Spain, 2018, pp. 4747–4757.
12. Vasin S., Gamidullaeva L., Shkarupeta E., Palatkin I., Vasina T. *European Research Studies Journal*. 2018, vol. XXI, iss. 3, pp. 63–76.

Гамидуллаева Лейла Айваровна

доктор экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Gamidullaeva Leyla Ayvarovna

Doctor of economic sciences, associate
professor, sub-department of management
and economic security, Penza State
University (40, Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: gamidullaeva@gmail.com

Шкарупета Елена Витальевна

доктор экономических наук, доцент,
кафедра цифровой экономики,
Воронежский государственный
технический университет
(Россия, г. Воронеж, Московский пр., 14)

Shkarupeta Elena Vital'evna

Doctor of economic sciences, associate
professor, sub-department of digital
economics, Voronezh State Technical
University (14, Moskovsky avenue,
Voronezh, Russia)

E-mail: 9056591561@mail.ru

Тарасов Андрей Валерьевич

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: em@pnzgu.ru

Tarasov Andrey Valer'evich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and finances, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Лузгина Ольга Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: em@pnzgu.ru

Luzgina Ol'ga Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and finances, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Гамидуллаева, Л. А. Разработка и реализация сценариев цифровой трансформации промышленных экосистем / Л. А. Гамидуллаева, Е. В. Шкарупета, А. В. Тарасов, О. А. Лузгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 202–210. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-20.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ГИБКОЙ КОМАНДЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современных условиях, отличающихся динамичностью и неопределенностью, все чаще предприятия реализуют проекты с помощью гибкого управления. Для таких проектов требуются гибкие команды, обладающие гибкими компетенциями. Однако в науке и на практике не обоснован состав профессиональных компетенций, востребованных для работы в гибких проектах. Цель исследования – провести теоретический анализ и выявить в ходе прикладного исследования совокупности гибких компетенций команды проекта.

Материалы и методы. В основу исследования положены материалы, раскрывающие сущность и структуру профессиональных компетенций. Для конкретизации предметной области исследования изучены международные и национальные профессиональные стандарты по управлению проектами, отражающие требования к профессиональным компетенциям менеджера проекта. Кроме того, обращение к исследованиям в области гибкого управления проектами помогло сформулировать понятие гибкой команды, гибких человеческих ресурсов проекта и гибких компетенций. Для выявления структуры гибких компетенций проведено прикладное исследование. Методом исследования избран экспертный опрос, проведенный на 29 предприятиях разных регионов России.

Результаты. Эмпирическое исследование на предприятиях позволило доказать актуальность требований гибкости в сложившихся условиях неопределенности и подвижности проектной среды. Также важным для практики и науки результатом стало выявление значимых гибких компетенций членов команд инновационных проектов; состав этих компетенций представлен в экономических изданиях впервые.

Выводы. Полученные результаты помогут более точно подойти к подбору человеческих ресурсов в команду проекта на основе оценки их гибких компетенций. Исследование показало перспективное направление дальнейшего научного поиска, а именно способов развития гибких компетенций членов команд проектов. Также важной задачей будущих исследований можно считать объединение классических проектных компетенций с гибкими компетенциями для построения единой модели компетенций команды проекта, работающей в условиях гибкости.

Ключевые слова: инновационные проекты, профессиональные компетенции, гибкие команды, гибкие компетенции, управление проектами.

М. А. Романенко

FEATURES OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF THE FLEXIBLE TEAM OF INNOVATIVE ENTERPRISE PROJECTS

© Романенко М. А., 2019. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Abstract.

Background. In today's dynamic and uncertain environment, enterprises are increasingly implementing projects through flexible management. Such projects require flexible teams with flexible competencies. However, in science and in practice, the composition of professional competencies required for work in flexible projects is not justified. The aim of the study is to conduct a theoretical analysis and identify in the course of applied research sets of flexible competencies of the project team.

Materials and methods. The research is based on materials that reveal the essence and structure of professional competencies. To concretize the subject area of the study, international and national professional standards for project management were studied, reflecting the requirements for the professional competencies of the project Manager. In addition, turning to research in the field of flexible project management has helped to formulate the concept of flexible team, flexible project human resources and flexible competencies. Applied research was carried out to identify the structure of flexible competencies. The method of research is an expert survey conducted at 29 enterprises in different regions of Russia.

Results. Empirical research at enterprises allowed to prove the relevance of the requirements of flexibility in the current conditions of uncertainty and mobility of the project environment. Also significant for practice and science result was the identification of significant flexible competencies of members of teams of innovative projects, the composition of these competencies is presented in economic publications for the first time.

Conclusions. The results obtained will help to more accurately approach the selection of human resources in the project team based on the assessment of their flexible competencies. The study showed a promising direction for further scientific research, namely ways to develop flexible competencies of project team members. Also an important task of future research can be considered to be the combination of classical project competencies with flexible competencies to build a unified model of competencies of the project team working in a flexible environment.

Keywords: innovative projects, professional competences, flexible teams, flexible competences, project management.

Введение

Инновационные проекты реализуются в условиях неопределенности и подвижности факторов организационной и проектной среды. Так, для инновационных проектов характерны следующие признаки: нечетко выраженные параметры конечного продукта; неопределенность и динамичность требований заказчика; невозможность заранее спланировать и не менять по ходу проекта технологии создания инновационного продукта. Как следствие – возникает потребность в гибком управлении такими проектами. Эти и иные специфические условия и признаки подводят к необходимости использования гибких форм работы команды проекта, а также обуславливают необходимость создания гибких команд и гибких компетенций человеческих ресурсов этих команд.

Актуальность задачи формирования гибких команд и гибких профессиональных компетенций не подкреплена имеющимся уровнем развития практики и научных основ в области гибкого управления человеческими ресурсами инновационных проектов. Имеющиеся разработки в рамках популярного направления, а именно гибкого подхода к управлению проектами (Agile), не дают полных и подробных ответов на многие важные вопросы, в частности – какие именно компетенции актуальны для гибких команд и как именно их

можно формировать посредством практики управления человеческими ресурсами в гибких проектах. Традиционные проектные профессиональные компетенции также не подходят в чистом виде для реализации проектов в условиях гибкого управления ими. Как следствие – многие предприятия, реализующие инновационные проекты, сталкиваются с проблемами недостаточности компетентностного уровня персонала для работы в условиях гибкости.

Материал и методика исследования

Для обоснования особенностей профессиональных компетенций гибких команд инновационных проектов необходимо обратиться к исследованиям в области профессиональных компетенций применительно к любым видам деятельности, профессиональных компетенций для проектной деятельности, требований к команде проекта, работающей в режиме Agile.

Профессиональные компетенции достаточно давно находятся в поле зрения зарубежных и российских ученых. В работах авторов Р. Бояциса, Р. Вильямса, Р. А. Долженко, В. И. Звонникова, В. Г. Коноваловой, Д. МакКлелланда, Е. А. Митрофановой, Дж. Равена, В. В. Надвоцкой, Е. В. Сидоренко, Л. Спенсера, С. Спенсера, Г. Хамэла и других можно найти ответы на вопросы о том, что такое компетенции, какова их структура, каковы их виды, как их можно формировать и оценивать. Например, в исследованиях С. Н. Апенько можно встретить авторский взгляд на компетенции руководителей и членов команды проектов [1, 2]. В публикациях М. Г. Сазоновой и В. С. Половинко предлагается подробный анализ структуры компетенций [3].

Ответ на вопрос о том, какими компетенциями должен обладать руководитель проекта, изложен в международных стандартах по управлению проектами. В максимальной степени развернуто описаны компетенции в стандарте IPMA Competence Baseline (ICB). Разработчиком стандарта стала международная ассоциация IPMA (International Project Managers Association). Стандарт представляет собой международный нормативный документ, который определяет систему международных требований к уровню компетентности менеджеров проектов. Для 32 стран-участников IPMA является базисом для создания национальных сводов знаний. В настоящее время 16 стран имеют утвержденные национальные своды знаний, которые соответствуют ICB. В частности, в России на основе этого стандарта разработан национальный стандарт, который также определяет требования к компетентности менеджеров проектов. Что касается иных стандартов, например Project Management Body of Knowledge (PMBOK) американского Института управления проектами, стандарт ISO 10006, подготовленный техническим комитетом ISO/TC 176 «Управление качеством и обеспечение качества» Всемирной федерации национальных органов стандартизации (члены ISO), то в них описываются процессы управления проектами и требования к качеству процессов и результатов управления проектами. Эти стандарты косвенно определяют требования к компетенциям специалистов в области проектного управления. При этом следует отметить, что представленные в стандартах компетенции не отражают требования, обусловленные гибкими условиями проектной деятельности.

Существует достаточно хорошо представленная в экономической литературе методология гибкого управления проектами – Agile. В частности,

в работах таких авторов, как Б. И. Вольфсон, М. Кон, Дж. Рассмусон, Дж. Хайсмит, и других [4–8] можно встретить описание специфики деятельности команды, работающей по методологии Agile. При этом также нет четкого и развернутого ответа на вопрос о компетенциях команды для успешной реализации гибкого управления проектами.

Опираясь на разработки в обозначенных областях научных знаний, предлагаем собственное понимание сущности гибкой команды и гибких компетенций. Трактовку этих понятий можно признать новой, так как до сих пор она не представлена в научно-экономической литературе.

Гибкая команда проекта представляет собой команду, которая за короткое время и при минимальных затратах, не останавливая проектные работы, способна за счет своего потенциала, имеющихся ресурсов переходить на новые условия труда, к производству видоизмененного инновационного продукта или услуги, осваивать новые технологии проектных работ под влиянием динамики факторов среды. Внутренними ресурсами команды, делающими ее гибкой, являются гибкие человеческие ресурсы и гибкие компетенции команды.

Гибкая команда способствует более качественному выполнению проектных работ, организованных на основе принципов гибкости, например, как один из вариантов – на основе методологии Agile. В частности, согласно этой методологии, команды проектов, функционирующих в условиях неопределенности и изменчивости факторов среды, должны быть способны выполнять следующие функции и работы: вести систематические переговоры с заказчиком и иными стейкхолдерами, по результатам переговоров уточнять требования к продукту, оперативно и качественно перестраивать свою деятельность под меняющиеся требования к продукту и вносить соответствующие изменения в технологии его создания, проводить совместные совещания о ходе работ, совмещать функции в рамках пула проектных работ, взаимозаменять или взаимодополнять друг друга для достижения синергии в условиях командной целеориентации на производство продукта проекта.

Гибкая команда состоит из гибких человеческих ресурсов, которые в свою очередь обладают гибкими компетенциями.

Гибкие человеческие ресурсы проекта – это такие участники проектной команды, которые обладают мотивацией и способностями быстро и эффективно, с оптимальными затратами адаптироваться под меняющиеся факторы реализации проекта, видоизменять (обновлять, расширять, развивать) свои компетенции под новые запросы проекта, перестраиваться мотивационно, менять модели своего поведения согласно новым условиям проектной деятельности.

Гибкие компетенции – это совокупность характеристик сотрудника (знаний, навыков, умений, опыта, мотивации, ценностей, личностных качеств, способностей), которые, с одной стороны, сами обладают свойством гибкости, с другой стороны, способствуют эффективному выполнению функций и работ в рамках гибкой команды и гибкого управления проектом. То есть мы предлагаем рассматривать гибкость компетенций в двух аспектах:

1) гибкость как свойство самих компетенций. В этом случае гибкими называют компетенции, способные быстро обновляться, перестраиваться под меняющиеся проектные работы, под динамичные запросы проекта, способ-

ные адаптироваться друг к другу и образовывать синергетический цельный комплекс компетенций для работы в гибкой команде инновационного проекта;

2) гибкость как состав и содержание компетенций, наиболее подходящих для выполнения функций и работ, актуальных и типичных в условиях гибких проектов.

В первом случае речь идет о любой компетенции, которую человек быстро и качественно преобразует под динамику факторов среды. Например, если сотрудник команды проекта своевременно и надлежащим образом развивает свое стратегическое видение, то эта компетенция может считаться гибкой. Если же стратегическое видение остается на первоначальном уровне своего развития, не адаптируясь к новым запросам работы в инновационном проекте, то эта компетенция может быть признана как негибкая.

Во втором случае речь идет о таких компетенциях, которые позволяют их носителю стать гибким участником проектной команды. Примером могут выступать компетенции быстрого освоения нового, мотивация на изменения и инновации, способности менять привычный стиль коммуникаций на новый стиль и т.д.

Для выявления состава компетенций, востребованных в условиях гибкой проектной деятельности, нами проведено исследование на 29 предприятиях России, которые реализуют инновационные проекты и применяют гибкое управление ими. В выборку вошли предприятия Москвы, Омска, Твери, Кемерово, Екатеринбурга, Томска. Отраслевая принадлежность предприятий – ИТ-бизнес, маркетинговый консалтинг, автоматизация и робототехника, промышленное производство, финансовый сектор. Метод исследования – экспертный опрос. От каждого предприятия экспертом выступил один из лидирующих менеджеров проектов, имеющих опыт работы в этой деятельности не менее пяти лет.

Результаты исследования

В первую очередь было выяснено, в каких условиях и в какой среде реализуются проекты на исследуемых предприятиях. Получены следующие ответы:

- среда стабильна, предсказуема и позволяет действовать по заранее продуманному плану, не отклоняясь от него, – 11,1% от числа ответивших;
- среда нестабильна, но надо стремиться к порядку, предсказуемости и плановости – 22,2% от числа ответивших;
- среда очень нестабильная и изменчивая, компаниям следует научиться управлять постоянными изменениями, управлять хаосом и неопределенностью – 66,7% от числа ответивших.

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что сегодня инновационная проектная деятельность часто реализуется в нестабильных и сложно прогнозируемых условиях, среда характеризуется повышенной неопределенностью.

Именно для таких характеристик среды подходит методология гибкого управления. Для проверки этого предположения нами был задан вопрос о степени важности тех факторов, которые характерны для гибкого управления проектами. Как видно из табл. 1, все факторы и характеристики, присущие методологии Agile, важны для проектов исследуемых нами предприятий.

В частности, в рамках нашей темы следует отметить важность вовлечения всей команды в проект и необходимость гибкого управления командой проекта.

Таблица 1

Ответы на вопрос «Насколько важны следующие факторы для инновационных проектов?» (в процентах от числа опрошенных)

Факторы	Очень важно	Средне важно	Не важно
Вовлечение в выполнение проекта заказчика, постоянный контакт с ним, выяснение его динамичных предпочтений и ожиданий	55,6	33,3	11,1
Вовлечение всей команды в проект, личная заинтересованность в успехе проекта каждого члена команды	55,6	33,3	11,1
Ясные цели проекта, способные меняться по мере изменений в среде и видения заказчика результата проекта	66,7	22,2	11,1
Гибкие технологии выполнения проекта, их способность меняться в случае необходимости	44,4	44,4	11,1
Гибкое управление командой проекта, способность своевременно менять и адаптировать методы работы с человеческими ресурсами в соответствии с динамикой среды и проекта	44,4	44,4	0,0

Чтобы понять, какие компетенции значимы для команд проектов, был задан вопрос о выполняемых командой функциях и задачах. Ответы представлены в табл. 2 и показывают, что в условиях гибкости повышается доля функций, связанных с коммуникациями, выяснением и уточнением требований заказчика, изменением хода проекта в зависимости от меняющихся условий.

Таблица 2

Ответы на вопрос «Какие функции и задачи актуальны сейчас или могут стать актуальными в будущем для команд проектов Вашей организации?» (в процентах от числа опрошенных)

Актуальные функции и задачи команды проекта	Процент ответивших
Понимать видение продукта заказчика, совместно с заказчиком уточнять видение	66,7
Выяснять требования заказчика и расставлять приоритеты в требованиях	55,6
Корректировать процесс выполнения проекта под меняющиеся требования заказчика	66,7
Систематически возвращаться к планированию, вносить коррективы в планы, менять планы	66,7
Проводить собрания команды, обсуждать, обмениваться информацией по ходу проекта, анализировать статус проекта	66,7
Проводить ретроспективный анализ проекта, обсуждать причины успеха и неудач проекта	77,8

Далее экспертам был задан вопрос об актуальных компетенциях команд инновационных проектов. Ответы представлены в табл. 3.

Таблица 3

Ответы на вопрос «Какие компетенции персонала важны для инновационных проектов, какие из этих компетенций требуется развивать у Вашего персонала?» (в процентах от числа опрошенных)

Компетенции	Важно	Требуется развить
Креативность, открытость новому	77,8	44,4
Экспертное лидерство	33,3	33,3
Командность, способность стать частью команды	66,7	33,3
Коммуникативные способности, терпимость к иным позициям	77,8	66,7
Сотрудничество и способность договариваться	77,8	22,2
Способность работать с профессионалами разных профилей	66,7	55,6
Стрессоустойчивость	55,6	44,4
Гибкость, адаптивность	77,8	44,4
Вовлеченность, мотивация, приверженность	88,9	44,4
Обучаемость и способность передавать знания	77,8	33,3
Самокритичность	66,7	33,3

Как показывают данные табл. 3, кроме традиционных проектных компетенций, для участия в инновационных проектах, работающих на принципах гибкости, важны следующие компетенции: вовлеченность и мотивация, гибкость и адаптивность, креативность и открытость новому, сотрудничество и способность договариваться, коммуникативные способности и терпимость к иным позициям, обучаемость и способность передавать знания. По мнению экспертов, недостаточно развиты и требуют развития коммуникативные способности и способности работать с профессионалами разного профиля, терпимость к инакомыслию.

Обсуждение результатов

Выявлены наиболее важные функции и соответствующие им профессиональные компетенции членов команды проекта, работающих в режиме гибкости. Актуальность этих компетенций подкрепляется также описанием в разных публикациях характера выполняемых работ в agile-командах.

Следует отметить, что выявленные нами компетенции развиваются благодаря особой организации работы в таких командах. В частности, эксперты подтвердили, что развитие профессиональных компетенций происходит в результате следующей практики взаимодействия в проектных командах:

- собираться командой вместе с заказчиком и определять требования заказчика, уточнять и корректировать проект по мере изменений требований заказчика;

- обеспечивать координацию работы всех членов команды, проводить митинги (собрания) для того, чтобы поделиться информацией;

- собирать от команды идеи, переводить их в цели и планы вместе со всей командой проекта;

– систематически проверять вместе с командой проекта и заказчиком качество промежуточных результатов по отдельным подпроцессам и работам проекта;

– проводить ретроспективный анализ проекта, причин и факторов успехов и неудач проекта, использовать доски визуализации.

Заключение

С помощью исследования была решена поставленная задача, а именно выявлены актуальные для гибкой команды инновационного проекта компетенции. В их числе компетенции, связанные с коммуникациями, обучением и развитием, командностью, сотрудничеством, адаптивностью, вовлеченностью и мотивацией. В целом можно сказать, что данные компетенции помогут команде стать самоорганизующимся коллективом, способным наиболее эффективно выполнять проектные работы в условиях неопределенности и подвижности факторов проектной и организационной среды. Ключевым вопросом является поиск способов развития этих компетенций. Наше исследование показало, что сама по себе специфическая деятельность agile-команд является одним из способов развития компетенций, т.е. в данных командах проявляется саморазвитие компетенций через выполнение реальных работ в проекте. Перспективным следует признать исследования, направленные на поиск дополнительных способов развития данных компетенций.

Библиографический список

1. **Апенько, С. Н.** Развитие профессиональных компетенций проектной команды как показатель устойчивости управления проектами / С. Н. Апенько // Экономика России в фактах и цифрах : сборник статей III Всерос. науч.-практ. конф. – Ставрополь: Логос, 2018. – С. 93–98.
2. **Апенько, С. Н.** Формирование профессиональных компетенций человеческих ресурсов с помощью командообразования проектов предприятия / С. Н. Апенько // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2016. – Вып. 2. – С. 60–68.
3. **Половинко, В. С.** Система оценки персонала в концепции управления по результатам / В. С. Половинко, М. Г. Сазонова. – Омск : Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2008.
4. **Вольфсон, Б. И.** Гибкое управление проектами и продуктами / Б. И. Вольфсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 144 с.
5. **Кон, М.** Scrum: гибкая разработка ПО = Succeeding with Agile: Software Development Using Scrum (Addison-Wesley Signature Series) / Майк Кон. – Москва : Вильямс, 2011. – С. 576.
6. **Рассмусон, Дж.** Гибкое управление ИТ-проектами: руководство для настоящих самураев / Дж. Рассмусон. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 266 с.
7. **Highsmith, J. A.** Agile Software Development Ecosystems / James A. Highsmith. – Addison-Wesley Professional, 2002. – 404 с.
8. **Scott, L.** Just Where Are 15.7 Million New Project Management Roles Coming From? Project Management / Lindsay Scott. – URL: <http://www.esi-intl.co.uk/blogs/pmoperspectives/index.php/project-management> (дата обращения: 21.07.2016).

References

1. Apen'ko S. N. *Ekonomika Rossii v faktakh i tsifrakh: sbornik statey III Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russian economy in facts and figures: proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference]. Stavropol: Logos, 2018, pp. 93–98. [In Russian]

2. Apen'ko S. N. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Bulletin of Omsk University. Series: Economics]. 2016, iss. 2, pp. 60–68. [In Russian]
3. Polovinko V. S., Sazonova M. G. *Sistema otsenki personala v kontseptsii upravleniya po rezul'tatam* [Personnel evaluation system in the results management concept]. Omsk: Izd-vo OmGU im. F. M. Dostoevskogo, 2008. [In Russian]
4. Vol'fson B. I. *Gibkoe upravlenie proektami i produktami* [Flexible project and product management]. Saint-Petersburg: Piter, 2015, 144 p. [In Russian]
5. Kon M. *Scrum: gibkaya razrabotka PO = Succeeding with Agile: Software Development Using Scrum (Addison-Wesley Signature Series)*. Moscow: Vil'yams, 2011, p. 576. [In Russian]
6. Rassmuson Dzh. *Gibkoe upravlenie IT-proektami: rukovodstvo dlya nastoyashchikh samuraev* [Flexible IT project management: a guide for real samurai]. Saint-Petersburg: Piter, 2012, 266 p. [In Russian]
7. Highsmith J. A. *Agile Software Development Ecosystems*. Addison-Wesley Professional, 2002, 404 p.
8. Scott L. *Just Where Are 15.7 Million New Project Management Roles Coming From? Project Management*. Available at: <http://www.esi-intl.co.uk/blogs/pmoperspectives/index.php/project-management> (accessed Jul. 21, 2016).

Романенко Михаил Алексеевич

кандидат юридических наук, докторант кафедры инновационного и проектного управления, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а)

E-mail: mihail.romanenko@gmail.com

Romanenko Mikhail Alekseevich

Candidate of juridical sciences, doctor's degree student of the sub-department of innovation and project management, Dostoevsky Omsk State University (55A, Mira avenue, Omsk, Russia)

Образец цитирования:

Романенко, М. А. Особенности профессиональных компетенций гибкой команды инновационных проектов предприятия / М. А. Романенко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 211–219. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-21.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные специальности журнала:

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

12.00.02 Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.03 Экономическая социология и демография

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.